
ОГОНЁК
№ 12 МАРТ 1966
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

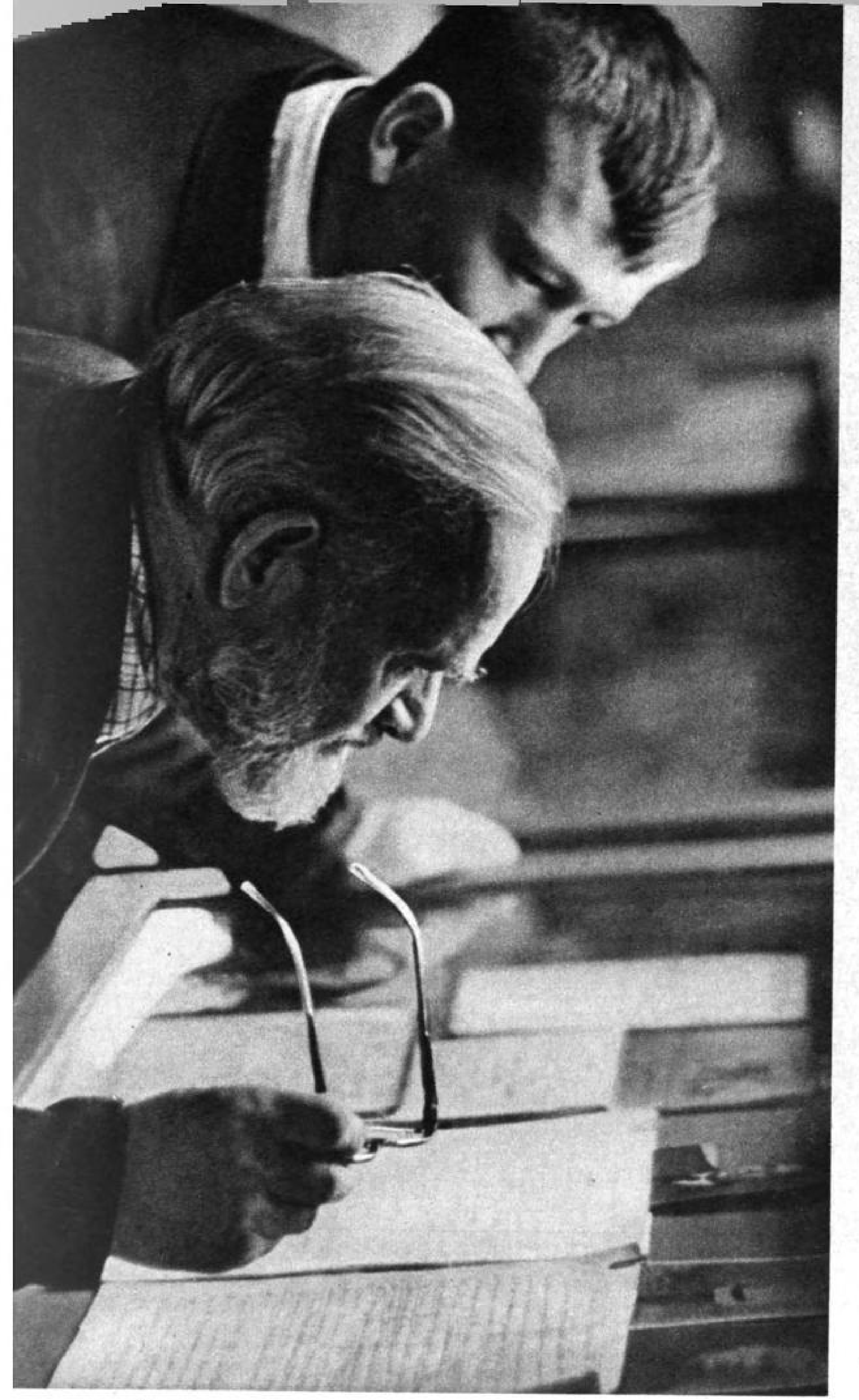
ОГОНЁК

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

44-й год издания

№ 12 (2021)

20 МАРТА 1966

В старом здании школы теперь колхозный музей. Александр Сергеевич Шангеев, бывший ученик этой школы, тут частый гость.

«Предусмотреть широкое развитие сети учреждений культуры и искусства и всестороннее улучшение культурного обслуживания населения, особенно в сельской местности».

Из проекта Директив XXIII съезда КПСС по пятилетнему плану.

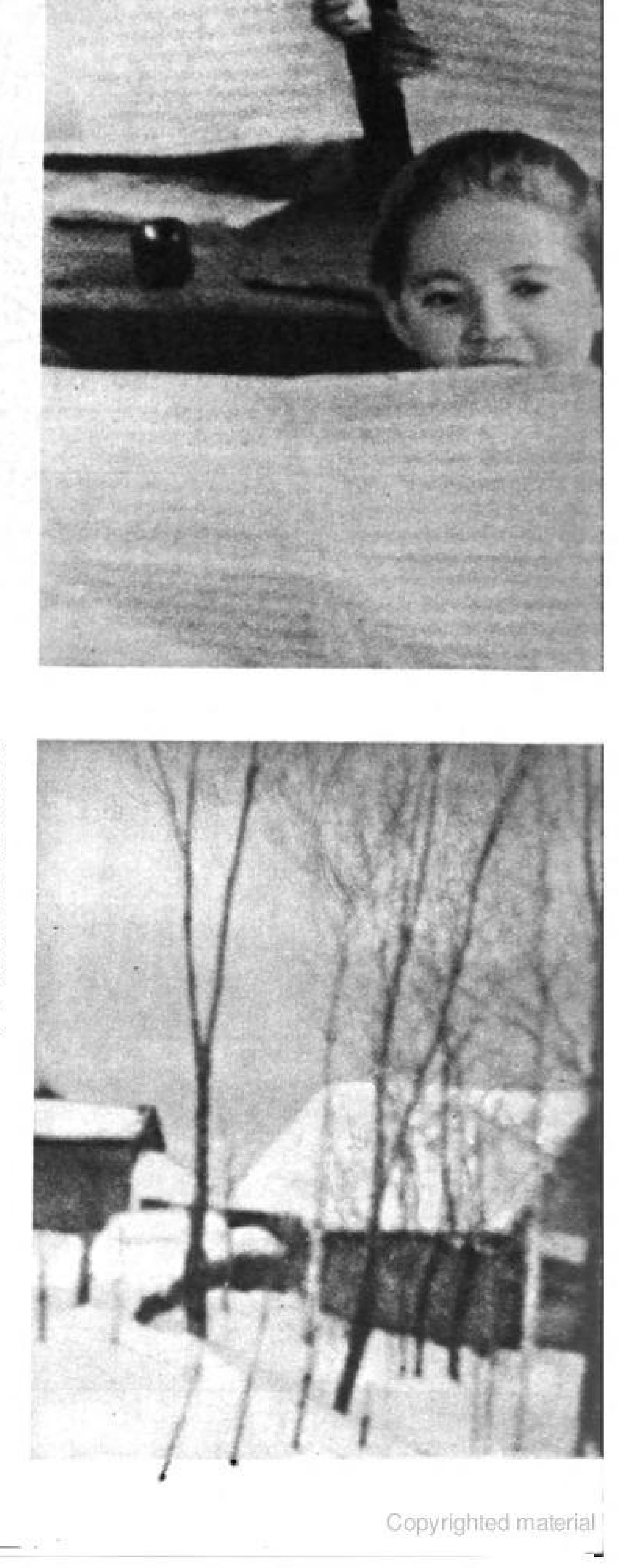
Хроника села Ходары

В. ДОЛГОВ, Ф. ФЕДОРОВ

Фото А. УЗЛЯНА.

История нашего чувашского села Ходары исчисляется столетиями. Нельзя сказать, что история эта, кроме последнего столетия, была очень богата событиями. Если же говорить о культурной жизни села, то тут и рассказать не о чем. Разве что о почтмейстере, который был по совместительству фельдшером, о деревенском чуде прошлого века — двух избах, топившихся по-белому. Говорить, что Ходары были селом сплошной неграмотности, излишне. И так ясно.

Первое крупное событие в куль-

Преподаватель пения И. В. Краснова в Ходарах первый год, приехала она сюда из Канашского педучилища.

ОКОНЧАНИЕ НА СТР. 28

Сельская «скорая помощь».

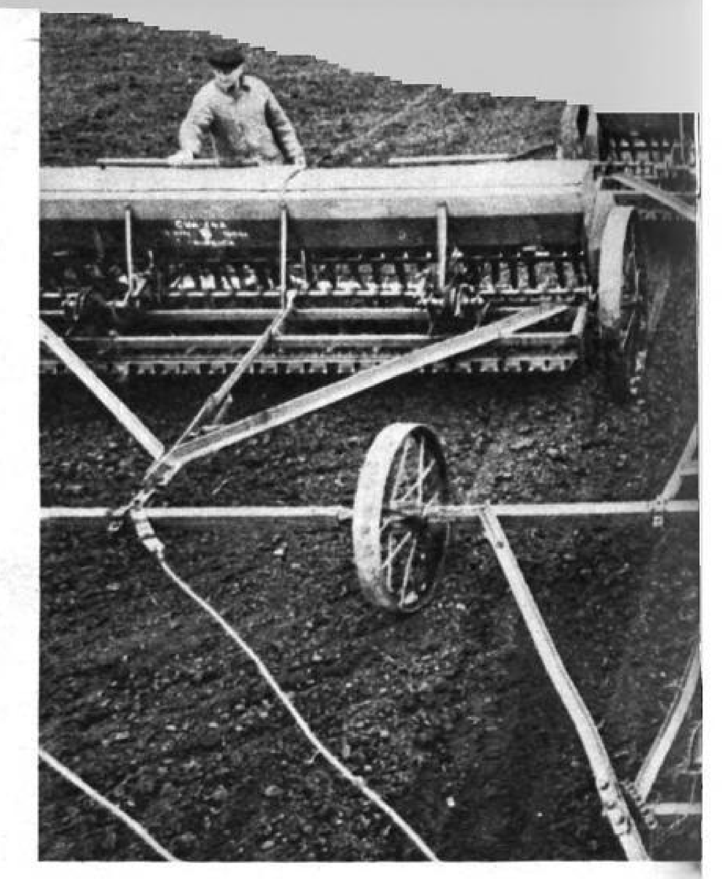

— Слышите пчел!

Фоторепортаж с Кубани ведет
Алексей ГОСТЕВ

Наш фотокорреспондент только что вернулся с Кубани, привез снимки, от которых повеяло ветром весенних полей. На Кубани давно уже тепло: сухая, почти бесснежная зима отступила под натиском дождей. Как их здесь, этих дождей, ждали! Земля жадно пила влагу, люди готовились к севу. И вот уже пронеслись над пшеничной степью темно-зеленые птицы сельскохозяйственной авиации, заговорили моторы тракторов, пошли до самого горизонта сцепы сеялок. Началась весенняя страда.

...Остановился винт, и захлопотали возле самолета девушки. Они заправляют машину удобрениями. Рядом со звеньевой Лидой Зацепиловой стоит председатель тимашевского колхоза «Россия» Герой Социалистического Труда Назар Константинович Еременко. Председатель в эти дни особенно внимателен к тому, как делается урожай в поле, как делаются молоко и мясо на фермах. Велика нынче ответственность хлебороба, велика цена доверия, оказанного ему партией. А тут еще Назар Константинович собирается в Москву, во Дворец съездов: коммунисты Краснодарского края избрали его, председателя, своим делегатом на XXIII съезд КПСС. Еще и еще раз объезжает поля и фермы Назар Константинович, ведет большое сражение за будущий хлеб, думает о рапорте колхозников «России» партийному съезду. Его радует дождь и развитие озимых, его заботит сев яровых и трав. В проекте Директив XXIII съезда КПСС предусмотрено увеличение производства зерна за пять лет на 30 процентов. Конечно, на Кубани сделать это нелегко: ведь всегда труднее повышать и без того высокие урожаи. Колхозники «России» наметили нынче намолотить по 37 центнеров зерна с гектара, в том числе по 40 центнеров пшеницы. Вот почему рада душа хлеборобская и теплым дождям и натиску весенней страды!

Сев идет.

СТРАДА

«Ускоренно развивать нефтедобывающую и газовую промышленность... Обеспечить дальнейшее внедрение передовых методов разработки нефтяных месторождений и интенсификации добычи нефти».

Из проекта Директив XXIII съезда КПСС
по пятилетнему плану.

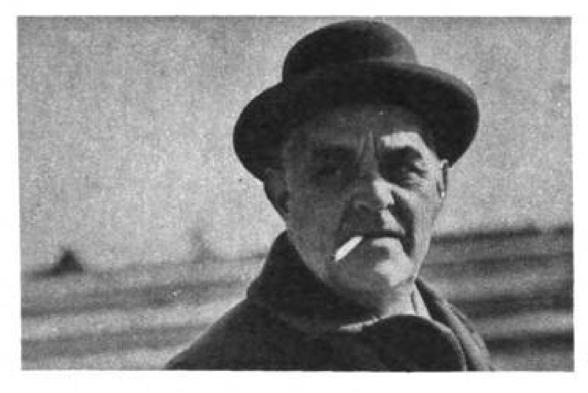

Фото С. Кулишова.

Главный моря

Ия МЕСХИ

Как поладить с морем, если ты не мореплаватель, не рыбак и вообще не морской волк, а самый что ни на есть сухопутный инженер?

Завен Иванович Мелик-Тангиев, главный инженер одного из бакинских строительных трестов, живет на суше, носит мягкую фетровую шляпу. Но шляпа мелькает над морем, и только над морем. То у острова Артема, то у Нефтяных Камней, на банке Дарвина, у островов Песчаный и Жилой, всюду, где строит «Азморнефтестрой».

Люди возводят сооружения на земле: ставят фундаменты, поднимают конструкции. Тут все ясно: нагрузки, расчеты. Но вот — море. Под морским дном — нефть. Надо ее достать. Это сделают нефтяники. А ты сделай для них то, на чем они смогут укрепиться и укрепить свой инструмент.

Все было внове, все в первый раз: проектировал первые морские площадки для буровых вышек, строил первую восьмикилометровую морскую эстакаду с острова Артема, с первых же дней строил Нефтяные Камни — целый городок на сваях в открытом море, за что был вместе с другими удостоен Ленинской премии в 1961 году. Трудно поверить, что Нефтяным Камням всего пятнадцать лет, что сейчас здесь засыпан привозной землей искусственный островок и скоро тут начнется сооружение трех высотных домов.

Пятнадцать лет назад крепить сваю в море на глубине восьми метров казалось верхом гидротехнического искусства. Сейчас дошли до тридцатиметровой глубины. Конструкция высотой в десятиэтажный дом стоит в воде, которая непрестанно волнуется и ест металл. Но все предусмотрено, рассчитано. И это вполне надежно. И, кроме всего прочего, чертовски красиво! Глубоко в зеленую пучину уходят ажурные сплетения красноватых труб и там, в таинственном мраке, соединяются с землей.

Но что тридцать метров! В районе банки Андриевского уже стоит площадка, ноги которой, прежде чем упереться в дно, проходят сорок метров воды. А в Южной Бухте построена специальная железобетонная пристань и стенд, на котором будут монтироваться пирамидальные и опорные блоки для глубин в шестьдесят метров! «Кероглы», самое мощное крановое судно в нашей стране, заберет такой блок и потащит в море. Четыре блока, перекрытие — и площадка готова. Ставь на нее вышку, пробуривай сразу несколько наклонных скважин.

Но не все, конечно, так просто и лихо, как кажется на первый взгляд. Очень длинную сваю сверху не забьешь. Это проблема, над которой сейчас приходится ломать голову. А ил на морском дне? В глубоких местах появились большие отложения ила. Иной раз слой достигает двадцати метров. Как крепить сваю на таком дне?

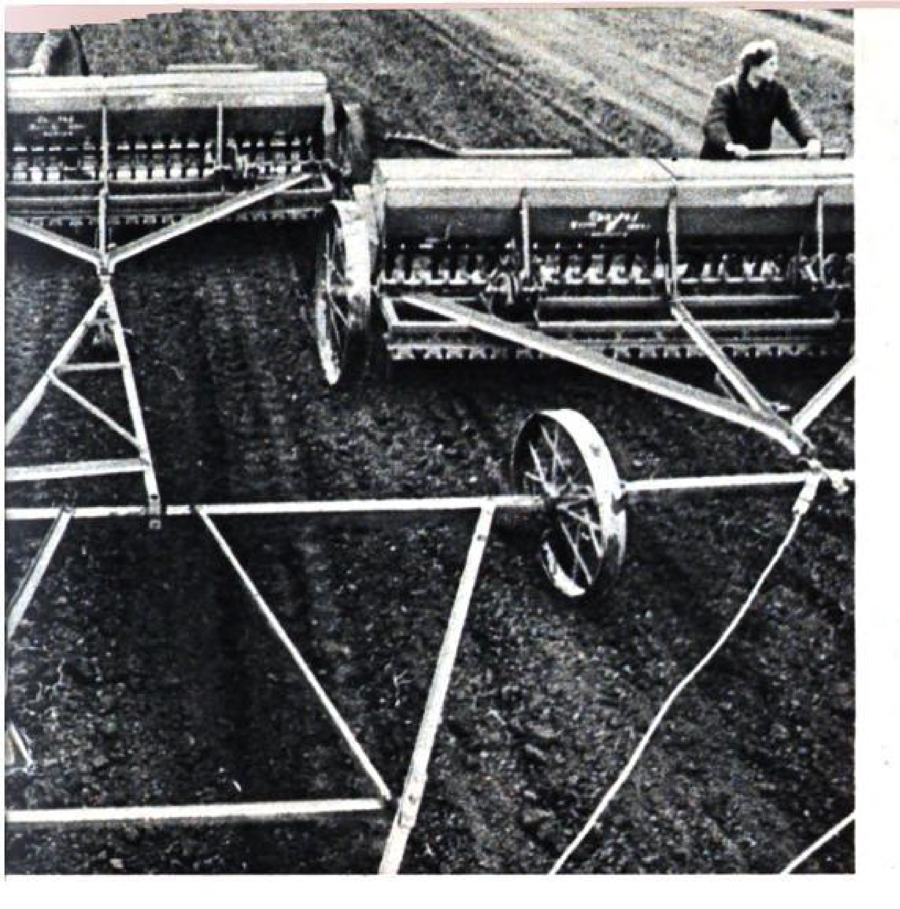
Далее, эстакадостроительный кран. Он не может работать на глубинах более 27 метров. Поэтому нужен новый, глубоководный, и идея создания такого крана уже есть.

Идеи и проблемы на каждом шагу. Придумали, как заготавливать плети для морского газопровода в специальном канале на Шаховой Косе. Сварили эти плети прямо в море на судах и проложили газопровод по морскому дну: один, второй, совсем недавно — третий. Все шло хорошо, пока трубы были восьмидюймовые. Сейчас готовятся плети из двенадцатидюймовых труб, они гораздо жестче, и пока неясно, как их сваривать на судах.

Со временем все эти головоломки останутся позади. Но одна проблема всегда будет стоять на особом месте, всегда будет волновать человека — проблема самого моря, его загадочной души, его коварных законов. Тысячелетиями человек бороздил морские просторы, но никогда не строился на море. И как с морем поладить?

Однажды забивали сваю в районе Нефтяных Камней, наткнулись на что-то, нырнули, а на дне — корма затонувшего корабля. Остановить работы? Поднимать судно? Сколько же времени потребуется! В морских архивах обнаружили: это «Зеленый», разбился на Камнях в 1918 году. Прошло сорок лет. Ржа подточила железо. Бейте, ребята, сильней! Пробили. И «Зеленого» пришили ко дну, как коллекционного жука.

Каспий спрятал под водой краешек Главного Кавказского хребта. Именно в этих мелководных местах, на Апшеронском пороге, есть нефть, здесь можно строить, врасти цепкими металлическими когтями в бывшие кавказские вершины. Они, эти вершины, помогают, но они же и сбивают, ломают волну. Под Новый год сообщили с Нефтяных: шторм разрушил участок эстакады. Никто не видел, как это произошло. Людей по штор-

ВЕСЕННЯЯ

ЗДРАВСТВУЙТЕ, ВЕТЕРОК И УГОЛЕК!

ВАЖНАЯ ВЕХА В ИЗУЧЕНИИ КОСМОСА

Ветерок и Уголек снова на Земле!

Закончен уникальный биологический и медицинский эксперимент. 528 часов животные были наедине со Вселенной на борту советского искусственного спутника Земли и сейчас, приземлившись, находятся в хорошем состоянии.

Получены важные данные о действии на живой организм космического излучения и радиационных поясов Земли на высоте до 900 километров.

Полет «Космоса-110» — важная веха на пути к будущим межпланетным стартам.

мовому прогнозу заблаговременно сняли с работ, укрыли в Центральном поселке... Немедленно на Камни! Из Баку дизель-электроход идет три с половиной часа. При десятибалльном волнении даже самый опытный капитан-наставник не швартуется к открытым причалам. Но эстакаду надо увидеть. Если не высадиться, то хоть рядом постоять.

Всю ночь на якоре возле неприступных эстакад. Завен Иванович ходит по каюте: скорей бы погода! Скорей бы утро!..

Так и есть: в эстакаде большая брешь. Восемь пролетов, как восемь спичечных коробков, сбросило в море. И это возле Грязевой сопки, недалеко от того места, где, сражаясь с морем, погибла бригада бурового мастера Каверочкина в 1957 году.

В чем же дело, инженер? Может быть, что-нибудь не рассчитал? Нет, все рассчитал, все сделал по проектам. Но это Каспийское море!..

Когда погибла бригада Каверочкина, тоже был сильный шторм. Он начался внезапно, среди ночи. Каверочкин был вдали, на отдельной морской площадке. Там и в приличную погоду волны ходили, как хмельные. В темноте было видно, как на буровой развели костер, звали на помощь. Наверно, площадку раскачивало ударами волн снизу. Но выйти с Камней не удалось. Это было невозможно. Остаток ночи никто не смыкал глаз. Потом погас огонек. Утром на месте вышки плескалась смирная вода.

Страшный урок. После него эстакады и площадки стали строить на расстоянии 10—12 метров от уровня воды. Но здесь не помогла и эта высота. Волна подпрыгнула выше.

Что же делать? Главный по морю, Завен Иванович, настаивал: подвело дно. Мы плохо знаем дно. Мы плохо знаем повадки волны. Надо лучше их изучать. Но только не отступать. Несчастных случаев становится все меньше и меньше. В прошлом году был лишь один.

Затеяно большое и смелое дело. Раз в сто лет бывают на Каспии сильные ураганы и штормы. Раз в сто лет вспыхивают на эстакадах пожары, грозят с севера льды, выходят из-под дна грифоны. Наверно, в этом жизнь?

И все-таки с морем надо ладить...

Новый, 1966 год. Новое Министерство нефтедобывающей промышленности Азербайджана созывает первое заседание коллегии. Много приглашенных, и среди них — строители морских дорог. Как всегда перед стартом, захватывает дух. В районе Бакинского архипелага, недалеко от мыса Сангачалы, геологи разведали под морским дном богатый нефтью седьмой горизонт. По всему видно, это будут вторые Нефтяные Камни. А может быть, и того лучше — пойдет с архипелага большая нефть. Но об этом потом. Пока реальны Сангачалы. И коллегия решает: в добрый путь, на освоение!

Кто впереди? Конечно, морские саперы. Строить эстакаду или отдельные площадки? Эстакаду. Она выгоднее, удобнее. Тянуть ее от берега к острову Булла? Нет, оказывается, нефтяников интересует участок чистого моря между островом и мысом Сангачалы. А там не за что зацепиться, нет даже камней, как на Нефтяных Камнях!.. Ну что ж, пусть и такое будет впервые...

Главный инженер берет чистый лист, пишет заголовок: «Проект организации работ по строительству эстакад на акватории Сангачалы — море». Не график работ, а именно проект. Карты, схемы, расчеты... В проекте все учтено до мелочей, до перечня элементов малой механизации, до инструкции для работающих на строительстве. Надо так организовать дело, чтоб катер с первой группой строителей подошел к базовой морской площадке в день открытия XXIII съезда КПСС. На площадке уже будут стоять два эстакадостроительных крана: один — чтоб работать в направлении к мысу, другой — к острову Булла. Все механизмы и приспособления будут лежать на заранее определенных местах. Люди высадятся на свою новую акваторию и опустят в акву первые сваи.

Может быть, и не обязательно приурочивать все к дате открытия съезда, но жизнь инженера-коммуниста — это не только обязанности и долг. Это еще и чувство, а чувство подсказывает — пусть будет праздник, открытие! Как всегда, немного взволнованные значимостью всех начал, первые строители Сангачалы проведут свою вахту и пойдут домой. Именно пойдут, хотя идти-то всего придется два шага: дом будет тут же, на морской площадке!

С домом было много хлопот и сомнений: нужно ли ставить его в море? Для опытного морского строителя это даже не вопрос. Существуют правила безопасности при разработке морских нефтяных месторождений: возводить эстакады допускается при ветре до четырех баллов. Если следовать этим правилам, то количество рабочих дней в море составит не более 42 процентов. С этим ничего не поделаешь, и задача состоит лишь в том, чтобы максимально уплотнить, насытить трудом эти 42 рабочих процента.

Представим, что люди живут на берегу. С суши или от острова до площадки полтора часа пути. Получен неблагоприятный прогноз, выезжать на работу нельзя. Ветер стих, можно работать, а море еще волнуется, и к площадке не пришвартуешься. Стало быть, снова сиди на берегу. А иногда прогнозы бывают ошибочными или завышенными. Та же история с теми, кого прогноз застанет на эстакаде: их придется каждый раз с площадки снимать. А если шторм налетел внезапно и люди не успели отчалить? Где укрыться? Так и стоять, держась за поручни, над ревущим морем?

Подобное уже пережито на Нефтяных Камнях. Там тоже сначала базировались на острове, гуляли по морю туда и обратно, выматывали силы, еле продвигались вперед, пока наконец не решились построить на эстакаде дом (сейчас их уже 18!) и не перешли на вахтенный график: 17 дней работы в море, 13 — отдых в семье, на берегу.

В Сангачалы нет больших глубин, дно хорошее, волны не такие высокие и с севера участок моря прикрывает Апшеронский полуостров. Остается моральный фактор: действительно, это не очень приятное ощущение полной оторванности от земли. Потому-то морским строителем и может быть только смелый человек. Потому-то и хочется устроить его как можно теплей!..

Да, дом надо строить. Главный берет ответственность на себя. Он сам находит для него материалы, составляет проект.

Далеко в море идет сейчас достройка большой базовой площадки, плацдарма для наступления на новый нефтяной район. А в Баку, на главной пристани, готовятся к монтажу крупные панели, из которых будет смонтирован Морской Дом. Все надо проверить самому: выполнены ли особые требования к железобетону, соблюдены ли конструктивные мероприятия, обеспечивающие подъем и перенос дома крановым судном? Он будет двухэтажный, весом в 220 тонн. И в нем будет восемь жилых комнат, контора стройучастка, кухня и столовая, радиорубка и гардеробные, душевые и туалеты и даже комната для приезжих (на двоих!). В этом доме смогут жить 50 человек.

«Конечно, ты инженер,— думает Главный.— Твое дело — решать технические вопросы. Можно на все закрыть глаза и уткнуться в чертежи. А как же люди? Технические вопросы будут решать люди, о каждом из которых можно сказать: он герой. И поэтому чертежи чертежами, но наряду с ними надо достать на складах хорошие масляные электрорадиаторы, именно такие, какие подойдут для жилых комнат строителей Сангачалы. И самому раздобыть хорошие электроплиты, титаны и холодильники. И даже посуду. И даже одеяла! Как хорошо, когда одеяла уже припасены, и не какие-нибудь там ватные, а самые лучшие — из верблюжьей шерсти!..»

Делегатам XXIII съезда КПСС будет приятно узнать, что загорятся первые огни в окнах нового Морского Дома и что на Каспии уже проложено 240 километров морских дорог и начали прокладывать 241-й. Еще одно месторождение — еще один обжитой человеком кусок моря. Можно и с морем поладить.

ОТ РОЖДЕНИЯ ДО СТАРОСТИ...

С. М. ТИХОМИРОВ,
первый заместитель министра химической промышленности СССР

Как только человек появляется на свет, добрая фея — химия незамедлительно преподносит ему подарки: резиновую соску, поролоновую губку, пластмассовую погремушку. А потом химия заботится, чтобы у школьника была хорошая, немнущаяся форма, красивый ранец, удобный пенал, авторучка.

Химия печется и о взрослых. Наша одежда и обувь созданы с ее помощью. Она же поставляет нам и красивую, прочную мебель. Больше того, в нашей стране уже начали воздвигать пластмассовые дома.

Так, в течение всей жизни мы пользуемся услугами химии. Это она спасает нас от болезней, поставляя целый арсенал лекарств. Это она умножает урожаи хлебов и овощей, уничтожает сорняки, превращает засушливые земли в плодородные.

Химия снаряжает в дальнюю дорогу космонавтов: помогает создавать прочные космические корабли, скафандры, готовит необходимые витамины. Автоматическая станция «Луна-9» тоже появилась на свет не без помощи химии.

Как видите, возможности всепроникающей химии поистине беспредельны. Каковы достижения химической промышленности в нашей стране за последние годы? Наш корреспондент попросил рассказать об этом первого заместителя министра химической промышленности С. М. Тихомирова.

— Наша химическая промышленность столь многогранна, что рассказать обо всех ее достижениях в краткой беседе невозможно. Скажу о главном. После XXII съезда партии, менее чем за пять лет, в нашей стране построены 42 крупнейших предприятия, а на старых заводах родилось 760 новых цехов и производств.

— Что выпускают новые предприятия?

— Восемнадцать из них трудятся для полей и пашен: дают им минеральные удобрения. Причем интересна география: Щекино и Невинномысск, Черкассы и Куйбышев, Сумгаит и Гомель, Дорогобуж и Фергана... Как видите, они расположены в самых разных районах страны, и это очень удобно: сокращается дальность перевозок.

За семь лет выпуск минеральных удобрений увеличился в два с половиной раза, а выпуск препаратов для защиты растений — ядохимикатов и гербицидов — в пять раз. Но рост здесь не только количественный. Средства повышения урожайности стали разнообразней, эффективней. Теперь выпускаются комплексные удобрения, которые содержат много питательных веществ.

В новой пятилетке производство минеральных удобрений — это записано в проекте Директив XXIII съезда партии — увеличится в два раза по сравнению с прошлым годом.

Много внимания уделяется пластическим массам. За последние годы наша промышленность освоила производство пластических масс, которым не страшны сильные механические воздействия, высокие температуры: это ударопрочный полистирол, жаропрочные кремнийорганические смолы и лаки. А скоро начнется производство в промышленных масштабах полипропилена и некоторых других материалов, стойких к различным воздействиям. К 1970 году выпуск пластмасс возрастет почти в три раза и достигнет двух миллионов ста — двух миллионов трехсот тысяч тонн.

Увеличивается производство химических волокон, которые успели завоевать популярность у жителей городов и сел. На прилавках магазинов появляется все больше тканей и трикотажных изделий из таких, например, волокон, как нитрон или анид. За последние пять лет вошло в строй восемь новых крупных предприятий, дающих химические волокна. В частности, хочется отметить построенные в Кироваканe и Каунасе заводы ацетатного волокна, коллективы которых быстро освоили весьма сложное оборудование.

— Как обстоит дело с красителями?

— Восемьдесят шесть тысяч тонн красителей в год выпускает наша промышленность. Но сейчас главное для нас — качество красителей. Это задача всех задач. И решить ее можно только за счет расширения ассортимента, замены непрочных, неярких красителей новыми, лучшими, которые не побоятся ни солнечного света, ни капризов погоды, которые будут радовать своей яркостью и к тому же окажутся пригодными для разных видов волокон.

Палитра станет очень разнообразной. Если за прошедшие пять лет мы освоили 80 марок красителей, то теперь только за один нынешний год должно появиться 65 новых марок.

В новой пятилетке мы постараемся предложить легкой промышленности красители самых различных цветов, оттенков, чтобы отечественные ткани и трикотаж не доставляли людям никаких огорчений. Впрочем, это относится ко всем вещам, окружающим нас. Все они должны радовать глаз красивой расцветкой, будь то автомашина или кожа...

— Нас, в частности, очень интересует полиграфия. Читатели журнала сетуют на блеклые краски. Что вы можете сказать по этому поводу?

— В Вышнем Волочке построено большое, оснащенное новейшей техникой предприятие, которое уже начало выпускать различные красители для полиграфической промышленности. Это самым благотворным образом скажется на внешнем облике книг и журналов. Думаю, что в этой связи и ваш журнал «Огонек» в ближайшее время тоже похорошеет.

— Какое внимание уделяется бытовой химии?

— Очень большое. За семилетие выпуск продукции бытовой химии увеличился в два с половиной — три раза. Это относится к самым различным веществам, необходимым в домашнем хозяйстве: моющим, чистящим, полирующим, дезинфицирующим, красящим. Значительно расширяется производство химических веществ в баллончиках, предметов широкого потребления из пластмасс, пленок, листового материала и т. д. Позаботились химики о садоводах: они получат расфасованные пакеты с различными минеральными удобрениями, ядохимикатами. Одна из главных задач химической промышленности — значительно улучшить качество препаратов бытовой химии, расширить их ассортимент.

— Как новая система планирования отразится на производственных планах химических предприятий?

— В отличие от прошлых лет директора заводов будут стремиться полнее загрузить мощности, взять более высокие планы, ибо тем самым они и коллективы их предприятий эффективнее используют производственные фонды, а значит, получат большую прибыль и добьются лучшей оплаты труда.

В новых условиях, когда в распоряжении заводов будет оставаться значительная часть прибыли, несравненно возрастут возможности и для технического перевооружения и для материального поощрения работников. Это поможет закрепить кадры, повысить их квалификацию.

Воскресенский химический комбинат имени В. В. Куйбышева, выпускающий минеральные удобрения,— первое предприятие химической промышленности, которое перешло на новую систему планирования производства и материального стимулирования. Из плана этого завода был вычеркнут такой показатель, как валовая продукция, показатель, который часто вовсе не характеризовал действительных успехов комбината, не способствовал внедрению передовой техники. Отныне только реализованная, а следовательно, нужная потребителям продукция будет определять выполнение плана.

Сейчас работники химической промышленности детально изучают проект Директив XXIII съезда КПСС по новой пятилетке. Они изыскивают резервы, чтобы быстрее достичь намеченных рубежей.

Минск—Сибирь—Урал

Не одну сотню километров отстучали колеса фестивального поезда по сибирской земле.

Фестиваль белорусского искусства в самом разгаре. Торжественное открытие в Кемерове позади. Идут фестивальные будни. Но каждый концерт — будь он в театре, клубе, Дворце культуры или в колхозах, совхозах, на промышленных предприятиях — превращается в весенний праздник искусства.

Впереди у белорусских артистов еще многие города Сибири и Урала, многочисленные встречи с учеными, рабочими, тружениками сельского хозяйства — зрителями.

П. СИТАЛЕВ

На снимке: исполняется танец «Белорусский хоровод».

Фото М. Минковича.

НАРОДЫ

Генерал Хёрши у карты США изыскивает новые резервы.

Новый резерв генерала Хёрши

Через мясорубку призывных пунктов пропускаются все новые и новые тысячи американских парней. В фельетоне «Мясорубка Хёрши» («Огонек» № 6) мы рассказали о планах генерала Хёрши, главы ведомства по набору в армию США. Генерал собирался значительно увеличить во-

Резервы найдены.

В Колонном зале Дома союзов состоялось собрание представителей общественности столицы в поддержку борьбы вьетнамского народа.

Демонстрация в Нью-Йорке против грязной войны во Вьетнаме.

МИРА СОЛИДАРНЫ С ВЬЕТНАМОМ

енную мощь Соединенных Штатов за счет студентов и уголовников. В восьмом номере «Огонька» мы сообщили о том, что мечты Хёрши претворяются в жизнь: погнали на призывные пункты студентов. По логике генерала, настала очередь уголовников. Но, видимо, перед этим решили сделать своего рода прослойку: между студентами и уголовниками. И прослойку весьма основательную.

Неутомимый Хёрши разыскал еще один резерв пушечного мяса. Изучая параграфы законов и инструкций, он добрался до призывников, объединенных в так называемую группу 1-Ю. Под этот индекс подпадают все те, кого медицинские комиссии сочли умственно недоразвитыми!

Одним росчерком пера генерал проделал невиданную в истории титаническую медико-воспитательную работу: перевел призывников группы 1-Ю в группу 1-А, подлежащую призыву. И потрудиться стоило. Ведь речь идет почти о двух миллионах будущих вояк! Кстати, эта колоссальная цифра не может не навести на мысль, что многие призывники во время медкомиссий сознательно делают все, чтобы избавиться от службы в армии, подпав под спасительный индекс 1-Ю.

Как известно, многие выдающиеся деяния на поприще науки не оцениваются современниками по достоинству. На этот раз такого не случилось. Смелый эксперимент генерала сразу был замечен. И не только из-за многочисленности пресловутой группы 1-Ю. Дело в том, что одним из первых ощутил на себе последствия генеральской реформы сам Кассиус Клей, чемпион мира по боксу. Проснувшись в одно прекрасное утро, он узнал, что волею Хёрши переведен из группы 1-Ю в группу 1-А. Как ни странно, это обстоятельство не обрадовало скандально известного чемпиона. Его, как и других американских призывников, не прельщают горящие джунгли Вьетнама. Они предпочитают числиться в списках полудурков, нежели в списках погибших и пропавших без вести. Еще больший удар генерал нанес по хозяевам Клея, лидерам грязного боксерского бизнеса. Известно, что на 29 марта был намечен очередной матч-спектакль чемпиона с очередным претендентом на высший титул. Теперь же поднялся шум из-за возможного срыва матча. А коль скоро дело коснулось долларов и прибылей, тут уж бизнесменов не троны! И вот благодаря тому, что Клей числился в группе 1-Ю, имя не в меру инициативного генерала Хёрши снова попало в газеты.

В. НИКОЛАЕВ

Очередная жертва. Резервы тают...

УБИЙЦ— К ОТВЕТУ!

Это не плакат — это снимок, сделанный на обагренной кровью земле Вьетнама. Но вглядитесь, посмотрите, какая сила обобщения в этих двух фигурах.

Спокоен убийца. Перед ним не первая жертва. В правой руке автоматическая винтовка, в левой — папироса. Сейчас он спустит курок и закурит. А потом пойдет получать грязные доллары наемника, палача и убийцы.

Молодой вьетнамец связан по рукам и ногам. Его рот и глаза заклеены липкой лентой. Но посмотрите, как гордо он поднял голову! Нет страха, нет боли! Есть ненависть и уверенность, что родной народ доведет борьбу до конца. Народ победит! И потребует суда над убийцами!

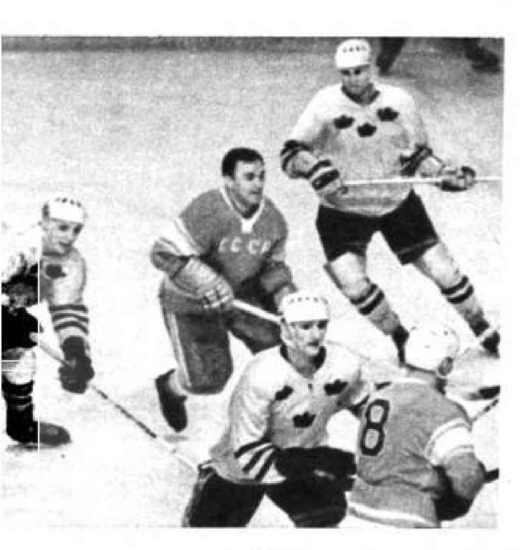
В эти дни весь мир выражает свою солидарность с борющимся Вьетнамом. Тысячи демонстраций и митингов протеста прокатились по странам. Растет гнев народа против организаторов преступной войны во Вьетнаме и в самих Соединенных Штатах. По улицам Нью-Йорка прошла демонстрация сторонников мира и патриотов. Они несли плакаты с требованиями: «Прекратить войну во Вьетнаме!», «Позор убийцам!», «Вернуть американских солдат!»

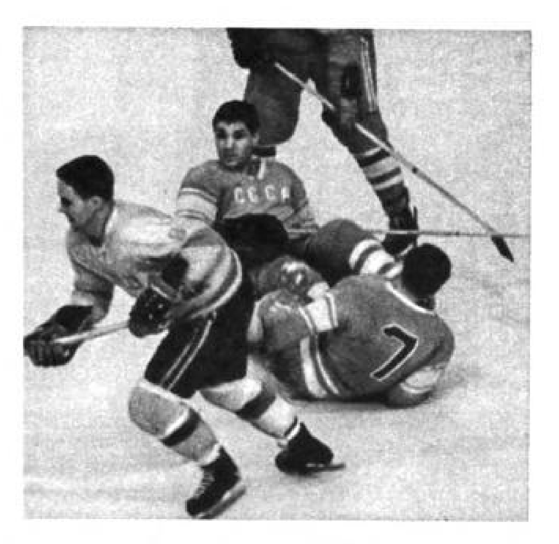

На льду команды СССР и Чехословакии. Атакует тройка В. Старшинова — она была героиней этого решающего матча. Слева — В. Старшинов, забросивший три шайбы. Рядом с вратарем В. Дзуриллой Б. Майоров, справа — В. Якушев.

Вы хотите знать, что такое хоккей? Посмотрите на лица этих болельщиков! Сколько на них можно прочесть разноречивых чувств: радость, отчаяние, восторг, удивление...

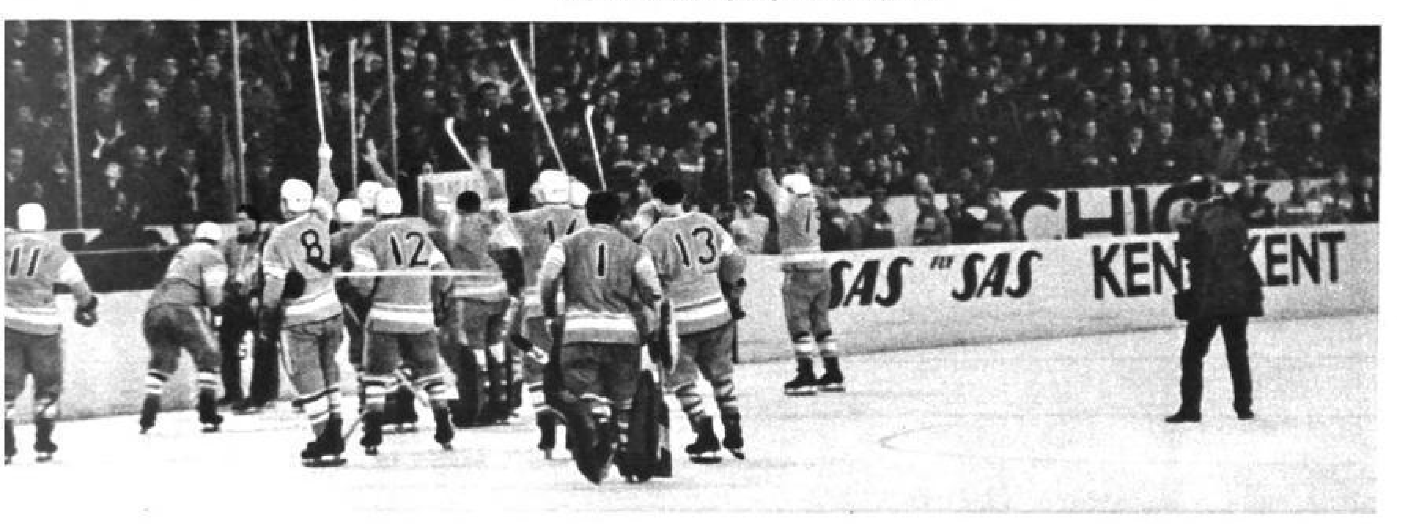

Лучшими хоккеистами первенства мира признаны нападающий К. Локтев (СССР), вратарь С. Мартин (Канада), защитник А. Рагулин (СССР).

Прозвучала сигнальная сирена. Победа! И советские хоккеисты приветствуют и благодарят за поддержку болельщиков.

ФОРМУЛА УСП

Даже самая современная электронно-счетная машина не способна вывести формулу, зная которую можно проложить дорогу к победе в любом состязании. Ведь дело приходится иметь с такими непостоянными величинами, как человеческие чувства: каково настроение и дух соперников, их подготовленность, моральная крепость, техническая оснащенность... И тем не менее формула победы нашей команде была известна, и, пользуясь этой формулой, сборная СССР добилась четвертой победы подряд.

Итак, медали и кубки вручены спортсменам, пятьдесят шайб, улетевшие с ледяного поля и перехваченные зрителями как сувениры, упакованы в чемоданы. Свернуты флаги и лозунги, которыми болельщики оперировали, вдохновляя своих любимцев. Но итоги чемпионата, то новое, что он внес в историю увлекательной спортивной игры, еще долго будут изучаться всеми ее поклонниками. Что же уже сейчас, в ночь после окончания чемпионата, хочется отметить в первую очередь? Что прежде всего бросается в глаза нам, свидетелям бурных событий на ледяном поле? Об этом наиболее примечательном итоге хоккейного чемпионата напоминает нам сувенир, изготовленный старым ковачем Йожей, стариком с руками Геркулеса, из крошечного городка Кропа, чьи изделия из металла известны далеко за пределами Есеницких гор.

Сказочные рыбы, русалки, диковинные цветы, созданные старым мастером, украшают президентский дворец в Белграде и многие музеи мира, а теперь он выковал клюшку, чтобы она всегда напоминала спортсмену, которому вручена, о Словении... Клюшку старого словенского кузнеца получил один из самых известных шведских хоккеистов, Тумба. И вот еще до окончания чемпионата нам стало известно, что старый соперник и приятель советских хоккеистов Свэн Тумба навсегда меняет боевую деревянную клюшку на почетную железную. Тумба, блестяще сыграв матч в составе «Тре Крунур» со сборной СССР, занял место тренера у борта. Больше мы его на льду не видели.

Смена хоккейных поколений — вот один из главных итогов люблянского чемпионата. И тенденция эта наметилась еще до его начала. Обновление... Это слово часто повторялось в газетных и журнальных статьях. Тренер нашей сборной А. Тарасов в своем интервью подчеркнул, например, что шведы сменили опытных ветеранов на молодых, полных задора, не успевших еще раскрыть своих возможностей, и потому их команда будет являться одной из самых опасных сборных. Канадцы тоже ввели в свои ряды свежие силы, и был момент, когда даже для знаменитого вратаря Сета Мартина, с чьим именем связаны фантастические подвиги на льду многих хоккейных столиц, поездка в Любляну была под вопросом. Ну, а о чехословацкой сборной и говорить нечего: уже год тренеры Костка и Боузек успешно обкатывают молодежь, и один из ее представителей — Вацлав Недомански — успел стать звездой первой величины. И только советская сборная оказалась в Любляне в своем основном, тамперовском составе: среди защитников ни одного молодого хоккеиста, среди нападающих только двое — Виктор Полупанов и Владимир Викулов.

Процесс обновления — нелегкое дело, и, понимая это, наши ветераны окружили заботой и любовью новобранцев. Забегая вперед, расскажу, что накануне матча с Канадой старшие договорились между собой: не замечать промахов новичков и со всеми претензиями обращаться лишь к вожаку новой тройки — Фирсову. И это нежное отношение к молодежи оправдало себя. Как известно, фирсовская тройка пропустила немало возможностей забить шайбу в ворота шведов, но в борьбе с канадцами она действовала значительно увереннее, и не кто иной, как Викулов, забил ту шайбу, которая, по заявлению тренера команды Бауэра, заставила его игроков смириться с поражением.

Канадцы, как ни сопротивлялись они, вынуждены были капитулировать с сухим счетом — 3 : 0, и после этой победы сборную СССР от золотых медалей отделяли всего лишь 60 минут последнего матча. Но не стоило забывать, что противником в эти 60 минут будет чехословацкая сборная, вот уж какой год преследующая, но не догоняющая нас. Но, может, на сей раз она догонит?

Но прежде чем решить судьбу золота, судейская коллегия распределила бронзу. Трудно сказать, чем бы закончилась встреча канадцев и шведов, не столкнись Ларс Нильссон с Дэвисом. Канадец прикрыл голову рукой, из которой сочилась кровь, а швед, понурившись, отправился на 5 минут на скамью штрафников. И ничейный счет (1 : 1), державшийся до середины второго периода, стал быстро расти в пользу канадской сборной, и финальный свисток зафиксировал поражение шведов. «Капля крови канадского защитника была для шведов... на вес бронзы»,— пошутил аргентинский журналист. Остается добавить, что Дэвис был самым грубым и драчливым игроком в этом матче и вот оказался жертвой.

Если канадцам счастье улыбнулось лишь во второй половине матча со шведами, то от чехов фортуна отвернула свой лик уже на 80-й секунде игры с нами, когда Старшинов неожиданно распечатал ворота В. Дзуриллы. Никто не ожидал, что судьба встречи, а с ней и судьба золотых медалей будет решена в течение первых пяти минут. На ворота чехословацкой команды обрушился шквал шайб. Давно не знала чехословацкая сборная подобной неудачи — 1 : 7!

Ну, а если вернуться к формуле успеха, то ее великолепно выписала на льду «Хала Тиволи» наша сборная, показав всему миру, что составными величинами в ней являются дружба, верность цели, мужество, мастерство и нетерпение в сердце — величайшие качества команды, где каждый — звезда, но никто не фаворит, где один играет на всех, и все — на одного.

Любляна.

Вот они, четырехкратные чемпионы!..

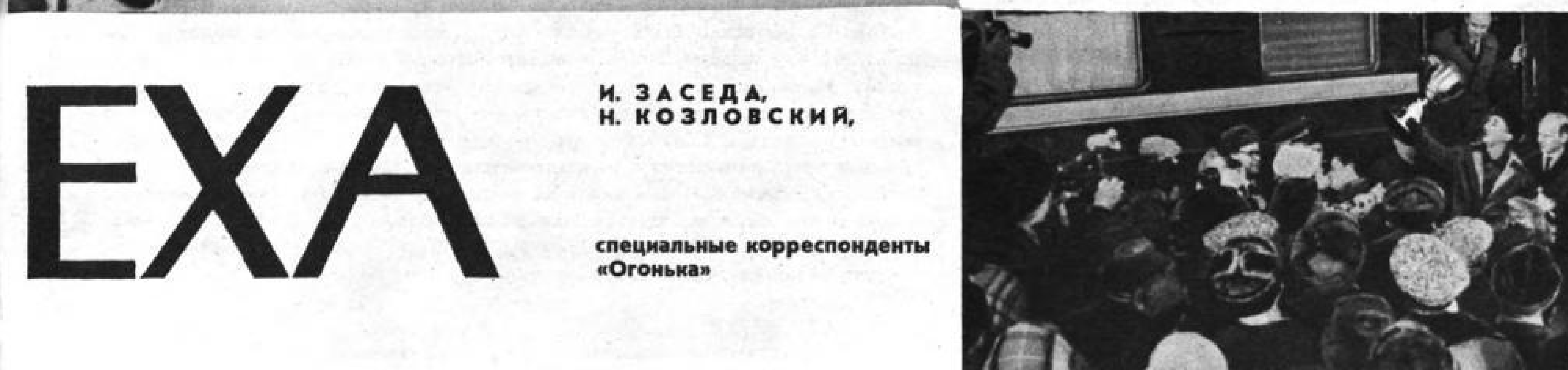

ЕХА

И. ЗАСЕДА,
Н. КОЗЛОВСКИЙ,

специальные корреспонденты «Огонька»

Встреча в Москве.

Многоцветье...

Ник. КРУЖКОВ

Как переливно, разнокрасочно советское изобразительное искусство! Когда смотришь картины, выставленные на соискание Ленинской премии, вся Родина встает перед глазами в своей несказанной красе, с ее бескрайними просторами, населенная многими народами, живущими в согласии, братстве и дружбе. И главный герой картин — человек, строящий, созидающий, борющийся. Немало трудов положил он, чтоб вокруг кипела жизнь, светлая и добрая, исполненная высокого смысла и благородного назначения. Общность идеалов и устремлений роднит всех советских людей «от финских хладных скал до пламенной Колхиды».

Серию картин Сергея Герасимова «Земля Русская» представили на соискание Ленинской премии художники России, Украины, Молдавии, Грузии, Литвы, Латвии, Азербайджана, Таджикистана, Армении, Эстонии — в дружном единстве, в общем слитном уважении, в единодушном признании. Серию эту открывает известная картина «За власть Советов» — на ней изображен восставший народ: рабочие, крестьяне, солдаты, так и не расставшиеся с оружием, мальчишки-подростки, идущие вместе с отцами. Могучей, несокрушимой силой веет от этого полотна. Смотришь на картину — и остро чувствуешь: нет такого препятствия, такой горы, которая могла бы остановить движение народа, устремившегося вперед в своем праведном гневе: все будет сметено надвинувшейся грозой. И рядом с этой картиной, бурной и кипящей, полной революционного накала,— тихие можайские перелески, то в серебряном снегу, то в золотой россыпи осенней листвы, то в светлых лучах ранней весны. И тут же русские люди-труженики: землепашцы, ремесленники, рабочие. И все это, вместе взятое, «Земля Русская» — откуда возникли изначальные истоки очистительной Октябрьской бури. Отсюда объединенность чувств, с которыми художники многих народов, живущих на советской земле, назвали серию картин Сергея Герасимова достойной премии имени великого Ленина!

Глубоким гуманизмом, светлой добротой к человеку пронизаны картины А. Пластова из серии «Люди колхозной деревни». Утверждением жизни со всеми ее радостями отмечена кисть этого славного художника, вышедшего из народных глубин и несущего в сердце чувство огромной любви к своему народу. Его герой — тот же, что у Сергея Герасимова,— русский труженик, крестьянин, перестраивающий свою землю и свой уклад. Все сверкает и блестит на картинах Пластова: зелень лугов, роспись девичьего платка, синь весеннего неба. Люди на его картинах ласковы, спокойны, неторопливы, чисты душой, полны достоинства. Пластовские полотна источают запахи развороченной лемехом земли, деревенского дымка над избами, свежести трав, молодой листвы придорожного тополя; от них как бы плывет в воздухе дух сельской домовитости, созданной рукой человека, любящего труд и не мыслящего свою жизнь без труда. Картины Пластова — гимн труду.

У каждого художника, если он только настоящий художник, своя кисть, своя манера, свой почерк, свое видение жизни. Он вне искусства, если его кисть неотличима от других. Из разряда мастеров он переходит в безликую толпу подражателей, копиистов, ремесленников.

Е. Моисеенко — мастер своеобычный, кисть его резка, краски скупы: белое и черное борются на его полотнах, в столкновение этих двух начал лишь слегка вовлечены иные цвета. Но вы невольно останавливаетесь у его картин: они вас схватывают за душу неожиданностью манеры, острой мыслью.

«Есенин с дедом». На полотне — высокий, могучий, костистый старик, с иконописным, строгим лицом гусляра-сказителя, и рядом с ним деревенский мальчишка с глазами острыми, пытливыми, всматривающимися в мир с необыкновенной для ребенка внимательностью и дерзостью. Может быть, именно в эту минуту родился у мальчика первый поэтический образ, сложилась первая, еще, возможно, не очень внятная поэтическая строфа.

«Товарищи». Кто они, эти товарищи по оружию, собравшиеся у горного перевала перед последним решительным броском? Русский парень в солдатских сапогах, истоптавших пол-России, дагестанец с лицом мужественного и сурового бойца, латыш в шинели, простреленной и заношенной. Ясно одно: эскадрон устал. И ясно также, что вот сейчас загремит труба и они с готовностью пойдут вперед, ведомые Революцией...

На картинах М. Абдуллаева льются жаркие лучи азербайджанского солнца и свежие ветры вздымают пыль старой дороги. И тучи на них не российские, равнинные, а крутые, присоленные недальним морем, сбитые в плотную массу свирепой южной грозой, и террасы виноградников вовсе не похожи на российские просторы пшеницы и ржи. Но те же добрые люди труда на его картинах — ленкоранская колхозница, старый чабан, девушка из Карабаха.

И всем понятны волнения и тревоги, охватившие толпу женщин — матерей, жен и сестер солдат, идущих защищать Родину. На картине «Июнь сорок первого» солдат нет — они только что ушли на сборный пункт или сели в эшелон, но еще не высохли слезы расставания у близких солдатскому сердцу людей. Взволнованность художника передается зрителям, и в вашей душе поднимаются из глубины лет живые воспоминания о годе 1941-м!

Среди картин, выставленных на соискание Ленинской премии,—«Лениниана» Владимира Серова, вошедшая в золотой фонд советского изобразительного искусства. Эти картины известны всем. Образ Ленина всегда в сердце у каждого. Труд художника, сумевшего правдиво и ярко донести до нас обаяние ленинского облика, волнующую атмосферу первых лет революции, неизменно рождает чувство признательности у советского человека. Для людей старшего поколения, которые жили в ту пору, это еще и зримые напоминания о незабываемых годах, когда Великая революция только начинала свое торжественное и грозное шествие.

Многоцветье советского изобразительного искусства, присутствие в его рядах художников, различных по своему стилю, по особенностям своего таланта, свидетельствуют о полнокровности и творческом здоровье нашей современной живописи. Памятник великому Рудаки отличного мастера Ф. Абдурахманова, серия скульптур Ю. Микенаса «Первые ласточки», «Мир», «Юная пианистка», пронизанных лирическим восприятием жизни, автолитографии Е. Сидоркина «Казахские народные игры», «Читая Сакена Сейфуллина», отмеченные изяществом и тонкостью исполнения,— все это яркое свидетельство силы многонационального революционного советского искусства. Оно народно в самом высшем смысле этого слова. Тысячи и десятки тысяч людей посещают выставки. Нет такого города и села, где бы люди в клубах, в школах, в студиях не брались за кисти и краски, пробуя свои силы. Художник перестал быть небожителем, восседающим на облаках. Он работает для народа, и это придает высокую осмысленность его творчеству. Идейность становится высшим мерилом художника. Поэтому человек труда становится главным героем картин. Поэтому радостно жить и творить в Советской стране, где широко звучит слово правды, где оно воспринимается с благодарностью сердцами миллионов.

Всех художников, чьи картины выставлены на соискание Ленинской премии, при всем их творческом разнообразии объединяет тема жизненной правды. В их творчестве народ видит себя, свое бытие, свои радости и печали, свою душу.

Е. Моисеенко. ТОВАРИЩИ.

Матросов из Нор Баязета

Это было 25 июня 1944 года в итальянском местечке Джерфалько-Ле-Карлине.

Партизаны из бригады «Гуидо Боскалья» вели тяжелый бой с фашистами. Особым мужеством отличался невысокий черноглазый парень лет двадцати шести — двадцати семи. В том бою он уничтожил двух гитлеровских солдат, троих взял в плен.

Вражеский пулемет бил непрерывно. Казалось, ничто не заставит его замолчать. И тогда навстречу ему поднялся черноокий партизан. Он закрыл своим телом смертоносную амбразуру.

Пулемет заглох, перестало биться и сердце героя.

19 июня 1957 года итальянская правительственная газета «Гадзетта Уффичиале» опубликовала указ о награждении «Бронзовой медалью за воинскую доблесть» Георгия Колесяна, человека, который на итальянской земле повторил подвиг Александра Матросова.

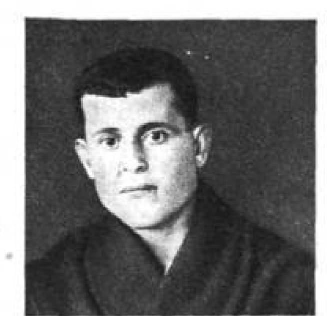
Родственников погибшего искали в Армении, Грузии и других республиках. Фотографии Георгия разослали и советским гражданам, сражавшимся в рядах «Гуидо Боскалья». Наконец, удалось установить подлинное имя героя: Геворк Колозян.

Недавно во Внуковском аэропорту приземлился самолет, на котором прилетели в столицу братья Геворка — Гайк и Гарник. Оба живут сейчас в городе Камо (бывший Нор Баязет). Гайк работает инженером, Гарник — обувщик. Гайк рассказал нам о своем брате: Геворк окончил педагогическое училище, до войны преподавал в школе немецкий язык. Сейчас эта школа носит его имя. Весной 1941 года Геворк женился. Кто мог тогда подумать, что счастье молодых продлится всего двадцать пять дней! 23 июня Геворк ушел на призывной пункт. Из армии он писал, что окончил школу радистов, воевал успешно. Потом письма перестали приходить... Последнее было из Керчи. Родные справились о Геворке. Ответ был коротким: пропал без вести. Позже от друзей Геворка, оставшихся в живых, родным удалось узнать, что он попал в окружение, затем концлагери — в Венгрии, Италии... Наконец Геворку удалось бежать, и тогда он примкнул к партизанам, сражавшимся в бригаде «Гуидо Боскалья». Геворк всегда отличался храбростью. Недаром фашисты предлагали за его голову полкилограмма золота... Гайк вынимает из бокового кармана фотографию Геворка, снятого в Ярославском госпитале в 1940 году — это после ранения на войне с белофиннами.

На следующий день — 4 марта — я увидел братьев в старинном особняке на улице Веснина — в итальянском посольстве. Посол Италии в СССР г-н Федерико Сенси прикрепил к пиджаку Гайка Колозяна медаль, которой посмертно награжден его брат Геворк. Г-н Сенси сказал, что ему уже второй раз приходится вручать награды родственникам павших героев — сынов Армении. Недавно Сенси был в Ереване, где передал медаль родным Даштояна, погибшего, как и Колозян, в Италии.

Пятилетняя девочка преподносит братьям героя букет цветов. Наверно, эти цветы похожи на те, что приносят каждый год, 25 июня, к могиле Геворка Колозяна итальянцы в местечке Джерфалько-Ле-Карлине. Приносят как символ непобедимой жизни, во имя которой погиб Матросов из Нор Баязета — Геворк Колозян.

Рубен ШИРИНЯН

Геворк Колозян. Фотография 1940 года.

Посол Федерико Сенси вручает награду братьям героя.

Фото Я. Берлинера.

К 80-летию со дня рождения С. М. Кирова

С. М. Киров — член Реввоенсовета XI армии — и комиссар штаба В. М. Квиркелия. 1919 год, пора героической обороны Астрахани.

С. М. Киров в дни XVI съезда ВКП(б). Москва, Кремль. 1930.

Их познакомил Киров

Ученый Сергей Васильевич Лебедев и бывший красногвардеец Григорий Васильевич Пеков познакомились, а потом сдружились благодаря Сергею Мироновичу Кирову. Шла первая пятилетка. Производство автомобилей, множества машин и агрегатов, а также некоторых видов оружия — все это вызвало большой спрос на резину. А делали ее из натурального импортного каучука. И тут советская экономика целиком зависела от капиталистического мира. Чтобы поскорее избавиться от этой кабалы, следовало найти надежный способ производства синтетического каучука.

Ближе всех к цели был профессор Ленинградского университета и Военно-медицинской академии С. В. Лебедев. Он еще в 1910 году первым в мире получил несколько граммов каучукоподобного вещества. Но российские фабриканты и заводчики не заинтересовались его открытием и не пожелали финансировать Лебедева. Промышленное изготовление синтетического каучука оставалось нерешенной задачей. Ученый смог посвятить себя этой проблеме лишь на шестом десятке, после того, как в Ленинград перевели на работу Сергея Мироновича Кирова. Было это в 1926 году.

Вскоре ученый синтезировал в лаборатории уже не граммы, а килограммы СК. Опыты продолжались, но затянулись. Разработать надежные схемы заводских установок и технологию производства СК не удавалось. Это тревожило секретаря обкома партии С. М. Кирова. У него созрело намерение быстро построить небольшое опытное предприятие, прообраз будущих заводов СК. А во главе его поставить умелого хозяйственника. На эту роль Киров наметил Григория Васильевича Пекова. Выбор на первый взгляд странный. Ни инженерного диплома, ни технических знаний. Окончил курсы хозяйственников при ВСНХ. Директор заурядного желатинового завода. С наукой ничего общего. Но, как оказалось, невозможно было сделать лучший выбор. Имя потомственного питерского рабочего, коммуниста с 1917 года Григория Пекова вскоре зазвучало с академических кафедр, а позже навечно вписалось в историю советской каучуковой промышленности...

...Пекова вызвали к Кирову.

— Задание простое: надо, чтобы вам понравился один мой тезка.

— Постараюсь, Сергей Миронович.

— Полдела готово, но вторая половина в три раза труднее. Надо, чтобы вы понравились ему.

Все объяснив, Киров добавил:

— Назначить вас можем только с согласия профессора Лебедева. Сейчас он в университете, вот телефон.

Часа через два Пеков позвонил Сергею Мироновичу:

— Когда мы прощались, профессор пожал мне руку обеими руками.

К концу февраля 1930 года намерение Кирова — построить опытное предприятие в Ленинграде — стало правительственным заданием. Пусковой срок установили такой короткий, что ученые сочли его фантастическим. Но уже 18 декабря того же 1930 года основные цехи досрочно вступили в эксплуатацию.

Неимоверные усилия Лебедева и Пекова, трудившихся плечом к плечу, оправдали себя, помогли ускорить сооружение крупных заводов СК в Ярославле и Воронеже. Эти первые в мире заводы синтетического каучука начали действовать уже в 1932 году.

С. СИНЕЛЬНИКОВ

Академик С. В. Лебедев и Г. В. Пеков.

СНЕСЛА КУРОЧКА ЯИЧКО

Н. БЫКОВ

Фото А. БОЧИНИНА.

Милая детская сказка, даже она учит, что простое яичко лучше золотого. Все дело в себестоимости. А ведь еще недавно иные прославленные фермы давали поистине «золотые» яички!

Но есть под Москвой птицеград...

Тишина кафельного зала. Инкубаторий Глебовской птицефабрики. Современнейшее оборудование. Здесь я вспомнил, что первые инкубаторы придумали древние египтяне. Тысячелетия назад мудро устроенные каменные печи заменили наседку. И самое удивительное: уже тогда в тех печах человеку удавалось в течение 21 дня поддерживать постоянную температуру. А ведь древние, как можно догадаться, не имели ни термометров, ни влагомеров...

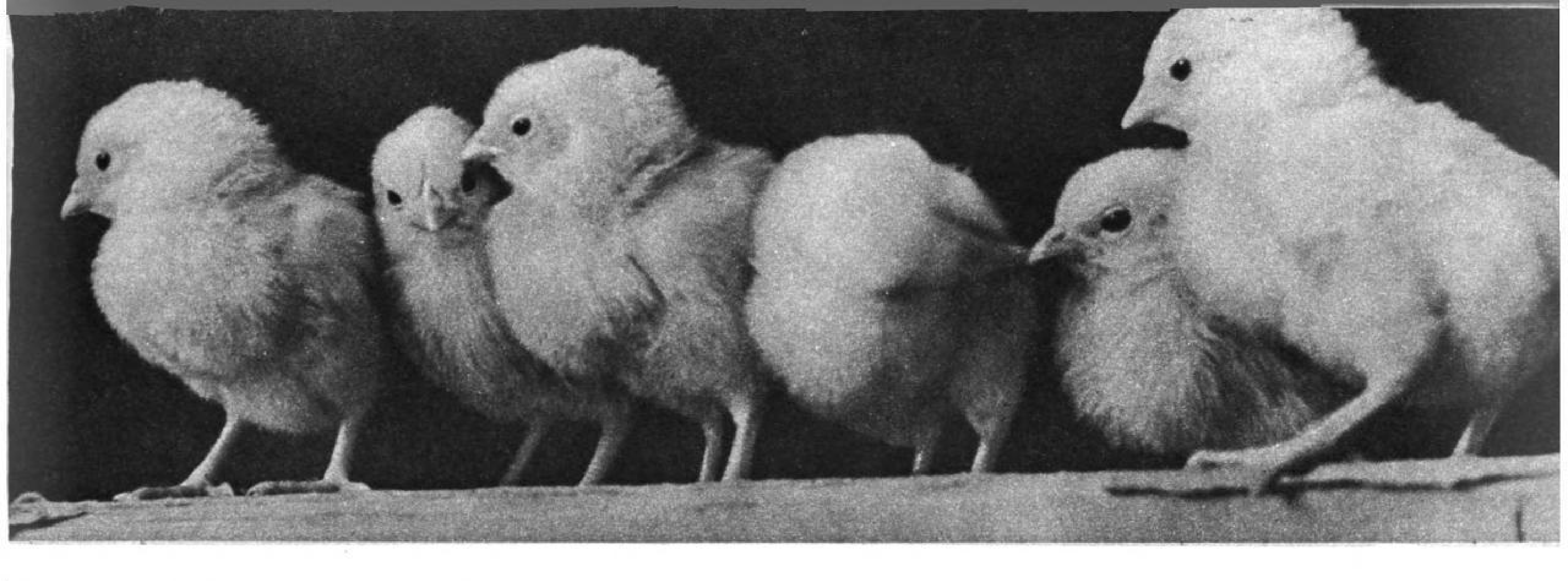
Инкубаторий — исток, самое начало производства яиц и мяса птицы на промышленной основе. Да, родилась новая отрасль — яйцепромышленность, живой конвейер с хорошо отработанной технологией производства «простых» яиц и нежного мяса птицы. О том, что это именно фабрика, говорят и масштабы производства, и его характер, и техническая оснащенность. Таких скоро в нашей стране будет несколько сотен. Каждая рассчитана на производство 100 миллионов яиц в год. А всего в 1970 году заводские курочки рябы дадут 30 миллиардов яиц!..

— Каждые четыре дня у нас отмечается день рождения тридцати пяти тысяч цыплят,— рассказывает начальник инкубатория Роза Прохорова.

Ящик на ящике, до самого потолка. В каждом десятки живых желтых комочков. Им хорошо под лучами ламп дневного света. А за окном зима... Птицеград утопает в

«Вкусно!» Ребятишки из детского сада московского завода «Знамя труда» одобряют продукцию Глебовской птицефабрики.

снегах. По колено в сугробах стоят чудесные аллеи, только они и напоминают о бывшей усадьбе знаменитого генерала Брусилова. Птицеград — это асфальт, многоэтажный комбикормовый завод. А главное — многочисленные фабричные корпуса, наполненные квохтаньем и кукареканьем.

Главный зоотехник Лидия Арсентьевна Макогон больше тридцати лет отдала птицефабрике. Все, что намечено и делается сейчас в области птицеводства,— свершение в большой мере и ее личных мечтаний.

— Смысл нашей работы в том, чтобы избавить курицу от заботы о корме. Ее дело — нестись. А корм приготавливать и поставлять несушкам должен человек. Он использует для этого достижения науки и техники, все преимущества крупной механизации. Мы и раньше много цыплят выводили, их раскупали колхозы, но нередко цыплята гибли в бригадных сараюшках. Выхаживать поголовье птицы в примитивных условиях, на мелких фермах просто убыточно!

Теперь я узнал, что минувший год дал глебовцам 6,6 миллиона рублей прибыли.

Мы идем от цеха к цеху. Механизированная подача и автоматическое приготовление кормов, механизированный сбор яиц, механизированный яйцесклад.

— Наше производство очень ритмично, оно круглогодичное и не зависит от времени года,— подчеркивает Лидия Арсентьевна.

Борьба за прибыль начинается с кормов. В цехах кормозавода безлюдно. Трубы, трубы... Это пневматическая система. Со скоростью девятнадцать метров в секунду несет воздушный поток компоненты будущих комбикормов. Механик Александр Дмитриевич Каменков рассказал:

— Несколько поставщиков у нас. Получаем пшеницу, ячмень, кукурузу. С Кубани, с Северного Кавказа, с Поволжья, из других мест. Сюда же поступают минеральные и животные корма. Здесь они обогащаются добавками. Так сказать, облагораживаются. В общем, дробятся, смешиваются, дозируются... В день производим десятки тонн зерно-мучных кормов, да еще тонн тридцать витаминных, да еще...

Что получает курица «на стол», мы видели в одном из корпусов. «Ах, дробленка хороша! Ну, а крупка наша нравится?» — похваливала птичница. Но самое интересное здесь — механизированная батарея для клеточного содержания несушек. Галантных петухов, обычно заботящихся о питании несушек, заменили не менее галантные автоматы. Кстати, наблюдательная Олимпиада Филипповна Малинина, начальник цеха, рассказала, что петухи даже сейчас в силу врожденного инстинкта выбрасывают корм своим подругам из самокормушек. Дескать, на автоматику надейся, а сам не плошай. «Джентльмены!» — смеется Олимпиада Филипповна.

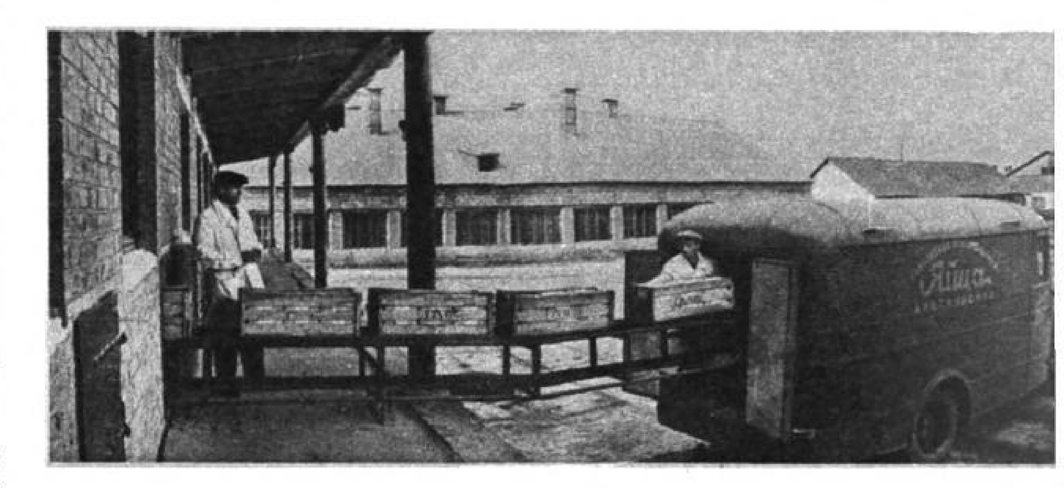
На Глебовской птицефабрике много новшеств. Вступил в строй трехэтажный цех клеточных несушек, а рядом поднялся арочный корпус на сто двадцать тысяч кур и еще новый корпус для молодняка. Цех упаковки отправляет каждодневно более трехсот пятидесяти тысяч яиц!

А всего за минувший год глебовцы дали стране 124 миллиона яиц! Такого еще не бывало...

Пословица цыплят по осени считают явно устарела. На Глебовской фабрике цыплят считают в течение всего года. Каждый день свыше семи тонн тушек увозят отсюда на мясные прилавки.

«Развивать товарное птицеводство на промышленной основе путем концентрации его на птицефабриках».

Из проекта Директив XXIII съезда КПСС по пятилетнему плану.

ГЛЕБОВСКИЙ ПТИЦЕГРАД XXIII СЪЕЗДУ КПСС:

1965 год: 124 МИЛЛИОНА ЯИЦ.

1966 год: 150 МИЛЛИОНОВ ЯИЦ.

Грузовое такси

Рассказ

Вл. ЛИДИН

Рисунок А. ЛУРЬЕ.

В дежурке конторы грузовых такси трое шоферов забивали «козла». Один был совсем молодой, только недавно получивший водительские права, а до этого работавший слесарем,— Вася Коржиков; другой — угрюмый и всегда недовольный всем Юрков, большеносый, с темными провалами щек; а третьим был Николай Еремеевич Быков, водивший в войну тяжелый «Т-34», после войны некоторое время работавший водителем автобуса, а когда предложили перевод на междугородные линии, он предпочел работу на грузовом такси, на котором тоже всего насмотришься и наслушаешься.

Они играли, зажав в согнутой ладони костяшки, с треском выкладывая их. Быков выигрывал третью партию, и Вася Коржиков только досадливо посапывал, а Юрков говорил зло: «Набрал одних пустышек... наверно, загодя каждую общупал»,— оставался с костяшками, на которых было двенадцать или десять очков, и всё они лезли к нему, хоть он ожесточенно, с грохотом мешал костяшки на столе.

Из диспетчерской позвонили по телефону, наряд был на Бутырскую улицу, перевезти домашние вещи в Косино. Васю Коржикова пока избегали посылать за город — выездные дороги он еще плохо знал,— и Юрков сказал:

— Езжай ты, Быков... а я сегодня уже побывал в Вострякове, хватит, холодильник чуть ли не на горбу грузил.

— Что ж...— ответил Быков спокойно.

Они доиграли партию, Быков опять выиграл, остался с семнадцатью очками, а у Юркова на руках оставалось тридцать девять, и, хотя играли на интерес, Юрков с сердцем ссыпал костяшки в ящик стола.

— Чего ты злобишься? — спросил Быков.— Так удача к тебе никогда не придет.

— Удача... у тебя вот всегда удача, наверно, в горшке из-под каши родился,— сказал Юрков,— и спидометр тоже всегда за тебя.

— Конечно, за меня... я вот еду, а ты не пожелал.

— Езжай, езжай... в Косине возле самой обочины, длинный рубль лежит, смотри не проскочи его.

Быков ничего не ответил, а Вася Коржиков, привыкший к шоферским перебранкам, подумал, что Юрков с утра, наверно, не удержался и выпил, теперь зол на себя и боится выезжать.

Быков вышел из дежурки, взял в диспетчерской путевой лист, его «ГАЗ-51» стоял во дворе гаража рядом с другими машинами, всегда вымытый, выкрашенный в голубую краску, с надписью «Таксомотор» и брезентовым верхом.

На Бутырской улице многие деревянные дома доживали свой век, стояли как бы обиженные временем и натиском больших, уверенных в себе зданий, все более надвигавшихся со всех сторон. Дом, указанный в путевом листе, оказался именно деревянным, с немощеным двором; у въезда во двор без ворот стояла девочка с плюшевым мишкой, укутанным в одеяльце, так что выглядывала лишь рыжеватая голова. Девочка увидела машину и сейчас же побежала куда-то: наверно, ее послали сторожить. Быков въехал во двор, развернулся, во дворе возле крыльца уже лежали приготовленные вещи: детская сложенная кроватка, два матраца, узлы, а сверху торопливо спустилась молодая невысокая женщина со свертками в руках.

— Вы машину вызывали? — спросил Быков, выйдя из кабины.

— Да, да,— заторопилась она,— я уже все приготовила, вот только швейная машина тяжелая, может быть, поможете вынести?

— Помогу, конечно,— сказал Быков.

Он поднялся за женщиной на второй этаж, прошел через кухоньку в комнату, где было уже пусто и голо. Электрическая швейная машина была привинчена к столику, Быков поднял ее со столиком, а женщина смотрела на него, рослого и плотного, с сильными руками и сильной, докрасна загоревшей шеей в открытом вороте рубахи, говорила: «Дайте, я помогу... вам тяжело»,— но он лишь поднял столик с машиной повыше, не такие еще тяжести приходилось носить ему, Быкову,— обмякшее тело раненого стрелка, которое выволок он из горящего танка, было потяжелее.

Быков отнес машину, установил в кузове поаккуратнее вещи, а во дворе стояли несколько женщин, вышедших провожать, некоторые плакали, обнимали уезжавшую и прощались с ней так, словно никогда больше не увидят ее.

— Что ж, садись пока, если тоже едешь,— сказал Быков девочке, стоявшей со своим укутанным в одеяльце мишкой, стоявшей так посиротски, будто ее оставляли одну, совсем потерянную.

Быков поднял ее, посадил на сиденье в кабину, обошел машину и сел с другой стороны.

— Зовут-то его как? — спросил он, погладив указательным пальцем рыжую шершавую голову мишки.

— Миша. Вы только не растрясите его, пожалуйста,— попросила девочка вежливо.

Ей было, наверно, пять лет, а большой белый бант в волосах старательно завязала, конечно, мать.

— Доставим в аккуратности,— сказал Быков.— Не сомневайся, Михаил Иванович.

Они посидели рядом, пока женщины прощались во дворе, что-то горячо говорили и напутствовали.

— Или новую квартиру получили? — спросил Быков девочку.

— Нет, мы совсем уезжаем,— сказала она.— У папы теперь другая жена, и мы с мамой уезжаем. Нечего нам делать здесь.

Она повторяла, видимо, то, что слышала, и Быков помолчал, но что-то едкое вдруг словно заползло в его машину, в которой безразлично он уже провез столько вещей — и мебели, и холодильников, и всего того, что нужно человеку для обихода.

— Что же так-то? — сказал он неопределенно. Расспрашивать девочку он не хотел, достаточно было и того, что она узнала на самом первом порожке своей жизни, да и не жизни еще, а мотылькового существования.

Но девочке нравилось сидеть в кабине, понравилось, наверно, и то, что водитель вежливо назвал мишку Михаилом Ивановичем и пообещал, что не растрясет его, и она сразу прониклась доверием к этому сильному человеку, который умеет водить машину.

— Знаете, папа привел свою новую жену,— сообщила она с готовностью,— а мама говорит: «Что же, мы так и будем все вместе жить теперь?» А папа сказал ей: «Сделай сама выводы»,— а мама сказала, что она уже сделала. А зачем папе другая жена, раз есть мама?

— Вот этого я тебе объяснить не могу,— вздохнул Быков.

Женщина тем временем простилась с провожавшими, ее лицо было заплакано, и вся она пылала от волнения.

— Адрес, куда ехать, знаете?— спросил Быков, когда она села рядом.

— Конечно, поедем по Рязанскому шоссе, а в Косине я покажу вам, где поворот.

Он включил скорость, женщины во дворе замахали руками, говорили наперебой:

— Не забывай, Танечка...

— Дай тебе бог, Танечка...

— Ты все-таки заглядывай, Танечка,

— и двор с большим одиноким тополем и деревянный домик, который вскоре столкнет какой-нибудь новый большой дом, остались позади.

Женщина достала из сумочки зеркальце, посмотрела на свое заплаканное лицо, попудрила его, а Быков делал вид, что ничего не замечает, занят только своим водительским делом, и его грузовичок бежал. Он долго ехал сначала по Новослободской, потом по Садовому кольцу, выбрался через Таганскую площадь к Абельмановской заставе, и теперь впереди было Рязанское шоссе.

Сидевшая рядом с ним постепенно отошла от волнения, ее пылавшее лицо стало снова бледным, и она молчала, бледная и смятенная, а девочка сидела между ними, и рыжая голова мишки торчала из одеяльца.

— На дачку переезжаете? — спросил Быков, как если бы ничего не знал от девочки.

— К матери переезжаю,— сказала женщина.— У нее в Косине домик.

— Что же так — меняете московское житье?

— Так сложилось,— ответила она коротко, и он больше ни о чем не спросил ее.

Его большие, сильные руки лежали на рулевом колесе, и девочка по временам косилась, как он вращает колесо или переключает скорости. Быков давно привык задумываться над судьбой человека, может быть, война приучила к этому, и он думал сейчас о том, увозит ли он женщину с ее девочкой от горя, или, наоборот, везет их навстречу горю... А говорить лишнее или расспрашивать было не в его правилах.

— Может, зря так-то...— сказал он все-таки.— Зря с Москвой расстаетесь, жилплощадь, сами знаете, чего в Москве стóит!

— Сложилось так,— повторила женщина.— И на жилую площадь другой раз махнешь рукой... на все на свете другой раз махнешь рукой.

— Этого не нужно,— сказал он строго.— Это отчаянность... а вам о дочке думать.

Женщина быстро взглянула на него и сразу поняла, что он уже все знает: может быть, соседки по двору с их потребностью выразить свое негодование рассказали ему все, что произошло в деревянном домике.

— Об этом-то и приходится думать,— ска-

зала она косвенно, чтобы девочка не поняла, что говорит о ней.— Чистый воздух всегда лучше, хоть с коркой хлеба, а лучше.

Что-то решительное, словно вызов судьбе, было в ней, и Быков думал о том, что мужчина иной раз может поучиться мужеству у женщины. Он молчал, отдувался от своих мыслей, а было их много, разных и горьких.

Вернувшись с войны, тогда двадцатичетырехлетний, Быков не нашел той, которая обещала дожидаться его, а он думал о ней на всех дорогах войны, и когда загорелся его танк, в первую очередь подумал о ней — как же она останется без него, Быкова... Он не сгорел в своем танке, уцелел и дальше, хоть был контужен, и вернулся, но Шуры уже не было, а ее мать рассудительно сказала ему:

— Так ведь что же, Николай Еремеевич... война такое дело, то ли дождешься, то ли не дождешься, а Шура молодая, ей свою жизнь нужно было устраивать, а тут человек один встретился, фотограф, так и получилось. А вы еще найдете себе другую, да и то сказать — вам профессию какую-нибудь нужно осваивать, когда еще на ноги встанете, а Шурочке все-таки жить хочется, годы ее идут.

Мать была как мать, хотела для своей дочери счастья, и он не осудил ее. Но счастья Шура не нашла, вернулась в Москву, сделала попытку встретиться с ним, однако все уже перегорело в нем, Быкове, а обмотку в душе не сменишь. Они встретились, погуляли в Парке культуры, Быков угостил ее мороженым, но говорить было не о чем, он проводил Шуру до дома, и Шура сама поняла, что перегоревшую обмотку не сменишь.

Конечно, не жил он после этого праведником, Быков, но все словно обтекало сердце и не забредало в него, лучше уж так — с самим собой, умнее это и справедливее, чем тянуть канитель ради блажи или для видимого благополучия...

Они миновали вскоре поселок, совсем разросшийся и почти не отделенный полями и сельской природой от Москвы, а теперь было и Косино. Женщина показала, где свернуть, поехали улицей поселка, и возле одного дома с садиком он остановил машину. По дорожке садика, услышав звук подъехавшей машины, торопливо шла маленькая старушка, и по сходству с женщиной, которую привез он сюда, можно было понять, что это ее мать. Старушка обняла дочь и заплакала, а дочь говорила быстро: «Ради бога, мамочка... все хорошо»,— и оглядывалась на девочку, растерянно стоявшую со своим мишкой, и тогда старушка стала обнимать девочку, и та, наверно, чтобы тоже не заплакать, показывала ей своего мишку, и бабушка погладила его по голове.

Быков помог сгрузить вещи, внес в дом кое-какую мебель и тяжелую швейную машину, и женщина сказала ему, тепло глядя на него заплаканными карими глазами:

— Большущее спасибо... сколько я должна вам?

— Мне вы ничего не должны, должны счетчику,— засмеялся он, сверх показанного на счетчике взять отказался, а женщина говорила недоумевающе:

— Ведь вы помогали грузить вещи.

И он ответил:

— Ну, и помогал, какое дело...— И он не знал, увез ли он женщину с девочкой от горя или привез ему навстречу...

В его путевом листе значился только адрес — дом на Бутырской улице, где грузить вещи, а фамилия заказавшей машину была Сабурова.

Вася Коржиков, знавший шоферские нравы, конечно, угадал, что Юрков с утра выпил, его уже дважды лишали водительских прав, и под тем или другим предлогом он в этот день отсиживался в дежурке или выезжал в короткие ездки. Вася, когда Быков вернулся в гараж, был в наряде, а с Юрковым забивал «козла» пожилой шофер Мишин, несколько лет кряду ездивший на бензовозе.

— Ну как,— спросил Юрков, которому везло с Мишиным, и с треском выложил костяшку,— наездил? Рублика три, наверно, осталось приварку?

— Больше,— сказал Быков.— Целых восемь рублей.

— Это как же понимать... или счетчик часть дороги не включал?

— Удостоили,— сказал Быков.— Премия.

Юрков не то поверил ему, не то не поверил, но тут Мишин сразу закрыл счет, выставив последнюю костяшку, и Юрков остался с двадцатью шестью очками на руках.

— Позавидовал — вот и проиграл,— сказал Быков, подумав о том, чего бы он лишился для себя, если бы Юрков согласился поехать в Косино, каких бы чувств и мыслей лишился он, Быков... Он видел перед собой эту невысокую женщину, с пылающими от волнения щеками, видел ее и бледной, казалось, потерявшейся, но мужеству все же можно было поучиться у нее.

Совсем странно и совсем не к месту мысли эти обуревали его весь день, именно обуревали, другого слова и не сыщешь. Но мало ли вещей перевез он на своем таксомоторе, мало ли людей с их судьбами возил в свое время на автобусе из одного конца города в другой, почему же именно одна судьба так запала ему в душу? Что-то глубоко несправедливое, задевшее его было в этой судьбе, в том, что женщина бросила свое московское жилье и уехала к матери в Косино начинать новую жизнь, да еще с девочкой на руках. А в деревянный домик на Бутырской улице муж перевезет или уже перевез новую жену, прежняя не захотела защищать себя, искать в суде справедливости, и соседки, наверно, упрекали ее за это. Но Быков понимал ее, он тоже не искал Шуру, а ушел в сторону, и его гордость и достоинство были всегда с ним...

Он сделал за этот день еще две ездки, перевез купленный гардероб из мебельного магазина на Ленинском проспекте, потом перевез домашние вещи в новый дом в Черкизове, а завтрашний день у него был выходной. Он давно получил комнату в построенном доме близ Данилова рынка, соседом был столяр-краснодеревщик Слепушкин, работавший в метро, и Быков дружил с ним, и с его женой, и восьмилетним сыном Сашей, который год назад пошел в школу.

В дни, когда Быков не работал, Саша заходил к нему в комнату, и Быков показывал ему в книге «Автомобиль «Москвич-407», как расположены органы управления, контрольные приборы, и схему работы двигателя. Но в этот выходной свой день Быков не пошел, как обычно, купить в киоске газеты, а отправился неизвестно зачем в Даниловский универмаг. Он не спеша ходил по его отделам, поднялся и на тот этаж, где продавали ткани и женские платья, хотя ему ничего не было нужно здесь, заглянул и в отдел детского платья, хотя и здесь ему нечего было делать. Он ходил по отделам, смотрел на женские платья, и на хозяйственные вещи, и на детскую обувь, а в душе было нечто, чего он не понимал в себе, и лишь потом, дома, понял... Он не предполагал никогда, что такие мысли могут прийти в голову ему, водившему танк, посмотревшему не раз в глаза смерти, видевшему не одну гибель рядом с собой, и, может быть, именно поэтому так любившему жизнь.

Мать Шуры, когда он пришел с вещевым мешком, в котором были подарки для Шуры, встретила его настороженно: мало ли что может предпринять побывавший на фронте человек! Но он, узнав от нее о Шуре, сказал тогда только: «Что ж... каждому своя дорога виднее»,— и мать сразу успокоилась, подбодрила его, уверила, что он еще найдет свое счастье, а в счастье дочери она верила. Два года спустя, когда Шура, не найдя счастья с фотографом, вернулась в Москву и захотела снова увидеть его, Быкова, они пошли в Парк культуры, ходили по его аллеям совсем

чужие, подобрать счастье оказалось не так-то просто, и Шура, конечно, горько понимала это.

Он не мог объяснить себе, отчего женщина с девочкой, которых отвез он накануне в Косино, отчего они не ушли в сторону вместе с путевым листом и отсчитанными на спидометре километрами? Было неправильно, что она уступила и уехала, а может быть, и правильно: свою судьбу нужно урывать не когтями или зубами, а бережно принять в руки, они сами должны найти и сберечь ее. Он поглядел на свои большие руки, знавшие и штурвал «Т-34» и большое рулевое колесо автобуса «ЗИЛ», а швейную машину «Лада» он понес, даже не почувствовав ее тяжести, и он мог бы унести еще и не такую тяжесть, если бы только забрело к нему то, чего не ищешь, но все же ждешь, о чем не думаешь, но все же думаешь и без чего можно обойтись, а если по совести, то нельзя обойтись без этого...

Вот он зайдет, бывший танкист, а теперь шофер грузового такси Быков, в универсальный магазин, купит платьице для девочки пяти-шести лет, продавщицы уж знают, какой нужен размер на этот возраст, а в другом отделе купит красивые бусы, поедет в следующий свой выходной день в Косино, найдет домик на улице Некрасова, женщина сначала не узнает его, а девочка, наверно, узнает — дети всегда хорошо запоминают всё,— и он скажет женщине, что хотя, конечно, и больно ей, но она поступила правильно, нужно искать чистоту и правду, а не цепляться за то, что не стоит этого, и вот он привез ей бусы, а ее девочке хорошее платьице: может, и не понравится все это, но ему ровно ничего не нужно, это от чистого сердца, от самой души, а когда от сердца и от души,— нельзя отказываться.

Он представил себе, как женщина сначала удивится или заподозрит его в нехорошем, а потом поймет его, у нее такие глаза, что она не сможет не понять его... И они погуляют по уличкам Косина, выйдут в поле и погуляют по полю, и девочка тоже будет рядом, станет собирать цветы, и мать сплетет для нее веночек из ромашек.

Быков сидел за столом, смотрел в окно и качал головой самому себе: «Эх, Николай Еремеевич, старый танкист, старый московский шофер, о чем ты только думаешь, какие шестеренки поломались у тебя в голове, какие только скорости перепутались... Завтра выйдешь на работу, поедешь своим порядком с очередными путевыми листами, начнешь привычно экономить бензин, поглядывать на светофоры и на орудовцев, продолжишь свою шоферскую жизнь, будешь забивать «козла» в дежурке, обыгрывать Юркова с его черной печенью, а Вася Коржиков только посапывает, когда проигрывает».

Он старался всеми этими привычными мыслями отогнать то, из-за чего бродил добрый час по всем отделам универсального магазина и присматривал вещи, которые не для кого покупать... а если все-таки, если все-таки он поступит именно так, как запало в его уцелевшую на войне голову, правда, немного контуженную, но все же мысли у него всегда ясные и твердые, и можно еще жить на свете, если приходят в голову такие мысли.

— Сашок! — позвал он.— Иди, покажу тебе схему работы двигателя... расскажу и как нужно регулировать сцепление, чтобы оно действовало без отказу, чтобы работали все шестеренки.

Саша Слепушкин зашел к нему, и Быков раскрыл книгу «Автомобиль «Москвич-407», но за ее рисунками и схемами стояли Косино, и деревянный дом в глубине сада с сиренью, уже отцветшей, и то, как в следующий выходной свой день он поедет туда, во что бы то ни стало поедет, пусть хоть даже отвернутся от него и предложат уйти. Он показывал рисунки и схемы в книге и вдыхал птичий запах светлых путаных волос Саши — наверно, все детские головы пахнут так. Этот запах тоже был связан с Косином и с тем, как в кабине машины сидела рядом девочка со своим укутанным в одеяльце мишкой, и он, Быков, пообещал, что не растрясет ее Михаила Ивановича и тот может спокойно поглядывать в окошко на дорогу.

Анатомия автомата.

Фото М. Начинкина.

Лев
КОКИН

Процесс обучения машины нередко сравнивают с обучением ребенка. Но ребенок, как известно, первым делом начинает понимать слова, потом учится говорить и лишь много позже — читать. С машинами пока что все происходит наоборот. Работоспособные читающие автоматы уже созданы, тогда как слуховые и говорящие еще не вышли из стадии опытов.

...Перед глазом установленного на лабораторном столе автомата движется строчка цифр. Автомат обязан прочесть, опознать эти цифры. О том, как это ему удается, можно судить по ответам, которые вспыхивают на световом табло: 2, 3, 4... Если двигать листок с цифрами помедленней, то на особом промежуточном экране видно: цифра справа налево вползает в поле зрения автомата. При этом я узнаю цифру раньше, чем он! По характерному острию распознаю четверку. В то время как автомат ждет, покуда цифра не покажется целиком!..

Инженеры Анатолий Семеновский и Юрий Мазыра — создатели читающего автомата ЧАРС — спокойно реагируют на мой победный возглас.

— Что ж, дадим рабочую скорость,— говорит Семеновский.

И тотчас цифры на экране сливаются в неразличимую для моих несовершенных человеческих глаз ленту. А на табло мигают-мигают-мигают ответы. Автомат себе читает-почитывает: световой луч ощупывает каждую цифру вдоль и поперек, а затем различия в яркости отдельных участков преобразуются в электрические колебания. Далее происходит сравнение с образцами-эталонами знаков, хранящимися в памяти автомата, и по наибольшему сходству узнается изображение (по-ученому это называется распознать зрительный образ). Вся операция занимает 0,003 секунды. То есть в секунду распознается более трехсот знаков — букв, цифр.

А ведь существующие сейчас вычислительные машины слепы! Всю информацию они собирают на ощупь, с продырявленных — перфорированных — карточек и лент. Созданный в Институте кибернетики Академии наук Украинской ССР, в лаборатории, руководимой В. А. Ковалевским, ЧАРС — одна из первых зрячих приставок к вычислительным машинам. Снабженная ЧАРСом, машина сможет обойтись без перфокарт и перфолент, рабочие задания она будет получать отпечатанными на обычной пишущей машинке. Это намного упростит общение человека с машиной. Чтобы оценить пользу от читающего автомата, можно представить себе автомат-переводчик или автомат-библиограф, ждать которых, по-видимому, осталось не так уж долго. Без ЧАРСа им как без глаз.

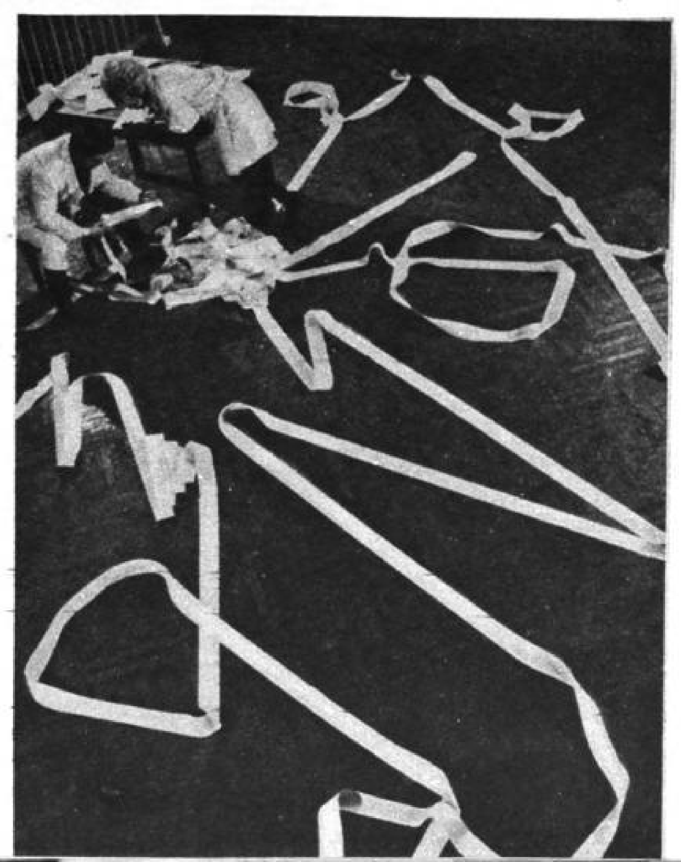
Десять дикторов под руководством Владимира Зайцева ведут занятия с машиной в той же лаборатории В. А. Ковалевского. Десять дикторов — людей с голосами различного тембра и теми индивидуальными особенностями произношения, благодаря которым мы узнаем друг друга, например, по телефону. Для машины же важно по мере возможности усреднить эти особенности, чтобы впоследствии не ослышаться.

Подобного рода ошибки случаются и с людьми. Особенно часто приходится признаваться в этом телефонисткам.

Покамест машина запомнила два десятка слов — и узнает их почти безошибочно, независимо от того, кто произнесет их. Что происходит при этом внутри автомата? Прошу объяснить Зайцева.

Как при разговоре по телефону или по радио, звуковые колебания преобразуются в электрические. Затем в специальных фильтрах они как бы просеиваются, сортируются по частоте. Если бы кому-нибудь вздумалось вновь преобразовать процеженный электрический сигнал в звуковой,— раздался бы тонкий — высокочастотный — писк (а может быть, басовитый — низкочастотный — рев, в зависимости от того, голос какого фильтра пытались бы услышать...). Пройдя через фильтры, сигналы сравниваются с заученными об-

Монолог длиною в полкилометра.

С МАШИНОЙ — ПО-ЧЕЛОВЕЧЕСКИ

разцами, эталонами слов, хранящимися в памяти машины,— для каждого из них характерен свой собственный узор сигналов.

— Замечаете аналогию с читающим автоматом?— спрашивает меня Зайцев.

Если учесть, что из двух десятков слов можно составить не одну сотню разнообразных сочетаний, то выходит: уже сегодня машина в состоянии воспринять с голоса несколько сот различных команд. Спору нет, этого слишком мало, чтобы вести с машиной свободную беседу. Однако достаточно для того, например, чтобы она могла мгновенно подсказать выход из какой-либо аварийной ситуации.

Слушающая машина окажется необходимой при создании автомата-стенографиста или автомата для одновременного перевода на несколько иностранных языков.

Впрочем, автомату-переводчику придется не только различать чужую речь, но и говорить самому. Чтобы не было сомнений, правильно ли машина поняла команду, она должна ее повторить (это самое простое). Когда машина станет управлять работой цеха, гораздо удобнее получать от нее указания не в форме условных сигналов, а в привычной, словесной. Наконец, при создании автоматической справочной службы членораздельный ответ попросту необходим.

Эксперименты по синтезу речи проводятся во многих исследовательских институтах.

Прочесть или услышать сообщение — распознать слуховые или зрительные образы — еще полдела. Нелишне также распознать его смысл — в противном случае автомат превратится в некое кибернетическое подобие гоголевского Петрушки, который, как известно, отличался тем, что все читал с равным вниманием. Его увлекал процесс самого чтения: «что вот-де из букв вечно выходит какое-нибудь слово, которое иной раз черт знает что и значит».

— Знакомьтесь, СОНЯ,— сказал мне инженер Вячеслав Афанасьев, хотя мы с ним были вдвоем в комнате.

Оказалось, что СОНЯ — разработанная в лаборатории А. А. Стогния система обращения на языке (имеется в виду обращение к машине).

В сегодняшнем своем состоянии СОНЯ позволяет задавать машине вопросы на упрощенном русском языке, некоем подобии телеграфного. При этом словарь должен быть ограничен понятиями, связанными с областью применения машины. В сущности, это профессиональный жаргон, широко распространенный и в нашей человеческой практике. Постороннему нелегко уследить за разговором специалистов. Беседуя с кибернетиками, то и дело убеждаешься в этом... И едва ли такова специфическая особенность кибернетики. Скорее это черта современности. Надо быть физиком, чтобы понять, что значит «квантовые осцилляции импеданса металлов» или «доплеровское расщепление циклотронного резонанса». Поскольку СОНЯ задумана для использования в системе руководства научным учреждением, кругозор у нее соответствующий.

Предположим, вы захотели узнать, где работает инженер Иванов. Вам придется подойти к телетайпу и простучать машине фразу-запрос на языке ВЯЗ — Внешнем Языке Запросов: НАЙДИТЕ ЛАБОРАТОРИЮ КОТОРОЙ РАБОТАЕТ СОТРУДНИК ФАМИЛИЯ ИВАНОВ ИМЕЮЩИЙ ДОЛЖНОСТЬ ИНЖЕНЕРА. Автоматический транслятор переведет вашу фразу в формулу запроса на информационном языке. Эта формула послужит для машины строгим предписанием: в ней указано, какую обработку сведений, хранящихся в памяти машины, требуется произвести для получения ответа. Найденный ответ будет затем перекодирован в обратном порядке. Нечто похожее происходит с людьми, не очень уверенно разговаривающими на чужом языке: чтобы понять, например, английскую фразу, в уме переводишь ее на русский.

Машинный язык — язык цифр. Какую бы задачу — счетную или логическую — ни решала быстродействующая электронная цифровая вычислительная машина, она совершает операции над цифрами и только над ними. Тысячи математиков и программистов заняты составлением алгоритмов и программ для машин, или, иными словами, переводом рабочих заданий с языка человеческого на язык машинный. Представьте себе бригаду землекопов, насыпающих по лопатке ковш гигантского экскаватора,— нечто подобное происходит в вычислительных центрах.

Чтобы преодолеть языковую пропасть между человеком и машиной, изобретено около трех сотен искусственных языков, в большинстве своем специализированных, пригодных для решения определенного, более или менее узкого круга задач. На этих языках-посредниках возможна четкая формулировка порядка действий машины, хотя, разумеется, любой язык-посредник несравненно беднее естественного человеческого языка. Пропасть между человеческим языком и машинным в один прыжок перескочить трудно.

А что, если воспользоваться цепочкой из двух-трех языков-посредников?— предложили ученые. По мере удаления от человека и приближения к машине пускай язык делается все беднее и схематичнее, но зато приобретает все большую точность, все более формализуется. Жесткие правила перехода от одного посредника к другому позволяют поручить перевод автомату.

...Пройдет немного времени, и новорожденная СОНЯ научится понимать людей без промежуточного языка ВЯЗ. Лингвисты, математики, инженеры работают над созданием транслятора с русского (разумеется, ограниченного, упрощенного) на ВЯЗ, благодаря которому к машине можно будет обратиться просто: ГДЕ РАБОТАЕТ ИНЖЕНЕР ИВАНОВ.

Затем, по-видимому, придет пора отказаться от письменных запросов по телетайпу. С помощью специальных автоматов-приставок, распознающих слуховые образы и синтезирующих речь, СОНЯ преодолеет глухоту и немоту... Вы поднимете телефонную трубку и, решив подшутить над машиной (или над ее авторами), скажете:

— Алло, СОНЯ? Как ваши сердечные дела?

И услышите ровный голос:

— Ответа не будет.

Его не будет не потому, что СОНЯ отличается скрытностью, а потому, что слишком далек ваш вопрос от круга ее интересов. Если бы вопрос оказался только не вполне понятным, машина потребовала бы уточнений. В сущности, человек на ее месте поступил бы так же. Вспомните хотя бы наводящие вопросы на экзаменах.

СОНЯ начнет свою трудовую деятельность (правильно все же сказать — будет введена в эксплуатацию) в Кибернетическом центре Академии наук Украинской ССР. Строительство Центра начинается на хуторе Теремки, близ Киева.

Через пять лет одно только название сохранится от хуторка. На площади в сорок гектаров вырастут корпуса институтов, конструкторского бюро, общественные здания и жилые дома современной архитектуры.

На одном из этажей башни главного корпуса разместится отдел «Автодиректор» — информационная система руководства Кибернетическим центром. Здесь приступит к работе СОНЯ.

При помощи телетайпа руководители Центра смогут с любого места мгновенно получить точную, исчерпывающую справку о том, скажем, как выполняется та или иная научно-исследовательская тема, или каково положение с материально-техническим снабжением, или ГДЕ РАБОТАЕТ ИНЖЕНЕР ИВАНОВ и сколько у него изобретений, или какой институт и когда он окончил. Помимо информационных, «Автодиректор» сможет решать еще задачи по оптимальному управлению Центром. С завидной оперативностью машина выдаст рекомендацию, как наилучшим образом, на основе сетевого графика, спланировать крупную исследовательскую работу, в которой заняты многие лаборатории. Короче говоря, кибернетический «Автодиректор» положит начало действительно научной организации научной работы.

Кстати, важной частью «Автодиректора» станет читающий автомат. Через ЧАРС будут проходить копии всех документов Кибернетического центра с тем, чтобы сведения, хранящиеся в памяти системы, непрерывно обновлялись.

Подобные же системы управления найдут применение на крупных заводах — с необходимой, разумеется, подгонкой по месту. Скорее всего системы будут отличаться друг от друга лишь характером запоминаемых сведений. Соответствующие качества человека кадровики называют опытом работы по специальности.

Машина-помощник, избавляющая человека от значительной доли нетворческой, черной умственной работы (в нашем примере поиск и сортировка информации), непременно должна быть машиной-специалистом.

А вот ходить в чернорабочих машине вовсе не обязательно — такого мнения твердо держится руководитель киевских кибернетиков академик В. М. Глушков. Машины станут активными участниками самого процесса творчества. «Надо думать, что к концу этого столетия,— недавно писал академик,— совместная работа математика с машиной по поиску доказательств новых теорем станет уже довольно обычным делом».

В творческом содружестве человек плюс машина можно наилучшим образом использовать самые сильные стороны обоих. Поразительные свойства человеческой интуиции, воображения. И невероятную способность вычислительной машины к скоростному перебору различных вариантов.

— Легче всего,— говорит академик Глушков,— понять смысл такого содружества на примере игры в шахматы. Как известно, было много попыток создать мастерски играющую шахматную машину. Но до сих пор это не удалось: машине не под силу перебрать все возможные варианты игры. Ну, а человек и не пытается этого сделать. Он действует по-другому: просчитывает лишь те варианты, которые показались заманчивыми после приблизительной оценки ситуации.

Однако именно точность расчета зачастую решает партии мастеров.

Теперь представьте себе: игрок оценил ситуацию, а перебор перспективных вариантов поручил машине. Против такого шахматного тандема устоит не всякий гроссмейстер!

...Для того, чтобы сработаться друг с другом, напарникам прежде всего необходимо между собой сговориться. Чтобы человек мог обращаться к машине запросто, по-человечески. И получать от нее вразумительные ответы.

Люди пылающей реки

> **«Обеспечить высокие темпы развития черной металлургии...»**
> Из проекта Директив XXIII съезда КПСС по пятилетнему плану.

Масштабы дел

Салон самолета напоминал читальный зал. В тот день «Правда» опубликовала проект Директив XXIII съезда партии по новому пятилетнему плану, и я, как и мои попутчики, почти два часа, пока самолет не пошел на посадку в Донецке, штудировал газету.

«Сделан новый вклад в создание материально-технической базы коммунизма...» «Недостатки в развитии народного хозяйства в значительной мере вызваны тем, что за последние годы сложилось несоответствие между резко возросшими масштабами производства и действовавшими до недавнего времени методами планирования...» «Выполнение нового пятилетнего плана — живое дело миллионов...»

Я сидел у окна. Когда временами рассеивались облака, внизу проглядывала белая, заснеженная земля, изрезанная дорогами, потом, южнее, земля стала темной: на Украине снег сошел. Проплывали деревни и города. Торопились куда-то крошечные поезда. Людей различить было невозможно: слишком большая высота. Сверху было видно только то, что делали они все вместе. Именно об этом рассказывала сегодня «Правда», о самом главном нашем общем деле — о пятилетке. Рассказ был громаден по своему охвату, подобен крупномасштабной карте страны. Где-то на этой карте маленький кружочек — город Жданов, куда лежит мой путь. А в городе этом — домна, одна среди многих. На карте пятилетки персонально она не выделена.

...К доменному цеху я подходил вечером. Зажглись ночные огни, на раскрытых створках стен плясали огненные сполохи, словно отблески яркого сказочного сияния. Печи выстроились в линию, одна за другой. Впереди — самая молодая. В сгущающихся сумерках домны напоминали могучие крейсеры, вышедшие кильватерным строем в дальний поход. Зрелище внушительное и волнующее.

Новую печь на заводе имени Ильича в Жданове называют гигантом. Равной ей нет во всем мире. В конце марта, за пять дней до открытия съезда партии, ей исполнится три месяца. Рабочие дали своей домне имя XXIII съезда КПСС.

На литейном дворе море света. Из летки бешено хлещет толстая струя белого металла, рассыпая бенгальские огни искр. Чугун течет по желобам и, будто никак не успокоясь, продолжает швырять в воздух голубые звезды. А домна стоит такая толстая, перепоясанная трубопроводами, и нежится в румяном мареве. На железных галереях, по берегам пылающей реки — маленькие фигурки людей. Они лишь кажутся маленькими, масштабы их дел и мыслей громадны. Только не сразу это уловишь.

Эстафета

Борис Яговитов, старший горновой, снял войлочную шляпу, подошел ко мне и, словно мы были знакомы по меньшей мере лет десять, спросил:

— Чаю хочешь?

Я кивнул: дескать, не откажусь. Большой алюминиевый чайник поставили на кирпичи, положили под него газовую горелку, которую применяют для сушки желобов, открыли газ и подожгли его факелом.

— Сейчас он мигом. Чай — дело полезное. Ребята привыкли. От простуды хорошо.

Чайник закипел минут через десять. Горновые разобрали посуду: стаканы, стеклянные банки. Мне досталась бутылка из-под молока. Чай пили без сахара, сидя на стопеньках литейного двора. Было холодно, в раскрытые створки стен дул зябкий вечерний ветер. Где-то внизу рявкнул тепловоз, наверное, потащил ковши с чугуном к мартеновскому цеху или еще куда.

Снова ударила из летки струя металла, вспыхнули заревом своды литейного двора. Мы стояли с Яговитовым на железном мостике и смотрели на пламя.

— Разве я раньше мог так спокойно разговаривать, когда чугун идет? Бывало, наломаешься, аж ноги не держат. Помню те времена. Далеко шагнули...

Яговитову сорок лет, но выглядит он старше. Человека старят не годы, а ранние трудные заботы. Забот поколению Бориса было отпущено с избытком. Паспорт получил в сорок втором, работая уже на домне в Магнитогорске. Для мальчишек занятие это совсем неподходящее, но война списала многие запреты. А куда как труднее тогда было у печи. Народу в обрез. При такой нагрузке все могло случиться. И случалось. Угодил как-то Борис ногой в чугунный ручей. Слег. Потом в слесарях пришлось ходить несколько месяцев. Не чаял как вернуться назад к горну. Вернулся, едва зажили язвы.

— Всю жизнь я на горне. И с каждым годом будто сильнее становлюсь, хоть и старею,— говорит Борис Васильевич.— Техника все это делает. Сильно работа наша меняется. Вначале какие пушки для заделки летки у нас были? Паровые. Горе одно. Шестьдесят атмосфер давления. А в этой — посмотри на нее — знаешь, сколько? Больше двухсот. Силища! А домну ты такую видел? И чтоб так чисто строители сдали — такое на моей памяти впервые. Наметились в этом деле хорошие перемены. В Темир-Тау когда работал, там повоевать пришлось порядком с ними же, со строителями. Бульдозерист-недотепа засыпал землей электромоторы на стройплощадке. Ему плевать, лишь бы землю ворочать. Я на него: «Так тебя растак, что ж ты делаешь, варвар!» Он огрызается: «Кто ты такой, чтоб мне указывать?» А я ему вежливо, спокойно говорю: «Коммунист я, понимаешь — коммунист. Вот тебе и весь ответ». До горкома партии довел я это дело! Выяснили отношения. А здесь хорошо печку сдали. Доску приварили с именами тех, кто строил. Пусть народ знает. Заслужили. А у нас лозунг вон там висит, чтобы эстафету строителей несли как положено.

Лозунг я видел. Он на стене будки, где пульт управления пушкой. Если выйти на улицу и по переходному мостику направиться к зданию, в котором роскошный, светлый зал пульта управления домной, упрешься в стену, там под ярким фонарем на двухметровом щите обязательства доменщиков к съезду партии. Та самая эстафета, о которой Яговитов говорил. Две цифры бросаются в глаза: освоить мощность на 60 процентов и дать сверх плана 800 тонн чугуна. До съезда оставалось больше месяца, а цифры со щита уже ушли в историю, перекрыты. И та и другая. Причастен к этому и коммунист Борис Яговитов.

Нашел

Бригада Ивана Попова работала в ночную смену. И был в ту ночь у них, прямо сказать, полный зарез. Сам Попов уехал в Макеевку на совещание передовиков производства. Заменял его Виталий Щерба. А тут одно к одному: ушли на три дня горновой и крановщица. Причина сверхуважительная: свадьба. Три медовых дня положены по закону. Пришлось оставшимся трудиться во славу макеевского совещания и новобрачных.

На следующий день Попов вышел к печи. Думали, пойдет смена поспокойнее, да тут крановщица, замещавшая невесту, задела грейфером многотонный желоб, сдвинула его с места. Битый час возились с ним. Виталий Щерба ходил злой и мрачный.

Мне он запомнился сразу, хотя горновые в своих стандартных робах сначала чудятся близнецами. А этот высокий, ладный. Тонкие черты лица. Глаза с этакой томной поволокой. Бородку начал отращивать.

Был третий час ночи. Хотелось спать. Горновые сидели в комнате отдыха за длинным столом, вспоминали свадьбу. И тут Щерба вдруг повел разговор совсем в другом направлении — про месторождение железной руды, что нашли недалеко от Жданова. Все вместе принялись подсчитывать, во что обойдется металл из нее и заводу Ильича и землячке — «Азовстали». Прикинули: выгода несомненная. Виталий считал с основательностью бухгалтера и с заинтересованностью директора завода. Потом разговор перекинулся на жилищное строительство и закончился проблемой ассортимента сигарет.

Живое дело не может быть простым: оно многообразно и сложно, как сама жизнь. Ночная беседа, никем не организованная, возникшая просто так, оттого, что выпала свободная минута, наверное, точно отражала характер этих уставших, чумазых парней, их интересы и вообще их жизнь, где свадьба товарища, себестоимость чугуна и ассортимент сигарет находят свое место, где судьбы цеха, завода и целой страны переплелись так, что разделить их уже невозможно. Получается такой крепкий сплав не вдруг. Щерба долго шел к нему.

— Давно ли на домне?— спросил я.

О. КУПРИН

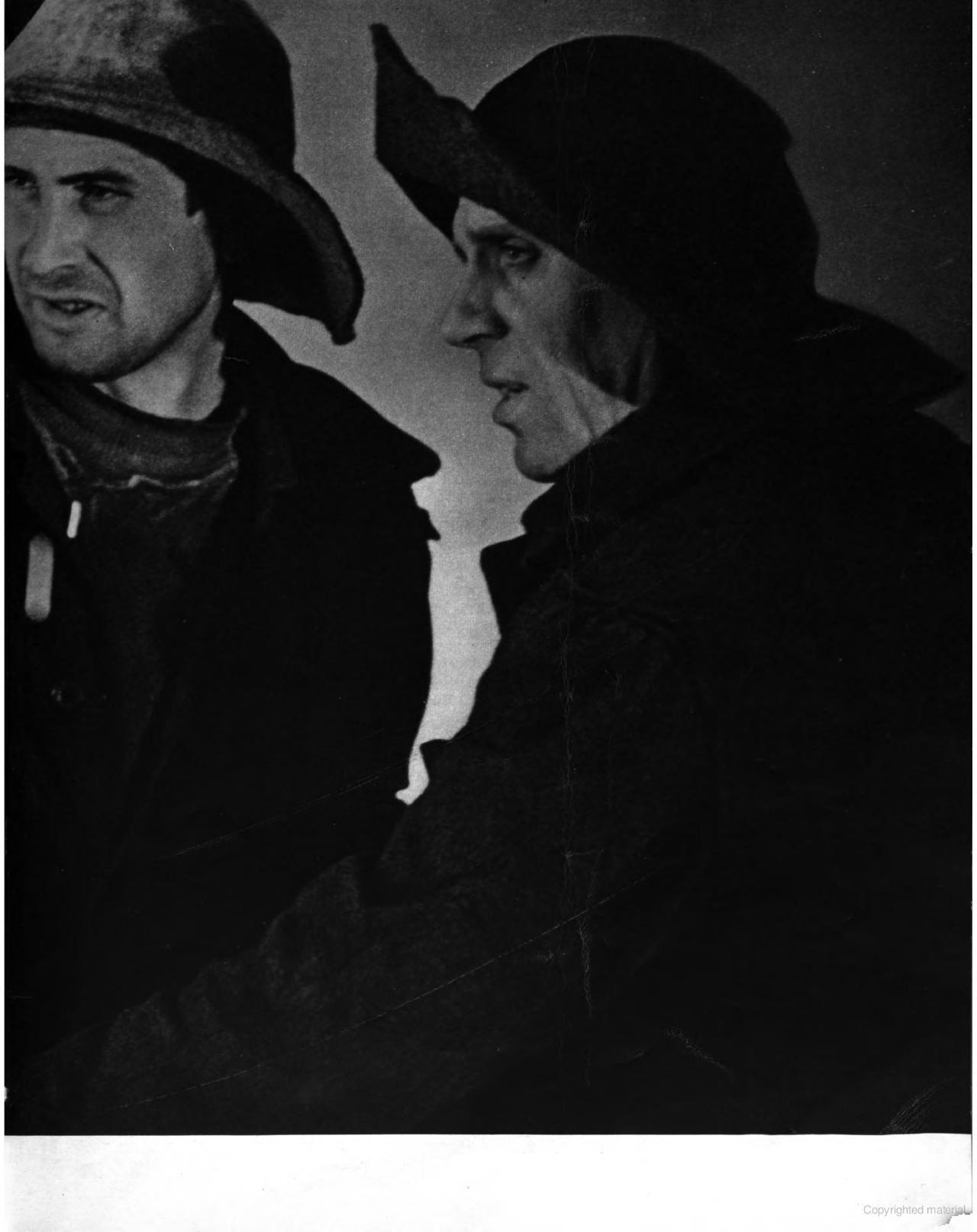
Фото Л. Бородулина.

Коммунист Борис Яговитов — старший горновой домны имени XXIII съезда КПСС на Ждановском металлургическом заводе имени Ильича.

Доменный цех.

Коммунисты домны имени XXIII съезда КПСС старший горновой Иван Попов и горновой Виталий Щерба.

Делегат XXIII съезда КПСС Любовь Сысоева — доярка совхоза «Звенигородский», Московской области, студентка 5-го курса Всесоюзного сельскохозяйственного института заочного образования.

Фото Л. Шерстенникова.

— С шестидесятого.

— А раньше?

— Много чего было раньше. И профессий и мест. Березники, Киров, Сахалин, Курилы.

— Учились где-нибудь?

— Учился. Два курса мединститута. Ушел. Не мое это дело.

— Почему медицинского?

— Так получилось. С девчонкой одной в школе учился. У нее призвание к этому делу. А у меня, как выяснилось, ничего не было. Ехал сдавать, думал, наверняка провалюсь, а меня приняли. Смех один. Домна — первая и последняя настоящая любовь. Живое дело. Отсюда и на пенсию пойду.

Настоящая любовь, думается мне, всегда первая и последняя, иначе ее вообще не бывает. Виталию повезло: нашел. И в партию вступил здесь, когда нашел свое живое дело. Даже свои большие житейские трудности не могут его заслонить.

— Сегодня приду со смены, а жена — на работу. Дочку — на мое попечение. Ей полгодика всего. Присмотри, скажет. Вот тебе и поспал. Детишек у нас трое.— И перевел разговор на другое: — А еще учиться мне надо. Обязательно.

— Пробовали?

— Пробовал. Два года сдаю в металлургический. Не принимают: по конкурсу не прохожу. Но ничего, примут...

Он ушел к домне. А глаза у него с поволокой — от усталости, не иначе.

Берлинский узник

Старший горновой Иван Леонтьевич Попов — мужчина приземистый, широкоплечий. Очень серьезный. Он выступал на совещании в Макеевке. К речи готовился основательно и потому начал разговор со мной языком немного казенным, совещательным.

— В настоящее время главный вопрос у нас — агломерат.

Но через минуту взял свое местный говорок, похожий на одесский.

— За свою печку я почти не говорил, больше за цех и за аглофабрику.

Иван Леонтьевич — заслуженный металлург республики, коммунист. Доменщики его уважают, без зависти скажут, что мастер он отменный, работать с ним здорово. И добавят: справедливый. Не зря выбирали его в цехком, а сейчас уже не первый год руководит он Советом рабочей чести.

Доменщиком Попов стал не сразу, не так, как его сменщик Яговитов, которого мальчишкой к домне привела война. Попова война посадила ездовым на бричку, и возил он комиссара госпиталя здесь же, в Мариуполе. Потом оккупация. Угнали парня в Германию, поставили работать на завод. Недолго проработал. Убежал. За что и попал в концлагерь под Берлином.

— Гоняли нас на железную дорогу расчищать пути после бомбежек. Часто через весь город топали, мимо рейхстага. Там убежище строили, может, для самого Гитлера. Говорили, что перекрытия слоеные — бетон и каучук. А бомбили тогда за милую душу. И нам перепало однажды. Разнесла бомба лагерь. Как живой остался, не знаю. Втроем убежали. Кругом взрывы, горит все, полыхает. Нам как раз это на руку, свобода нам от того огня вышла...

Чугунная река клокочет в желобах, и в глазах у Попова отражается ее пламя, как когда-то, наверное, отражалось в них пламя берлинских пожаров.

— Целый месяц до прихода наших скитались вокруг Берлина. Днем прятались в разбитых убежищах. Каждый воздушный налет — нам помощник. Во время бомбежек провизию добывали, на складах разных, в магазинах разрушенных. В огонь лазили запросто. Голод не тетка.

Там же, под Берлином, стал Попов солдатом, а домой, в Жданов, приехал демобилизованным сержантом-минометчиком. Пошел формовщиком на первую восстановленную домну. Давно уже нет той печи: сломали ее, новую на том месте соорудили, куда более мощную. На всех заводских домнах довелось поработать Ивану Леонтьевичу. Так совпало, что и эту, самую большую в мире, его бригаде досталось и задувать и первый чугун выпускать.

— Но в настоящее время главный для нас вопрос — агломерат. О нем мы у себя в партийной организации много говорили. Беспокоит коммунистов положение дел в цехе. Коммунист, он не только за свое рабочее место болеет. На нашей домне дела неплохие, а на других печах тяжело. Нам-то агломерат дают, а соседи на сырой руде работают. Вот и тревожатся коммунисты... Представляете, насколько цех больше металла мог бы дать. Об этом я и говорил на совещании. Надо было домну вместе с аглофабрикой пускать. Тогда бы по-хозяйски получилось. И как они там рассчитывали?..

С агломератом на заводе имени Ильича действительно плохо. Планирование напроказило. К слову сказать, не единственный это конфуз. Здесь и другие объекты вводились в строй совсем не в той последовательности, которой требовал здравый смысл, не говоря уже об экономическом расчете: прокатный стан раньше, чем мартеновский цех, мартены раньше, чем домна, и, наконец, домна опередила аглофабрику, которая должна снабжать ту домну сырьем.

— Сейчас партия крутой поворот в этом деле начала. На съезде разговор о планировании обязательно будет. Очень правильно. Нельзя по-старому. Выросли мы. Вон какая домна наша. Для нее счетно-решающую машину делают. А сколько у нас печей, цехов, заводов!.. Да вы ведь, наверное, с вечера не ели. Пошли в столовую. Это рядом. Всю ночь работает для нас. Будет горячий завтрак. Как?

* * *

...И снова самолет набирает высоту. Теперь его путь в Москву. Быстро удаляется земля. Страна внизу лежит, словно лист громадной карты. Самолет поднимается все выше — масштаб становится мельче. Но это с точки зрения географической. А масштаб человеческих дел у нас громаден, откуда на них ни взгляни. И завтра будет крупнее, чем сегодня. Дела эти поистине велики, как домна имени XXIII съезда КПСС, как мысли ее хозяев на берегу пламенной реки.

О МОЛОДОСТИ ЛЕНИНА

В роли Владимира Ульянова артист В. Головненков.

Фото И. Галанюка.

Создать увлекательный спектакль для детей о первых годах революционной деятельности Владимира Ильича — задача благороднейшая. И в равной мере трудная. Центральный детский театр в Москве решает ее, показывая премьеру «Начало пути» (режиссер А. Дунаев) по пьесе П. Бернацкого.

Спектакль о молодости Ленина рассчитан на школьников начиная от восьмого класса. Но я попал на него в такой день, когда в зале находились пятишестиклассники; и эта публика тоже смотрела постановку с живым интересом.

Главная удача спектакля, конечно, образ молодого Владимира Ильича.

Рассказ о любом этапе жизни Ленина — всегда тема целой эпопеи. И все же главная линия развития ленинского характера в спектакле прослежена. Вдумчивый юноша, нащупывающий пути переустройства общества, становится опытным революционером, организатором рабочего класса...

Своим успехом постановка немало обязана исполнителю главной роли — В. Головненкову. Умный и обаятельный актер обладает счастливым портретным сходством с молодым Владимиром Ильичем. Но это сходство он не подчеркивает, как и не стремится подделаться под характерные особенности ленинской речи. В его исполнении Владимир Ульянов прост, сдержан и сосредоточен, притом полон внутреннего огня и силы. Жесты его скупы; он почти никогда не повышает голоса, однако все окружающие — и на сцене и в зрительном зале — невольно прислушиваются к каждому его слову... Молодой Ленин изображен многопланово: он революционер, заботливый сын, любящий брат, хороший товарищ.

В роли Марии Александровны Ульяновой юные зрители узнают свою любимую артистку В. Сперантову. Анну Ильиничну и Надежду Константиновну играют молодые актрисы Т. Гулевич и Т. Надеждина.

Художник Эдуард Змойро оформил спектакль необычно, стремясь донести до юного зрителя самый дух времени и обстановки. Декорации подчеркнуто масштабны, ярки... Вот Кокушкино. На первом плане большая копна сена, косогор; будто из черной бумаги вырезан крупный силуэт церквушки с покосившейся маковкой на фоне неба да две-три кривеньких березки. Охранку характеризует карикатурный портрет императора с неимоверным количеством орденов и медалей во всю грудь, но без головы.

П. ВОЛКОВ

Стратегия мира и дружбы

Сотни писем бережно хранятся в небольшой комнате студенческого клуба. Все они дороги молодым людям. Но есть среди них одно, которым особенно гордятся студенты.

«Дорогие друзья! Я сердечно благодарю Вас за поздравления по случаю 45-летия Компартии Испании, за теплые слова о моем героическом народе. Трудящиеся Испании неустанно борются с фашистской диктатурой генерала Франко. Я тоже уверена, что близок день, когда Испания будет свободной и станет на путь демократии и социализма. Принимаю Ваше приглашение быть членом Вашего клуба, которому желаю больших успехов.

Долорес ИБАРРУРИ».

Ее имя стоит первым в списке почетных членов Клуба интернациональной дружбы, созданного студентами педагогического института в молдавском городе Бельцы. В этом списке — видные политические и государственные деятели зарубежных стран. Сюда же внесены имена земляков, в делах которых с особой полнотой проявилось присущее советским людям чувство интернационального долга. Тут молодогвардеец Борис Главан, погибший вместе со своими русскими и украинскими братьями в Краснодоне,— он был студентом Бельцкого педучилища. Здесь выпускница института, в прошлом фронтовая медсестра, Мария Николаевна Славиогло, преподающая ныне французский язык в школе Рышканского района республики. Она вынесла с поля боя сотни раненых солдат и офицеров — русских, казахов, армян, азербайджанцев. На ее руках умер сын Пасионарии Рубен Руис Ибаррури, герой Сталинградской битвы, сражавшийся и павший за грядущее счастье родной Испании и за свободу и независимость своей второй родины...

Однако вернемся к письмам. Разноязыкие, они схожи в одном: каждое из них — свидетельство стремления молодежи Земли жить в мире и дружбе, объединить свои усилия в борьбе против войны. Заочные члены клуба рассказывают молдавским товарищам о жизни, о своих увлечениях, учебе.

Но члены клуба связаны с зарубежными друзьями не только письмами. В институт приезжали молодые кубинцы, обучавшиеся в одном из молдавских училищ механизации сельского хозяйства, гостили представители университета из румынского города Яссы.

...Однажды кто-то из активистов клуба принес на заседание газету, которая перепечатала карту, опубликованную американским журналом. Вояки Пентагона обозначили жирными стрелами направления запланированных ударов по жизненно важным центрам Советского Союза. И тогда студентка Клавдия Берновик предложила:

— Давайте сделаем карту и протянем на ней ленточки от нашего города до всех городов и сел, с жителями которых мы переписываемся и дружим.

Так в клубе появилась «стратегическая карта мира и дружбы».

Б. БОЙКО

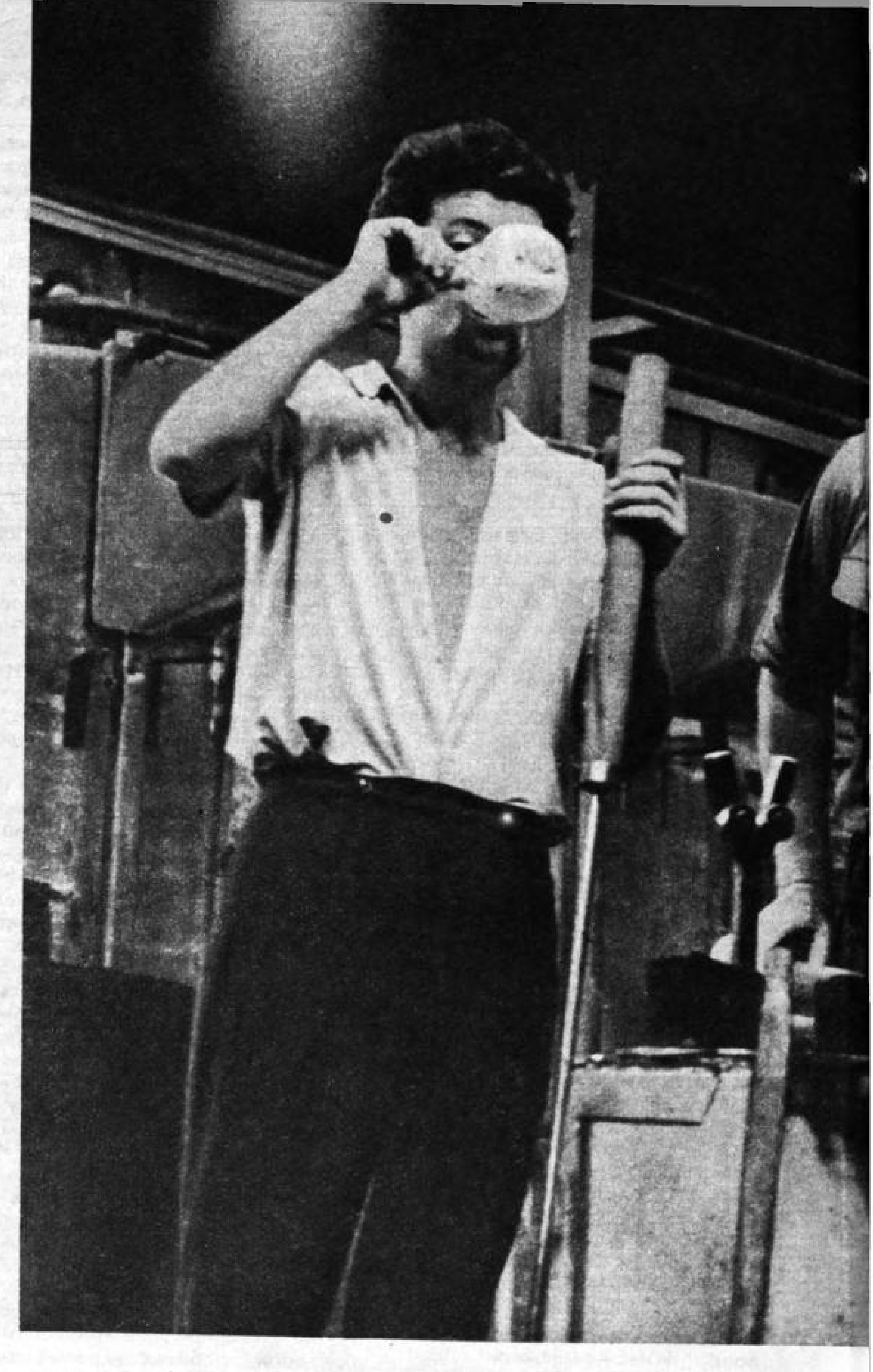

Готовится «Огонек дружбы»

Фото Г. Райляна

В карауле над Влтавой. Одна из ста пражских башен.

ФОТОПУТЕШЕСТВИЕ К ДРУЗЬЯМ

ЧЕХОСЛОВАКИЯ

В этом номере мы начинаем путешествие по братским социалистическим странам.

СТРАНА Д

Г. АНДРЕЕВ,

специальный корреспондент «Огонька»

Есть такая старая поговорка в Чехословакии: «Хорошее пиво, красивые девушки — это все дары чешской земли». С народной мудростью не поспоришь: и пиво здесь отменное и красавиц не счесть. Но еще и другими дарами наградила щедрая земля здешняя своих людей. Наградила их веселым нравом, юмором и вкусом, добрыми руками. Умеют эти руки делать мощные дизели и тончайшие бокалы с солнечным хрустальным звоном, стремительные мотоциклы «ява» — их, не задумываясь, выбирают чемпионы — и легкие, изящные такси «морава».

Но руки наших друзей из Чехословакии способны не только создавать прекрасные вещи, эти руки умели держать автомат в годы войны с фашизмом, эти руки знают вес куска солдатского хлеба и тепло крепкого солдатского объятия. Эти руки приносят цветы к постаменту «тридцатьчетверки», первой ворвавшейся в Прагу.

Успехов и счастья вам, братья! Пусть цветет и улыбается чудесная страна ваша, в которую влюблен каждый, кто хоть раз побывал в ней.

Девушка из Моравии.

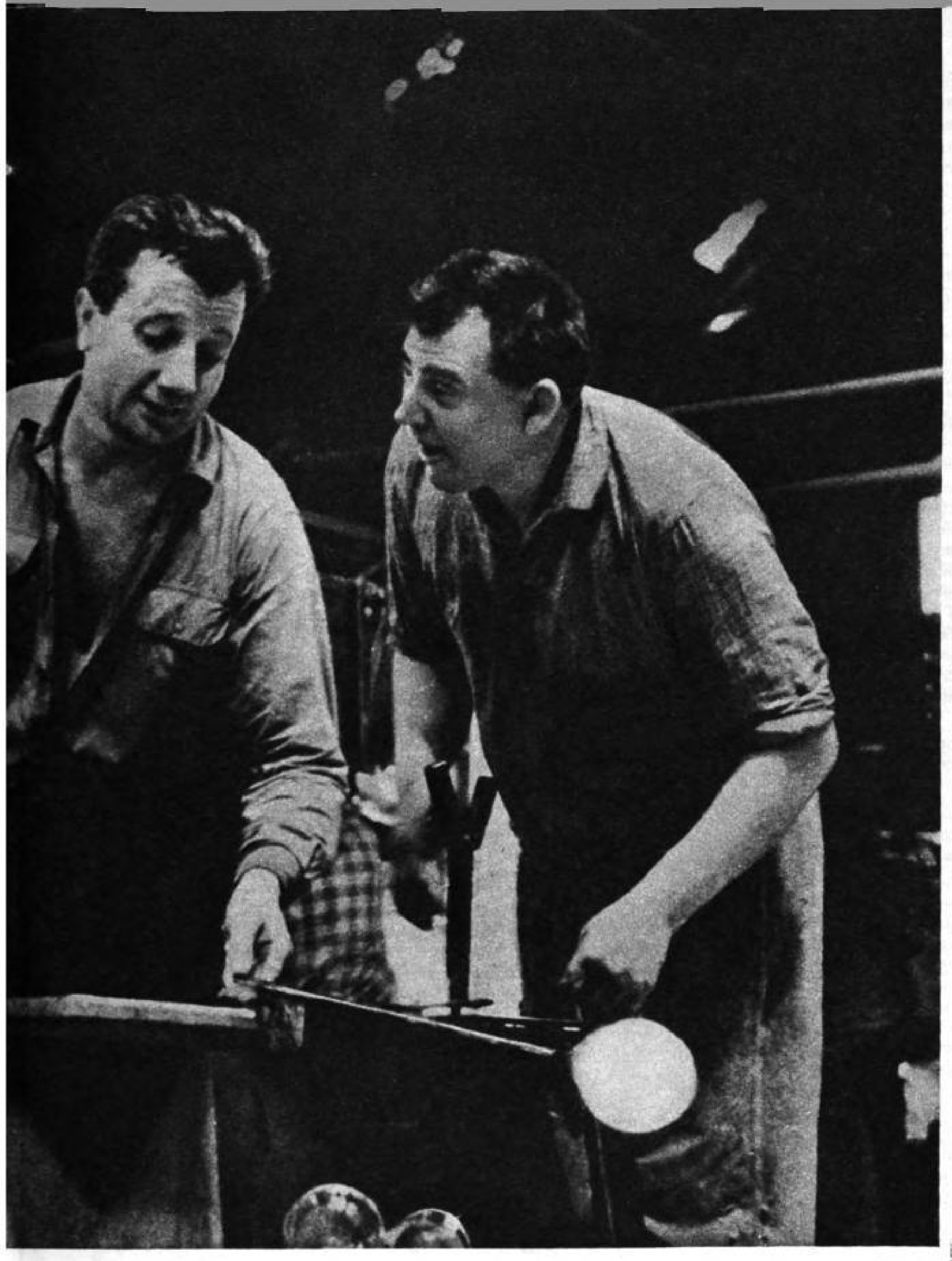

Фигурки эти я видел на выставке стекла в северочешском городе Железный Брод. Кто автор, не записал, виноват, а сейчас и не вспомню, был ли это почтенный профессор художественного училища или его семнадцатилетний ученик. Там, в Железном Броде, столице мастеров стекла, все работают свежо, оригинально, современно. Независимо от возраста.

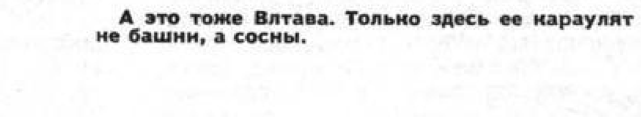

Чешское пиво вывозится в восемьдесят стран. Ящики с золотистым «будваром» совершат путешествие в Советский Союз.

А это тоже Влтава. Только здесь ее караулят не башни, а сосны.

Так начинают путь с завода знаменитые «шкоды». Потом они становятся на собственные колеса и пробегают на них по дорогам всех континентов многие и многие тысячи километров.

ОБРЫХ РУК

▲ Мастера с «Мозера». Короли и премьеры считают для себя честью заказать сервиз на прославленном карловарском заводе.

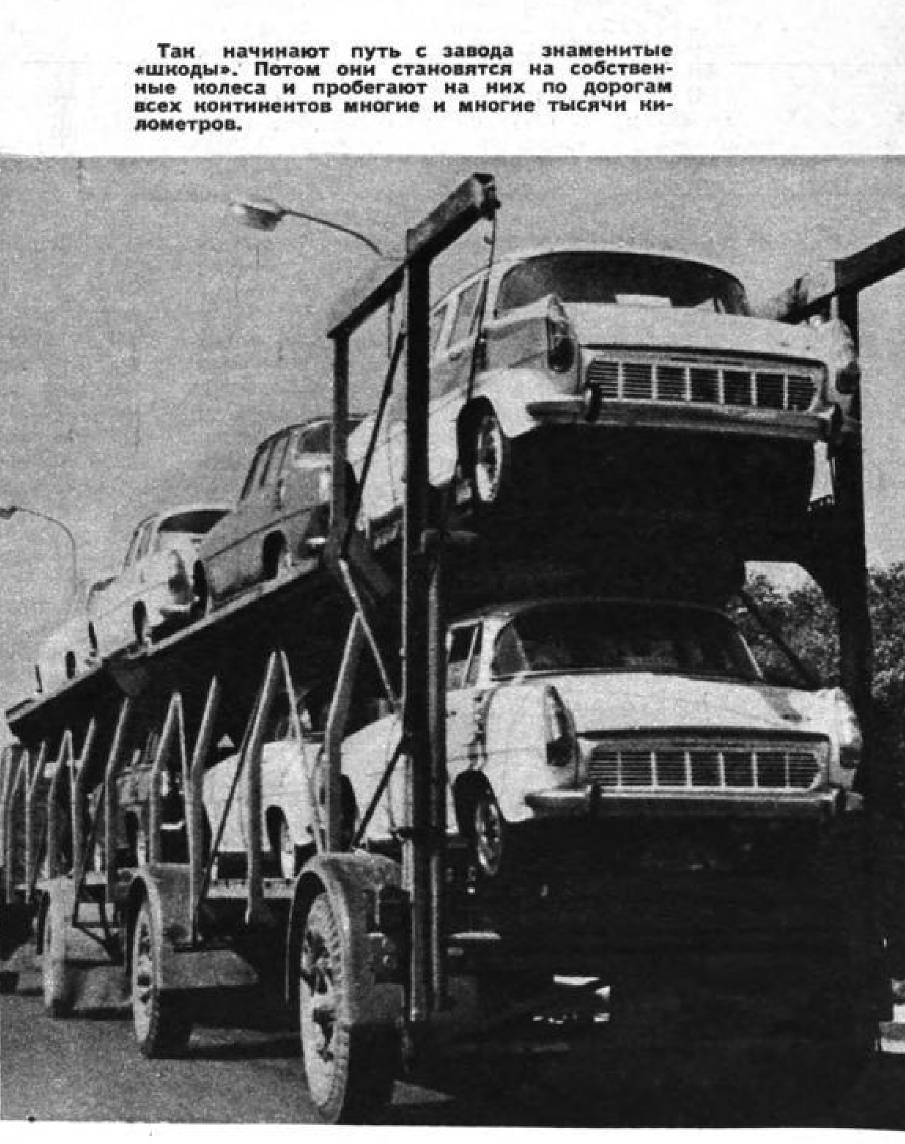

Пражская мама. Ничем от мам лондонских, московских или парижских не отличается.

◄ Шахматный магазин в Вацлавском Наместье в Праге. На доске в витрине — этюд. Их меняют каждый день, и каждый день здесь собираются любители шахмат. Думают, решают, спорят.

Крестьянки из Словакии любят нарядные платочки, темные юбки и велосипеды. На велосипедах ездят и в поле, и на базар, и за ребятишками в детсад.

Николай АСАНОВ

СОВРЕМЕННАЯ ПОВЕСТЬ
С ПРОЛОГОМ И ЭПИЛОГОМ

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ:

Ученики должны быть послушными

Ярослав Чудаков совсем не был таким уж оголодавшим недоростком, как представилось это почтенному профессору. Просто в роду Чудаковых все мужчины были невысокими. А вот что касается мускулатуры, ловкости, так тут Чудаковы — отец, и дед, и молодые — могли дать иному мастеру сто очков вперед.

У них даже руки думали! Ярка, когда стал студентом, вычитал где-то, что Фридрих Энгельс уважал рабочие руки и даже прямо говорил, что творческий процесс начинается в голове, а кончается в пальцах рук, которые держат инструмент, будь то перо, или резец, или просто стамеска, или молоток. Вот и Ярослав — если он замышлял какой-нибудь прибор для счета соударений ядерных частиц,— так просто чувствовал, что у него и голова горела и руки нацеливались — сейчас начнут «стрелять».

Отец и дед видели это еще в школьные Яркины времена, когда парень мастерил прибор для определения силы ветра с крыла обыкновенного бумажного змея или вертушку — лаг для учета скорости движения его собственноручно сделанной байдарки. Да и вообще все в доме у Чудаковых было сделано ими собственноручно, кроме, наверно, электрических лампочек, а до лампочек просто руки не доходили, а то они и лампочки переконструировали бы, это уж как пить дать!

И отец и дед Ярки были рабочими, тут профессор не ошибался, только они еще были мастерами своего дела. А мастер — всегда думающий человек.

Война для Ярки была испытанием жесточайшим. Началась она, когда Ярославу было всего девять лет, и хотя он дважды убегал «на фронт», дальше первого контрольно-пропускного пункта так и не дошел...

Ну, а голод, физические страдания в нетопленной квартире — так ведь все это было рáвно для всех. В те дни он еще не подозревал, что и воевали не все и голодали тоже не все. Взрослый умеет кое-что не замечать, на некоторые вещи не обращать внимания. Это только дети не прощают, взрослые просто не желают видеть. Значительно удобнее.

А «похоронная» пришла. Ярослав Ярославович старший, отец Ярки, погиб. Но в семье остался Ярослав Ярославович старейший, дед, а дед не позволял грустить. Дед заставлял работать. С двенадцати лет Ярка начал помогать деду «лудить, паять», а с пятнадцати подыскал себе «рукомесло» посложнее — чинить радиоприемники. Их навезли с войны много, и все разных фирм. Потом пошли телевизоры, всякие счетно-измерительные приборы. В семнадцать лет Ярку даже приняли в один счетно-аналитический институт мастером по ремонту приборов.

Не это ли, в сущности, и толкнуло парня на физико-технический факультет?

Так он начал учиться у Михаила Борисовича...

Однако студент Чудаков ответить на приглашение профессора не торопился. Он окончил и третий курс и четвертый, но Михаилу Борисовичу не звонил. Михаил Борисович тоже не напоминал. «Ничего, придет! Он прекрасно знает возможности моей лаборатории. Где еще он получит такой ускоритель, такое оборудование?» — усмехался про себя Красов. Он испытывал примерно такое же ощущение, какое чувствует опытный охотник: приманки расставлены, можно и покурить...

В начале пятого курса Чудаков действительно напомнил профессору о давнем разговоре. И заговорил в той же странной манере:

— Не скажу, Михаил Борисович, что я нашел слиток золота величиной с конскую голову, но кое-какими мыслями и я не прочь поделиться.

— Пожалуйста, пожалуйста, я помню свое приглашение. Только что же вас до сих пор задерживало?

— Говорят, что только пустая голова ногам покоя не дает. А мне все эти годы было не до развлечений. И на этот раз, возможно, окажусь скучным гостем.

— Ну, что вы, Ярослав Ярославович, поболтаем за чашкой чаю. Если у вас есть ко мне вопросы, попытаюсь ответить. Кстати, где вы собираетесь проходить курсовую практику и какую тему выбрали?

— Хотел проситься к вам в институт, в вашу лабораторию. А тема — поиск нового метода наблюдения за соударениями частиц.

— Отлично, отлично! — заторопился Михаил Борисович.

Он даже подергал галстук, напоминая себе, что нельзя проявлять такой восторг и поспешность. Он знал у себя этот недостаток: на все взволновавшее отвечать с непозволительной солидному человеку торопливостью. А когда торопился, то даже слова проглатывал и повторял их. Что-то вроде: «отличноличнолично». Но, боже мой, что он слышит? Новый метод наблюдения за соударениями! Американцы споткнулись именно на этом! И у них нет никакого нового метода! Неужели этот вихрастый паренек может что-то предложить? Правда, Нильс Бор говорит, что новые идеи только тогда интересны, когда ни на что предыдущее не похожи. Кто знает, что в голове у этого мальчишки?

И опять профессор ошибался: к этому времени Ярослава Чудакова никак нельзя было назвать мальчишкой. Он уже был женат и даже ожидал прибавления семейства. Оставалась в его лице этакая неизменная моложавость, некоторая монгольская безбородость, но возраст у него был уже не солдатский, а офицерский. А вот одежка на нем привычная — такие же, если не те же, лыжные штаны да мохнатый свитер под горло.

— Итак, у вас есть уже свои идеи? — не удержался профессор.

Но Чудаков не торопился.

— Да ведь как сказать! В нашей любимой науке творится то же самое, что в кавалерии: ночь темная, лошадь черная, едешь-едешь и думаешь: а не черт ли тебя везет? — как мой дед говаривал. Знаете, в таких условиях не всякую идею и высказажешь. Я бы хотел сначала посмотреть, над чем вы работаете в вашей лаборатории, послушать товарищей...

«А у этого паренька, кажется, зубы тигра! — подумал Михаил Борисович.— Ну, что ж, это даже интереснее, больше чести для укротителя». Но эту злую мысль удержал при себе. А что, если у студента есть так называемая безумная идея? Отпугивать его не следует ни в коем разе. И весьма любезно повторил:

— Так я вас жду в субботу, часикам к семи. Сначала поговорим о наших баранах, попозже придут молодые люди, можно будет и потанцевать.— И подумал с некоторым сожалением: «Впрочем, какой из тебя танцор? Но надо предупредить Брониславу, чтобы поуняла свою надменность, когда увидит этого странного гостя!»

— С удовольствием! — спокойно ответил Чудаков, будто давно уже привык бывать на профессорских раутах.— Могу ли я пригласить от вашего имени и жену?

— Вы женаты? — удивился профессор.

— Уже полгода! — улыбнулся Чудаков.— Может быть, по отсутствию стажа жена и не любит отпускать меня одного.

— Пожалуйста, пожалуйста! — с необыкновенным радушием в голосе сказал Михаил Борисович. И полюбопытствовал: — А ваша супруга тоже физик?

— Нет, она электроник.

— Скажите на милость! Она перегнала вас — выбрала новейшую науку!

— Есть ведь и поновее! — с какой-то странной иронией ответил Чудаков.— Вот уже и бионики появились.

— Это не наука, а чистое шаманство! — произнес профессор с неопределенной интонацией, так что трудно было понять, шутит он или всерьез так думает.

— Ну что вы, Михаил Борисович! — Чудаков усмехнулся.— Ведь еще не так давно и кибернетику считали охвостьем идеализма.

— Тут вы в чем-то заблуждаетесь! — внезапно став строгим, сказал Михаил Борисович. Вольнодумство студента ему не понравилось. Да и зачем молодому физику интересоваться генетикой, бионикой? В сущности, рядом с физикой эти науки выглядят примерно так же, как астрология рядом с астрономией. И потом в этих странных рассуждениях, чувствовал Михаил Борисович, проскальзывает слишком глубокая ирония.

Продолжение. См. №№ 10—11.

А Чудаков не унимался:

— Но и физика стала ведущей наукой совсем недавно. А кибернетика выплыла на поверхность только после того, как оказалось, что без машинных вычислений нам не управиться с физикой. А теперь попробуйте представить, что завтра американцы объявят, будто могут передавать приказы на свои атомные суда без помощи радио, только лишь усилием воли гипнотизера, направленным на медиума, сидящего где-то в рубке корабля. Или даже на подводную лодку без ее всплытия, которое требуется сейчас, поскольку радиоволны не желают проникать под воду. Разве мы не заинтересуемся такими опытами?

— А вы что-нибудь слышали о подобных экспериментах? — с любопытством спросил Михаил Борисович.

Несмотря на свое подчеркнуто пренебрежительное отношение к «мистическим» наукам, каковыми он считал генетику, бионику, парапсихологию, он побаивался оказаться вдруг в печальном одиночестве, если кто-то где-то кого-то убедит в их действенности.

— Ну, что вы,— с грустной доверительностью сказал Чудаков,— у нас об этом не пишут и никто за этим не следит.

— Стоп, товарищ Чудаков! — холодно обрезал студента Михаил Борисович.— Руководство получает самые последние новости о положении дел в науке! — строго заметил он.

— Возможно, возможно! — ничуть не смутясь, сказал Чудаков.— Но все-таки мне жаль, что мы несколько ограничиваем наш кругозор... Так в субботу? — переспросил он, словно хотел убедиться, не откажется ли профессор от своего приглашения после того, как будущий гость проявил некоторое вольнодумство.

Но профессор как будто забыл о своем недовольстве и, приятно улыбнувшись, повторил:

— Да-да, и вместе с супругой.

ГЛАВА ПЯТАЯ:

Но непослушные ученики талантливее

Из своего визита Чудаков извлек по меньшей мере одну важную информацию: в «конюшне» у профессора паслись до десятка студентов старшего курса и среди них всегда интересовавший Чудакова третьекурсник Алексей Горячев.

Но Чудаков, несмотря на свою самоуверенность, которой он так гордился, был изрядно ошарашен встречей, ожидавшей его и жену.

Во-первых, на звонок в переднюю выскочила розоволицая молодая красавица в вечернем платье без рукавов. Завидев Аннушку, привычно одетую в белую кофточку с плиссированной юбкой, красавица бросилась к ней в объятия с такой радостью и стремительностью, что чуть не сбила ее с ног. Сам Чудаков был тут же забыт. Из отрывистых восклицаний красавицы Ярослав смог уяснить, что она и Аннушка учились в одном классе. Красавицу звали Нонна, и Чудаков понял, что это и есть дочь профессора, в которую влюблялись все бывавшие в профессорском доме студенты.

При более тщательном рассмотрении Чудакову, забытому подле вешалки, показалось, что Нонна не так уж прекрасна: немножко полна для своих девятнадцати лет, ноги, хотя и стройные, несколько коротковаты, но руки, плечи, лицо были безупречны. Освободил Чудакова из его странного плена среди чужих пальто и плащей сам Михаил Борисович. Подивившись тому, что гора с горой не сходятся, а человек с человеком не разминутся, поздоровавшись с Аннушкой и похвалив ее за хороший вид и цвет лица (Аннушка была смугло-румяной), Михаил Борисович оставил ее на попечение Нонны и увлек Ярослава к себе, предварительно оглядев его с ног до головы и одобрительно хмыкнув.

Чудаков на этот раз обошелся без спортивного наряда. Правда, костюм был, как видно, куплен в отделе готового платья, но брюки обужены, вероятно, Аннушкой и отглажены до остроты ножа, сорочка ослепительно бела. Несмотря на то, что и в этом костюме Чудаков был похож на мальчишку, Михаил Борисович остался вполне доволен новым гостем.

В кабинете Ярослав и увидел Алексея Горячева.

Третьекурсник сидел на краешке стула, вслушиваясь в каждое слово говоривших, словно впитывал божественное откровение И не только в профессорские речи вслушивался Алексей. Для него все, о чем говорили тут будущие и настоящие аспиранты, кандидаты наук и члены-корреспонденты академии, звучало волшебством. Ярослав даже пожалел беднягу. Того и гляди, примется глядеть из чужих рук. А между тем студенты старших курсов знают, что у этого малого голова не только для того приспособлена, чтобы носить шляпу.

Ярослав вслушался в легкий гул голосов, наполнявших просторный, заставленный низкими креслами вокруг маленьких столиков кабинет, в котором только и места для работы, что шведская конторка у окна. Все остальное пространство больше подходило для болтовни. Гости группками сидели вокруг низеньких полированных столиков, примостившись кто в кресле, а кто и на подлокотнике. Дверца вделанного в стену шкафа была откинута, на ней стояли рюмки, в глубине — бутылки. Чудаков усмехнулся: на его взгляд, при такой свободе и некотором желании кое-кто из гостей мог бы и поднабраться. Однако он заметил: гости в основном обходились разговорами, рюмки звенели не часто.

Были среди гостей и сановные — такие же профессора, были и двое-трое дубнинцев, как именовали ученых из Объединенного ядерного института. Но Михаил Борисович никого не представлял, каждый мог отыскать себе собеседника по душе и по вкусу, а то и сидеть, развесив уши, как третьекурсник Горячев. Впрочем, и студент пятого курса Чудаков не очень-то рвался в бой, тем более что все эти физики пока что говорили о вещах обыденных... У них уже образовался некий собственный стиль поведения, как и собственный, похожий на условный, разговорный язык. Все они щеголяли своими «хобби» — причудами. Один рассказывал о подводной охоте с аквалангом на осьминогов в Тихом океане; другой что-то врал об альпинистском походе на Памир, где отыскал некую гору с пещерой, в которой якобы были запрятаны чуть ли не все сокровища китайского войска, разбитого в каком-то сражении монголами в давнем веке; третий описывал отысканные им и вывезенные с Поморья старинные иконы и рукописи; четвертый что-то болтал о своих магнитофонных записях, восхваляя «короля джаза» Луи Армстронга.

И Ярослав пожалел, что пришел на этот раут...

Но тут Михаил Борисович заметил скуку и грусть в глазах своего гостя и с тренированной ловкостью опытного хозяина бросил ему приманку:

— Пощадите моих друзей, Ярослав Ярославович, не сочиняйте нелестных характеристик. Имейте в виду, когда вы начнете с ними работать, они из вас душу вытрясут. А эти разговоры не более как отдых. Вы знакомы с Горячевым? Попробуйте расшевелить его, а то, кажется, наши говоруны его совсем загипнотизировали. Между прочим, у Горячева есть архиоригинальные мысли о новых странных частицах...

«Подбрасывает пробный камень! — догадался Чудаков.— Если я не споткнусь на Горячеве, удостоит меня и своей беседой!» — Однако к Горячеву подошел.

— Вы часто здесь бываете?

— Впервые,— стесненно признался Горячев.

— Ага, значит, мы оба неофиты. А вы знаете, зачем нас пригласили?

— Михаил Борисович сказал, что собирается взять меня на курсовую работу в свою лабораторию и что надо познакомиться с товарищами.

— Ну и как, познакомились? — безжалостно спросил Ярослав.

Алексей беспомощно пожал плечами. Ярослав вытащил из валявшейся на столе пачки сигарету, закурил, оглядел комнату.

— Я не думаю, что мы тут можем интересовать кого-нибудь, кроме хозяина. Пойдемте-ка в коридор, покурим, поболтаем...

— Я не курю.

— Ну и напрасно,— иронически заметил Чудаков.— Это отличный предлог покинуть любое общество. А также устроить перерыв в работе. Когда я работал в артели жестянщиком и еще не умел курить, мастер, объявляя перекур, всегда находил для меня какое-нибудь дело. А как только я обзавелся собственной осьмушкой махорки, меня сразу признали своим.

— Вот уж не знал, что под курение можно подвести такую базу,— рассмеялся Горячев.

Ярославу понравилось, как лицо Алексея раскрылось в этой внезапной веселости, от чистых ровных зубов упал на него особый отблеск. Горячев встал с кресла и пошел за Чудаковым.

В коридоре Ярослав снова пристроился у вешалки, тут было нечто вроде ниши и стояла пара красных финских табуреток для дам, переобувающих туфли, так что получилось подобие уединенности. Горячев присел рядом.

— Профессор сказал, что вы делаете какую-то работу в области странных частиц?

— Ну какая же это работа?! Да наше оборудование и не дает возможности для экспериментальной проверки. Но, по моим расчетам, в атомном ядре, кроме уже открытых, должны быть еще цементирующие ча-

Рисунки П. ПИНКИСЕВИЧА.

стицы. Пока трудно сказать, каково их количество, но уже из самых общих математических свойств уравнений видно, что тут концы с концами не сходятся. Еще такие классики, как Дирак и Гейзенберг, понимали, что главной особенностью атомного ядра является множественность составляющих его так называемых «элементарных частиц», мы лишь не научились их извлекать. Если бы использовать для их поиска ускоритель, который есть в лаборатории Михаила Борисовича, то не исключена возможность...

— Так что же вы не попробуете?

Горячев с каким-то стеснением сказал:

— Видите ли, я скорее теоретик...

Чудаков чуть не присвистнул. Студент третьего курса, а уже мнит себя теоретиком! Но тут же насмешливо сказал:

— А я скорее практик. Чудное совпадение! А не нарочно ли свел нас Михаил Борисович?

— Ну, вы как-то уж очень... Какая Михаилу Борисовичу польза от нас, студентов?

— А вы постарайтесь вспомнить, что Михаил Борисович тоже был когда-то студентом. И не лишено оснований подозрение, что он, будучи студентом, о чем-то думал. Недаром же он в нашем примерно возрасте был принят Вернером Гейзенбергом в его собственную лабораторию и практиковался там два года. Так что не ссылайтесь на возраст!

— Любопытно! — меланхолически сказал Горячев, и Ярослав понял: не верит еще в свои силы. Ну, да это с возрастом, говорят, проходит. Жаль только, что порою с этим самым возрастом уходит и талант. Человек начинает думать о более простых и близких целях, нежели множественность частиц в атомном ядре. Получить бы диплом, аспирантуру, кандидатскую степень, квартиру в Доме преподавателя, что строится на Ломоносовском проспекте, а там можно и забыть, почему эта улица носит имя Ломоносова.

Над головой прозвучал мягкий, благодушный голос профессора:

— Ну, как побеседовали?

Чудаков встал. И взглянул на высокого, тонкого, словно жердь, Горячева. Горячев медленно бледнел, как будто профессор задал ему экзаменационный вопрос. Чудаков с досадой ответил:

— Такую беседу следовало бы вести у пульта ускорителя, наблюдая за приборами, регистрирующими новые частицы. Это было бы поинтереснее, чем наблюдать в телескоп за появлением новых звезд. В галактике мы разбираемся куда больше, чем в атомном ядре.

— А что, идея отличная! — Михаил Борисович засмеялся. — Но имейте в виду, что на нашем ускорителе такие счетчики до сих пор не установлены. Их еще надо придумать. Не хотите ли попробовать? Вы будете придумывать счетчики, Алексей Фаддеевич — подбрасывать вам идеи, а я... Я буду наблюдать за вашими успехами и радоваться.

— Вы это серьезно? — с каким-то даже испугом спросил Горячев.

А Чудаков невольно подумал: «Профессор уже по имени и отчеству этого паренька называет. Кажется, он и в самом деле прочит нас в свои ученики!» И деловито ответил:

— Я согласен!

— Браво, Ярослав Ярославович! А что вы скажете, Алексей Фаддеевич?

— Я... я тоже согласен... — несколько запинаясь, пробормотал Горячев.

— Отлично, отлично! — сплавливая слова в почти неразличимую фразу, воскликнул профессор.

Чудаков вспомнил, что, только волнуясь, он так произносит слова. Но в чем причина для волнения? Ну, облагодетельствовал двух студентов. Подумаешь! Со своим весом и авторитетом Михаил Борисович может облагодетельствовать каждого!

Михаил Борисович сиял: любезно пожал руку Горячеву, а Чудакова неожиданно похлопал по плечу. Возможно, так похлопывал когда-то и его самого знаменитый Гейзенберг.

— Что же мы тут стоим? — вдруг спохватился хозяин. — Пойдемте к дамам. Я боюсь, что ваша Анна Сергеевна уже соскучилась с моими модницами...

«Да он и отчество Аннушки разузнал! — изумился Чудаков. — Отлично подготовился! Значит, прежде чем отрезать, семь раз примерялся...»

— Вы, Алексей Фаддеевич, я знаю, отличный музыкант! Вот и порадуйте нас. У Нонны хороший рояль, она ведь у меня консерваторка!

Алексей вспыхнул, взглянул на Ярослава чуть ли не с мольбой, но увидел в глазах нового приятеля насмешку и гордо кивнул: «Согласен!» Уж если сам профессор наслышан о его талантах, пусть и Чудаков послушает. И пошел впереди хозяина в дальнюю комнату, откуда слышался смех женщин и веселые голоса мужчин.

Чудаков замкнул это шествие.

ГЛАВА ШЕСТАЯ:

Алексей и Нонна

Дочерью Михаила Борисовича восхищались все — и старые и молодые гости.

Старым в ее присутствии хотелось казаться помоложе, а молодые, наоборот, напускали на себя солидность.

И только Нонна была такой, как всегда.

Однако ж она была признанной королевой вечера.

Но если Чудаков посматривал на «коро-

леву» с некоторой иронией, то Алексей не сводил с нее глаз, такой ослепительной она ему казалась.

Спустя несколько лет Алексей понял, что тогда Нонна еще не была красивой. Она была просто хорошенькой — спортивная девушка в узком платье, аккуратная, ловкая в движениях, с веселыми глазами и наивной улыбкой.

Бывают лица, которые сразу поражают. Мы еще не успели понять, что произошло, а это лицо уже мучительно проникло в нас каждой чертой, запомнилось неповторимой, особой прелестью.

Впрочем, это происходит только с ищущими...

Нонна понравилась Алексею. Как видно, в свои двадцать один год он вполне созрел для того, чтобы влюбиться. До этого у него просто не было ни времени, ни подходящего объекта. И вдруг появилась Нонна...

Первая любовь всегда признает свой объект необыкновенным.

Алексей еще не запомнил цвета Нонниных глаз, не знал ее манеры при любой обиде надувать властно очерченные и вместе с тем наивные губы, не различил родинку на щеке, но уже твердо знал, что именно это лицо жаждал увидеть и бессознательно искал в толпе на улицах, пытался обнаружить при случайных знакомствах, искал именно эти неожиданно длинные глаза и такие мягко округлые, в золотом пушке щеки и белый, чистый лоб под летящими, косо отброшенными назад волосами...

Может быть, он еще не понимал этого с достаточной ясностью, но уже чувствовал наслаждение даже от того, что может следить за Нонной, любоваться живою игрой ее лица, вслушиваться в оттенки теплого, словно все время смеющегося голоса.

Значительно позже он, к своему несчастью, понял, что Нонна производила такое же впечатление на очень многих людей. Но в тот день он ни о чем не думал, кроме того, что, если захочет, может часто-часто ее видеть, разговаривать с нею и, кто знает, вдруг привлечь ее внимание к своей скромной особе.

Он не удержался и шепнул Чудакову — все-таки это был брат-студент среди других, незнакомых и малознакомых людей, с которым не грех было поделиться впечатлениями:

— Какая красивая у Михаила Борисовича дочь...

И очень огорчился, услышав ответ Чудакова:

— Избалованная девица! Не в моем вкусе.

Тут Алексей сравнил Нонну с женой Чудакова и с некоторой долей иронии подумал: «Э, брат, твою Аннушку и на одну ступеньку с Нонночкой не поставишь!» — и сам поразился, что осмелился назвать девушку так, как ее называли самые близкие друзья этого дома...

А Нонна будто и не замечала, что происходят «смотрины». Она мило болтала с Аннушкой, ни на минуту не оставляла ее своими заботами, тем более что Аннушкина простота еще больше подчеркивала ее собственную тонкую прелесть. Нонна щебетала о школьных приключениях, вспоминала каких-то «мальчиков», которые будто бы интересовали обеих подруг и чуть ли не заставили их соревноваться. Ярослав начал уже всерьез прислушиваться к этой болтовне, но вовремя уловил насмешливый взгляд жены и прочитал в нем: «А пусть ее!.. Это она всегда так...» — и смилостивился.

Аннушка отлично знала его ревнивый характер, но умела усмирять своего мужа. И Чудаков подумал: «В школьные годы Аннушке было не до увлечений. Отец погиб в конце войны, и трудное, а проще говоря, голодное время продолжалось для нее до поступления в университет, когда она сразу стала получать повышенную стипендию, да и то отдавала половину матери и братишке. А на голодный желудок развлекаться не очень хочется», — это Чудаков знал по себе.

К концу вечера Нонна добилась своего: один из помощников Михаила Борисовича, которого все называли просто Крох — на самом деле его фамилия была Крохмалев,— включил магнитофон с последними джазовыми новинками и пригласил Аннушку. И тут произошло нечто неожиданное: солидный Крох, пошептавшись о чем-то с Аннушкой, вдруг пустился в новомодный в те годы рок-н-ролл, и Аннушка завертелась, как юла. И все сразу переменилось в ней: полные ее губы показались чуть ли не негритянскими, движения стали отточенными и вместе с тем мягкими, и Чудаков недовольно отвел глаза. Он любил, когда его Аннушка танцевала, но хотел, чтобы она делала это для него и с ним, а тут немолодой ученый топтался возле нее, как слон вокруг тоненькой змейки, и все пялили на них глаза. Хорошо еще, что старый соратник Михаила Борисовича Подобнов пригласил хозяйку дома, а известный дубнинец Тропинин — Нонну, пошли танцевать и другие, и Крохмалеву пришлось перейти на обычный темп: места для рок-н-ролла оказалось мало. Чудаков перестал злиться, и все пошло обычным порядком: мужчины постарше вышли в кабинет, к бару, кто-то из физиков заспорил с другим, только Алексей Горячев стоял в сторонке, жадно следя за каждым движением Нонны. Однако умный хозяин не забывал о гостях, и, едва магнитофон утих, послышался его мягкий голос:

— Друзья, среди нас есть начинающий физик, обладающий к тому же незаурядным музыкальным талантом! Крох, уймитесь вы с вашим «хобби»! Вот у Горячева действительно «конек», на котором не стыдно прокатиться!

Все «хоббисты» окружили Алексея, поздравляя его с оригинальным «коньком». Тут были домашние поэты, собиратели икон, любители репродукций, почитатели джаза, сборщики разноцветных коктебельских камешков. Но музыкантов еще не бывало, и Алексей, слегка побледнев, медленно прошел к роялю.

Крох бросился поднимать крышку. Алексей чуть тронул клавиши — инструмент оказался отличный, истинно «консерваторский», и вот неробкая мелодия протанцевала по клавишам и заполнила комнату.

Ярослав с удивлением смотрел на третьекурсника. Горячев словно бы вырос, хотя сидел на низеньком вращающемся стульчике. Его лицо, похожее в профиль на зубцы пилы, крупногубое и длинноносое, стало значительным, как будто тени подчеркнули каждый изгиб. И вот даже шепот стих, музыка властно овладела всеми присутствующими, хотя многие, наверно, как и сам Ярослав, слушали ее только по воскресеньям, через радиоприемники и уж совсем не знали, что же такое играет студент. Впрочем, нашлись и знатоки: Бронислава Григорьевна с восторгом сказала:

— Божественно! Это Рахманинов!

Нонна строго взглянула на мать, и Чудаков так и не узнал, чем же Алексей Горячев увлек своих слушателей.

Алексей закончил игру грозным аккордом, встал и, сколько его ни упрашивали, больше не подошел к инструменту. Но если он хотел добиться, чтобы его приняли как своего, то достиг большего. Уже и Михаил Борисович поглядывал на него с несомненным уважением, уже и Нонна отошла от Кроха и заговорила с Алексеем на профессиональном языке музыкантов, который был столь же непонятен Чудакову, как любой незнакомый язык.

Воспользовавшись этой внезапной развязкой, Чудаков подошел к профессору, поблагодарил за прием, кивнул Аннушке и вышел в коридор, надеясь скрыться, так сказать, по-английски. Но музыка что-то нарушила в непринужденном веселье, все сразу принялись откланиваться, торопиться, кто-то кого-то просил подвезти, кто-то уславливался о встрече в следующую субботу. Очарование кончилось.

Продолжение следует.

В городе Вологде на Ново - Архангельском шоссе живет двоюродный брат прославленного космонавта Павла Ивановича Беляева Николай Афанасьевич Беляев со своей матерью Евдокией Тимофеевной. В тот день, когда в космос полетел П. И. Беляев со своим другом А. А. Леоновым, родственники космонавта Беляева не отходили от голубого экрана телевизора, а Евдокия Тимофеевна с гордостью рассказывала о детских годах знаменитого племянника.

На снимке: Н. А. Беляев и его мать Евдокия Тимофеевна смотрят телепередачу.

Фото А. Кузнецова. В. Кузьмина.

Космонавту Павлу Беляеву

Не молоденькая бабушка —
Скоро восемьдесят лет.
И не верит внуку бабушка,
Что, мол, бога — будто нет.
Утром встанет, богу молится,
К ночи тоже бьет поклон.
Ну, а внук-то комсомолец, дак
Просвещен, да не крещен!
Что вобьешь в него, беспутного?
Что втолкуешь? Ох-ох-ох!
Доживет до дня до судного
Там узнает, есть ли бог!
Вот сегодня с криком, с пением
Прибежал домой пострел.
— Что за светопреставление?
— Дядя Павел полетел!
Скачет, чуть не кукарекает,
Телевизор тормошит...
Бабка медленно кумекает:
— Ну-ко, стой, не мельтеши!
Кто? Куда летит?
— Да в космосе,
Понимаешь, дядя Паш!
Вот он, вот, бабуся!
— Осподи!
Верно, схожи. Будто наш!
Пашка, что ли?
— Павел, сказано!
Ты смотри, смотри! Молчок!
— Дак ведь мне-то он
не пасынок,
Мне-то чуть ли не сынок!
Ведь баюкала в Рослятине!
Пашка... Осподи прости!
Да ужо поаккуратнее
Телевизор-то крути!
Сделай ярче-то да зорче-то!
...Ой, внучок! Смотри-ко ты:
Голова у Павла — в обруче,
Ровно лики у святых!..
Внук хохочет — заливается!
Ей же впору зареветь.
Внуку что? А бабка мается,
Не молоденькая ведь!

Отошла. Молиться вздумала:
Может, грех, что Павел смел,
Вишь, поднялся выше купола,
Хоть бы ладно парень сел!
Но иконы будто выцвели
И сомненье в первый раз:
То ли Павла в боги вывели,
То ли бог был «космонас»?

Ольга ФОКИНА

Дом, в котором живет Сулейман Рустам, стоит на пересечении двух бакинских улиц. Балкон поэта обращен в сторону моря. Мне кажется, что Рустам раньше других встречает зарю: солнце в Баку встает из-за Каспия. Невольно вспоминается его стихотворение «Романтика ночи», где есть такие строки:

Я ночи на́ ухо:
— Не стой,
идет заря,— сказал.
— Что окна наглухо?
Раскрой,— любимой я сказал.

Азербайджанцы знают наизусть эти строки, а они написаны сорок лет назад! Тогда поэт был молод. Теперь ему шестьдесят.

У нас говорят: поэт не стареет. Большая жизнь Сулеймана Рустама, его творчество — блестящее подтверждение пословицы. Им только что закончена книга лирики «А теперь о любви».

Неоднократно ездил я с Сулейманом Рустамом по нашей республике. Народного поэта Азербайджана радушно встречают крестьяне и рабочие, учащиеся и интеллигенция. Всюду жадно слушают его стихи, многие из которых стали хрестоматийными.

Сулейман Рустам не только лирик. Он автор трех комедий. Эти пьесы исполнены искрящегося юмора.

Знание народной жизни, развитие поэтических традиций, связанных с именами Низами, Физули, Вагифа, Сабира и ашуга Алескера,— вот что помогло Сулейману Рустаму обрести широкое признание. Его творчество — песня, покоряющая сердца.

Алиага КЮРЧАЙЛЫ

Сулейман РУСТАМ

Поэзия сердца

В кузнице

Увидел я сегодня
Во сне себя подростком
В цветастой тюбетейке,
В переднике отцовском.

Я и теперь, как в детстве,
Своим горжусь отцом,
Он был — бакинцы помнят —
Отменным кузнецом.

А кузница стояла
На старой Шемахинке,
Там бились мы с нуждою
В неравном поединке.

Не в латах, а в заплатах
Увидел я себя,
Увидел мех дырявый,
Что дергался, сипя.

Приснилось мне, как будто,
Не дожидаясь зова,
Иду отцу на помощь —
Нужда прижала снова.

Засучиваю ловко
По локти рукава,
А горн передо мною —
Горячей пастью льва.

Щипцами вынимаю
Железо я из горна,
Железо, словно тесто,
Податливо, покорно.

Обломки в рыжей ржави
Лежат у ног моих,
Мне зависть их понятна,
Мольба немая их.

К приказам равнодушный
И к просьбам бесконечным,
Я говорю с железом
На языке кузнечном.

В дубовой бочке грузной
Вода черным-черна,
Но если светлой думой
Душа озарена,

То даже в беспросветной
И непроглядной гуще
Ты, затаив дыханье,
Увидишь день грядущий.

Я, пригибаясь, вижу
В воде свои глаза —
Два уголька, которых
Ей погасить нельзя.

Я поднимаю молот,
Железо ударяю,
Безжизненную тяжесть
Я жизнью одаряю.

Из-под кувалды искры
Взлетают без конца,
Как будто салютуют
Победе кузнеца.

А я прослыть мечтаю
Умельцем из умельцев,
Кузнечное искусство
Постичь умом и сердцем.

Я бью со всею силой
И не ослабеваю,
Я в собственное завтра
Дорогу пробиваю.

Я в собственное завтра
Кидаюсь напролом.
Я за полночь очнулся
За письменным столом.

Я в кузнице просторной
Моих железных строчек,
Я числиться желаю
Пожизненно в рабочих!

В горах

Над солнцем — туча, словно бровь над глазом.
Леса забыли птичий ералаш.
Дождинки, словно маковые зерна.
Печаль такая, что не передашь.

В объятьях гор я снова, я в Лерике[1].
Простор осенний, как пустырь, великий,
Сквозят порою солнечные блики,
И виден Савалан — печальный страж.

Листвою позасыпаны тропинки,
Везде летают пух и паутинки,
Но ветру не поддастся в поединке,
Под стать утесу, дуб недвижный наш.

Стою, смотрю в раздумье на округу:
Холмы по-братски тянутся друг к другу,
Чтоб холод вместе одолеть и вьюгу,—
Их породнил высокогорный кряж.

Зима придет, наступят дни иные,
Мороз распишет пленки слюдяные,
Художнику сосульки ледяные
Заменят все: и кисть и карандаш.

Зима покуролесит на отрогах.
Медведи, словно пьяницы, в берлогах
Завалятся, и лучше их не трогать:
У этих лежебок такая блажь.

А солнце то исчезнет, то проглянет,
Но сердцу легче все равно не станет.
Я взор остановил на Савалане,
Как мой единокровный брат Балаш[2].

Я снова в Лерике

Я обещал наведываться часто —
Я снова здесь, обмана не терплю.
Лери́к высокий выбрал я на счастье
И, как гнездо родимое, люблю.

Заря в намеке, солнце мне моргнуло,
Не зря, наверно, в полусне моргнуло.

Трудна дорога с облачком в конце.
Мне перепелки задают концерт.

Пусть признаком отсталости зовется
В стихах упоминанье соловьев,
Но чье же сердце с ними не взовьется?
И я часами слушать их готов!

Деревья обнимаются окрест.
Фазаний заливается оркестр.
Не тормошите раньше срока солнце —
Протрет глаза и вовремя проснется!

Орут и гордо лезут на верхи,
Дерут в экстазе горло петухи.
Но, что скрывать, мне ближе и милее
Распев полуцыпленка-петушка,
Что, как поэт неопытный, робея,
Себя проявит вдруг исподтишка.
Бродя в горах, мой друг, замедли шаг,
Когда родник увидишь — Ханбулаг.

Как не спешила б в утреннее поле,
Над зеркалом прозрачным родника
Задержится горянка поневоле,
Поправит косы девичья рука.
Потом в работе на полях вокруг
Одна рука заменит сотни рук.

Годами правит время полновластно.
Стояла крепость сотню с малым лет,
А человек шагнул за полтораста,
Он жив-здоров, хоть крепости уж нет.
Окреп, как неприступный бастион,
Сумел поверить в прочность счастья он.

Нет крепости — какая в ней нужда?
Есть человек — он нужен всем, всегда!
Друзей желанных пригласит к застолью,
Их одарит радушно хлебом-солью,
А недругов, непрошеных гостей,
Он встретит без старинных крепостей.
Железные деревья встанут с ним —
Несокрушим Талыш, неколебим.

В Лерике горцем стал я, горожанин,
Моложе стал, бакинский старожил.
Подслушав предрассветное жужжанье,
Я вылет первых пчел подсторожил.
Они кружились на опушке леса,
Перелетая от цветка к цветку,
И главная, как будто поэтесса,
Слагала звучно за строкой строку...

Весна в сердца хозяйкою вселилась.
Дается долголетье непросто.
Как стариком назвать, скажи на милость,
Того, чей век не превышает ста?
У наших гор мы дружбе научились:
Гора с горою сходятся навек.
Но разве б горы радостно лучились,
Когда б не улыбался человек?

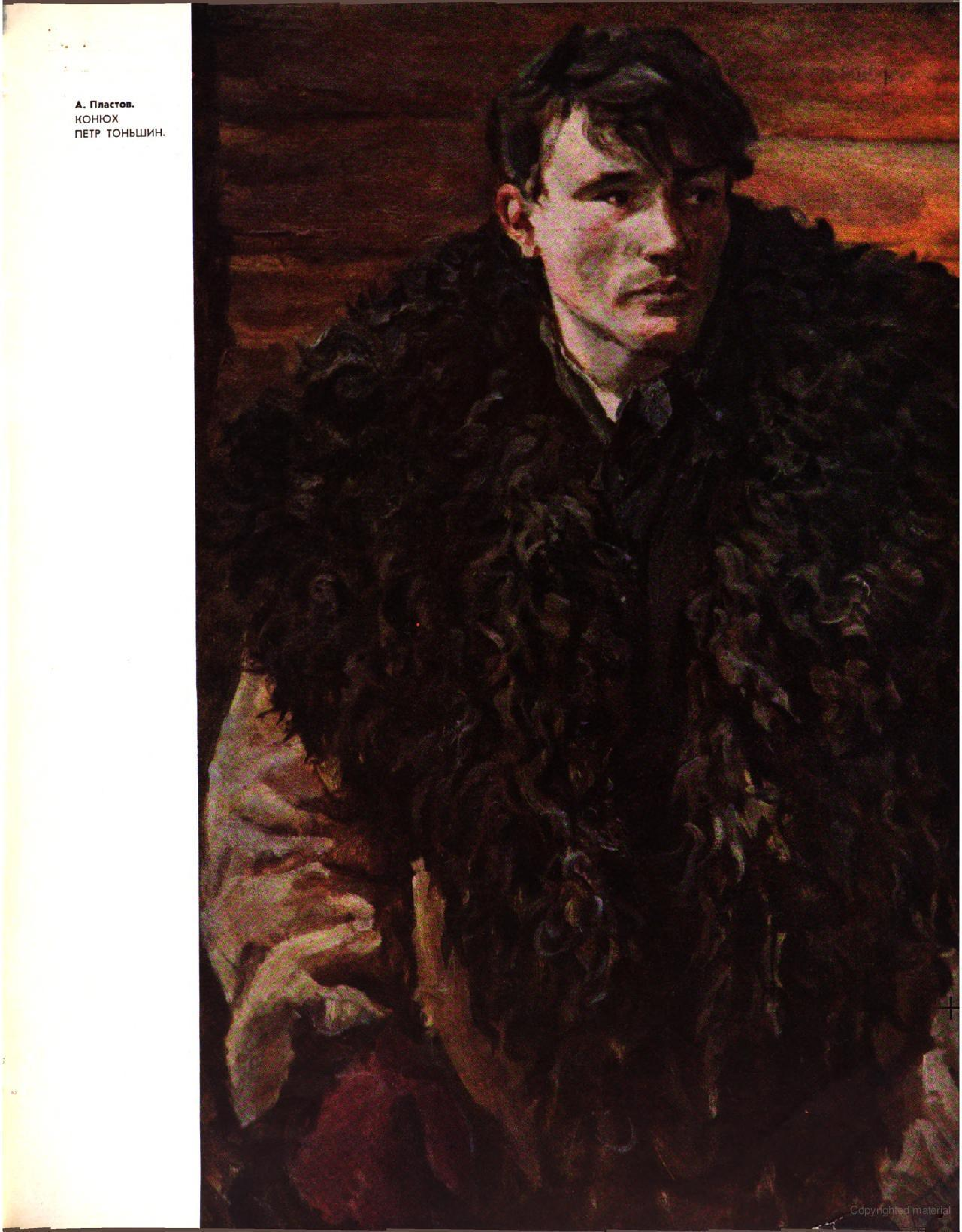
Он полил пóтом каменные кряжи
И каждому ростку шепнул: — Спеши!

Железные деревья, словно стражи,
Друг другу откликаются в тиши...

Перевел с азербайджанского
Владимир КАФАРОВ.

---

[1] Лерик — центр горного района.
[2] Поэт Балаш Азер-оглы.

А. Пластов.
КОНЮХ
ПЕТР ТОНЬШИН.

М. Абдуллаев. ИЮНЬ СОРОК ПЕРВОГО.

ПОЭЗИЯ ЦИФР

М. ТУРСУН-ЗАДЕ,
лауреат Ленинской премии,
делегат XXIII съезда КПСС

Над моим городом ясное синее небо, прошитое белоснежными пиками гор. На улицах Душанбе давно уже весна. В такую пору воздух особенно чист и прозрачен, далеко видно, и, быть может, поэтому ясны мысли, хорошо думать о прошлом и заглядывать в будущее.

Снег на горных вершинах... Он всегда был таким белым, и его издавна называют источником жизни: он дает воду нашим рекам, которые несут плодородие полям. И все-таки бедной была жизнь моих земляков, и поля давали не слишком богатые урожаи. А сейчас... 610 тысяч тонн хлопка-сырца произвела республика в последнем году семилетки. Кто мечтал раньше о такой культуре земледелия?

Прошлое моего народа... Обычно в таких случаях употребляют эпитет «темное». Да, оно было таким в полном смысле слова. А теперь одним из основных богатств таджиков стал свет. Энергоресурсы республики огромны, и важнейшим итогом семилетки мы считаем освоение этих ресурсов. Три гидростанции уже построены: Перепадная, Головная и Центральная; все шире развертываются работы на сооружении Нурекского энергогиганта.

В моем Таджикистане, о промышленности которого раньше говорили разве что с иронией, в моем Таджикистане сооружаются такие предприятия, как Регарский алюминиевый завод и Яванский электрохимический комбинат. Такие предприятия могут строить только крупные энергетические державы.

Я еще раз вчитываюсь в проект Директив XXIII съезда КПСС по пятилетнему плану, и все отчетливее вырисовываются передо мной ориентиры будущего, которое я уже ощущаю сегодня. Я знаю, что все будет так, как намечает партия. Это доказано почти полувековой историей нашего социалистического государства.

...В Душанбе, возле Таджикского сельскохозяйственного института, возвышается памятник отцу таджикской классической поэзии А. Рудаки. Я смотрю на этот памятник и думаю о величии таланта, который переживет века. Я думаю о том, что мечта великого Рудаки — увидеть свой народ свободным, грамотным, счастливым — стала явью в наши дни. Мечты в наше время приобрели тоже удивительное качество: они стали очень деловыми, поэзия перестала быть монополистом в их выражении, появился иной жанр — поэзия цифр наших планов.

Душанбе. Памятник А. Рудаки. Фото А. Гостева.

«ТАДЖИКСКАЯ СОВЕТСКАЯ СОЦИАЛИСТИЧЕСКАЯ РЕСПУБЛИКА

Предусмотреть ускоренное развитие электроэнергетики, энергоемких производств химической промышленности и цветной металлургии, пищевой и легкой промышленности.

...Обеспечить увеличение производства хлопка, винограда, фруктов, коконов тутового шелкопряда, а также дальнейшее развитие садоводства и мясо-сального овцеводства...»

Из проекта Директив XXIII съезда КПСС по пятилетнему плану.

ДУШАНБЕ • РИГА •

НАС НА ЗЕМЛЕ МИЛЛИОНЫ

Карл РАТНИЕК,
член КПСС с 1910 года

Иду по улицам родного города, смотрю, как каждый день вносит в его черты какую-то новизну. Здесь появился памятник, а там расчищено место для будущих домов — многоэтажных, из бетона и стекла. Тут подводят под крышу жилой дом или громаду Политехнического, а там обновлен средневековый портал... Тесно прижались друг к другу старые и новые дома. За их стенами мои сограждане — они работают, спорят, творят, чтобы украсить наше время. В эти дни везде и всюду одна, главная тема всех разговоров — предстоящий XXIII съезд партии. Какими будут его решения? Их одинаково ждут и коммунисты-ветераны и те, кому завтра секретарь райкома вручит партийный билет...

Партийные съезды, собрания, конференции... Мне вспоминается 1910 год. Тогда, будучи валмиерским семинаристом, я вступил в партию. В 1915 году был делегатом нелегальной Виденской партийной конференции. Она проходила в лесу под Валмиерой. Делегатов была горстка. По дороге домой с конференции меня арестовала полиция... Теперь нас на земле миллионы и к голосу XXIII съезда Коммунистической партии моей страны будет прислушиваться вся планета.

И еще вспоминаю Ригу моей юности. Вспоминаю два ее облика — сытое, самодовольное лицо процветающего торгового капиталистического центра и унылое казарменное обличье рабочих окраин. Вспоминаю фешенебельные выезды баронов и толпы рабочих, усталых от долгого, трудного дня. Контрасты эпохи!..

Надо ли рассказывать, как преобразилась моя республика, мой город!

Рабочий — хозяин цеха. Рабочий — новатор, рационализатор, студент, завтрашний инженер, командир производства. Рабочий — поэт, знаток театра и живописи, спортсмен, исследователь, турист, путешествующий по горам Кавказа или по дорогам Африки... Кого этим нынче удивишь? Бывает, скажешь об этом молодым, а у них скука в глазах: разве может быть иначе? А мы, ветераны, не перестаем удивляться, потому что в годы нашей нелегальной партийной работы такое рисовалось нам только в мечтах.

Почти всю свою трудовую жизнь я занимался партийной работой. Мне выпало счастье быть на третьей Петроградской партийной конференции, проходившей в октябре 1917 года, в канун революции. Был делегатом Одиннадцатого съезда партии, слушал Ленина. И на Тринадцатом и Четырнадцатом съездах был делегатом. На Пятнадцатом был гостем — учился в то время, а на Шестнадцатом и Семнадцатом — опять делегатом.

После освобождения моей Латвии я бывал на партийных конференциях латышских коммунистов. И все это осталось в памяти как ступени к коммунизму.

Сейчас в Риге живет много старых латышских большевиков, моих сверстников и соратников. Мы желаем нашим молодым товарищам по партии быть активными, упорными, настойчивыми в построении коммунизма.

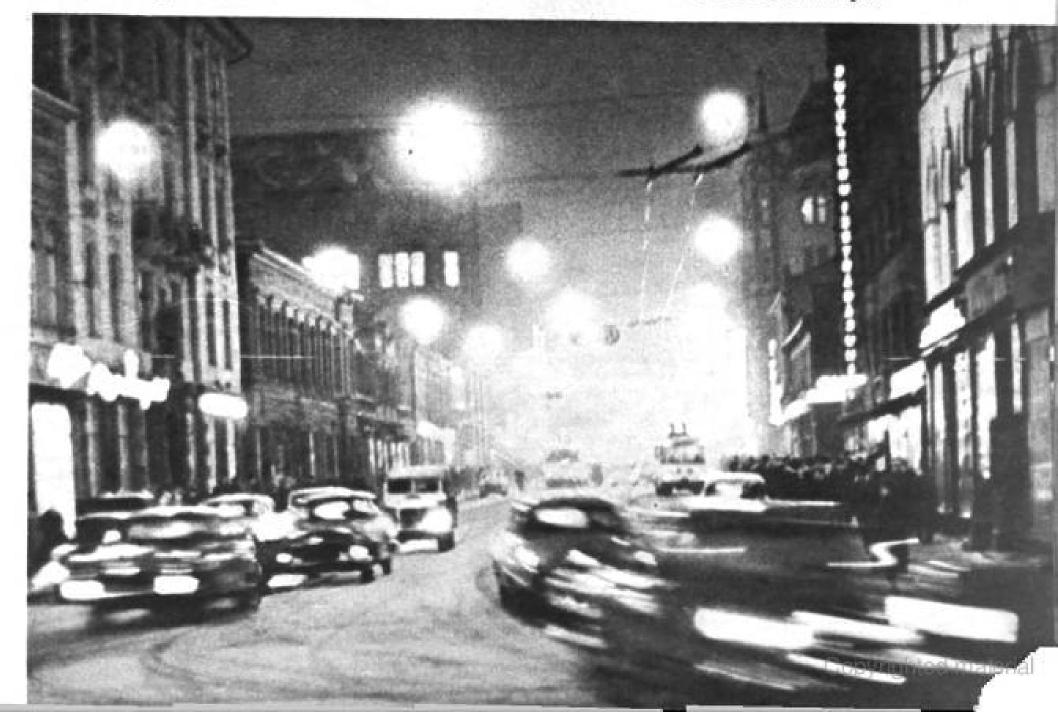
«ЛАТВИЙСКАЯ СОВЕТСКАЯ СОЦИАЛИСТИЧЕСКАЯ РЕСПУБЛИКА

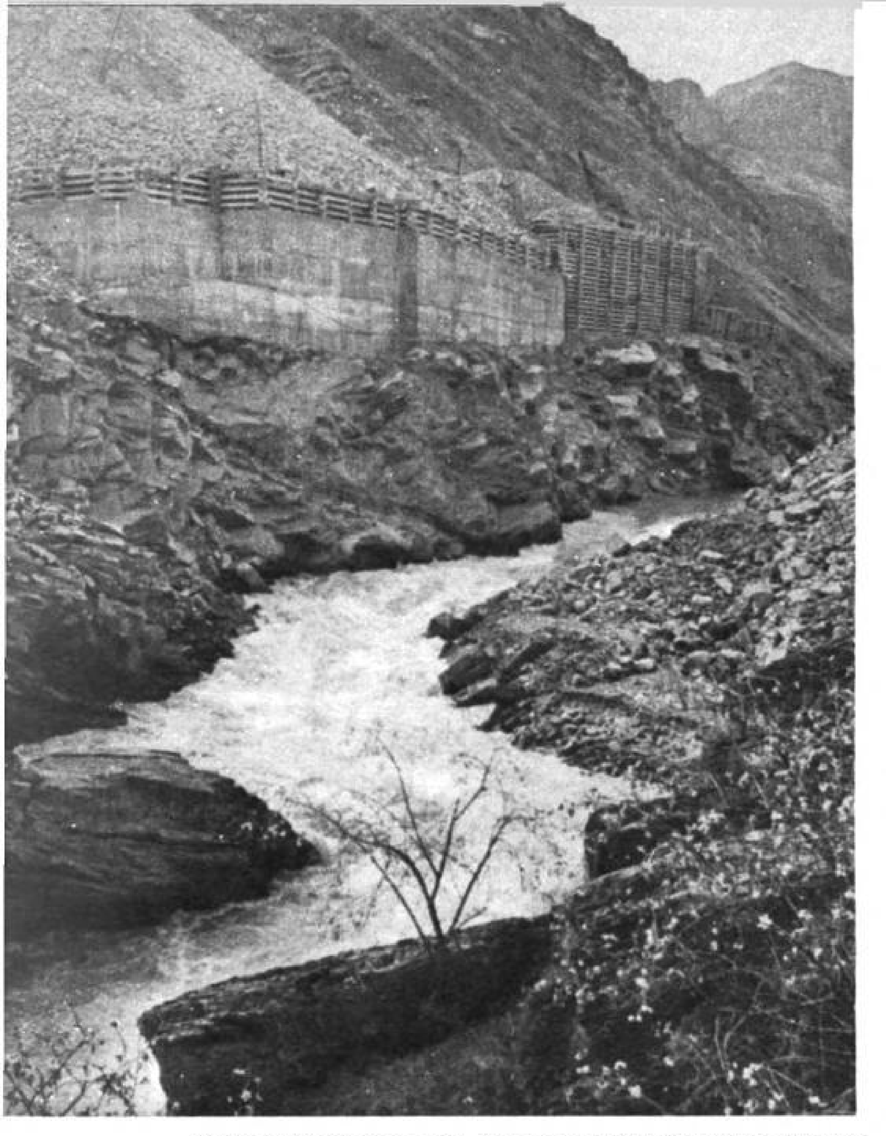
Обеспечить дальнейшее развитие машиностроения, особенно радиотехнической промышленности, приборостроения, а также химической, трикотажной, рыбной, маслодельной и мясной промышленности.

...Обеспечить развитие молочно-мясного животноводства, беконного свиноводства, птицеводства, увеличение производства льноволокна и картофеля...»

Из проекта Директив XXIII съезда КПСС по пятилетнему плану.

Рига вечером. Фото В. Сальмре.

Пулисангинское ущелье. Все готово к перекрытию Вахша.

Экипаж мощного крана «СЭ-3» работает на строительстве Нурекской плотины: В. Бабичев, А. Балакин, М. Алоянов.

Фото В. Климова.

ВАХШ ЖДЕТ ВЗРЫВА

Упомяните в разговоре с жителями Душанбе слово «Нурек» — и вы увидите, как расцветет в улыбке лицо вашего собеседника. Пулисангинское ущелье, где воздвигается величайшая в Средней Азии гидроэлектростанция, лежит совсем неподалеку от столицы Таджикистана — километрах в семидесяти. Однако стройка эта близка душанбинцам не только из-за расстояния: энергия, рожденная покоренным Вахшем, потечет на заводы и фабрики таджикской столицы. А еще ГЭС даст ток промышленности других городов Таджикистана и соседних республик, позволит оросить около миллиона гектаров плодородных земель.

Все это свершится в недалеком будущем. В проекте Директив XXIII съезда КПСС есть строка, которую все граждане республики воспринимают как личное задание: «Ввести в действие первые агрегаты на Нурекской ГЭС». Сегодня Вахш еще бушует в теснине Пулисангинского ущелья. Но дни непокорной реки уже сочтены. Строители сузили ее русло в четыре раза. На правом берегу выросла огромная подпорная бетонная стена. За нею накоплено около шестисот тысяч кубометров камня, галечника, суглинка. Под этим грандиозным складом проложены минные галереи... В близкий сейчас день перекрытия точно рассчитанный и направленный взрыв с фантастической быстротой перекроет Вахш. А потом строители, вооруженные мощной техникой, доведут одну из высочайших в мире плотин до трехсотметровой высоты.

Уже готов один из обводных тоннелей. Он настолько велик, что в нем не тесно мощным экскаваторам высотой с многоэтажный дом.

2 700 тысяч киловатт — такова будет мощность Нурекской гидроэлектростанции. Девять ее генераторов со временем смогут ежегодно вырабатывать почти двенадцать миллиардов киловатт-часов электроэнергии!

ДУШАНБЕ • РИГА • ДУШАНБЕ • РИГА • ДУШАНБЕ •

КЛЮЧИ ДЕЛОВИТОСТИ

Ворота в стене под крепостными башенками, скрещенные ключи — знак гостеприимства, а над ключами светлая пятиконечная звезда: это герб Риги. Он изображен на прозрачном занавесе в кабинете председателя Рижского горисполкома Яна Петровича Пакална. За широкими окнами сам город — красивые дома, тонкие шпили, черно-белые парки. Чем ближе к сумеркам, тем чаще приходится Яну Петровичу протягивать руку к телефонам: Рига разными голосами докладывает ему о прошедших рабочих часах, о требованиях и достижениях столицы. По телефонным репликам Яна Петровича чувствуется, что город здоров и молод, что Рига создает много хорошего не только для своих горожан и жителей Латвии, но и для других городов и стран.

ВЭФ. Поток «Спидол».

ВКУСНЫЙ ЦЕХ

...Известно, что ВЭФ отправляет в братские республики и за рубеж много отличных транзисторных приемников. А сейчас мы услышали последнюю вэфовскую новость. Она не имеет прямого отношения к производству, зато в ней добрая забота о человеке. На территории завода много новых — законченных и незаконченных — зданий: здесь идет перестройка и расширение. К одному такому зданию ведут дорожки из всех остальных, и снег на этих дорожках основательно утоптан. Это недавно открывшийся комбинат общественного питания, построенный по новейшему проекту. Здесь есть кафе и диетическая столовая; два зала на 655 мест; магазин полуфабрикатов и кулинарии «Для вас, женщины».

Из комбината все время выносят лотки, которые доставляют прямо к станкам и конвейерам горячие сосиски, блинчики, пирожки, кофе. Кроме того, комбинат может обработать в сутки 4 тонны мяса и 7 тонн овощей для других столовых.

ОЛАЙНЕ И ЕГО ГЕРОИ

...За белыми полями и тихой рощей растет спутник Риги — город Олайне. Был тут раньше у шоссе маленький загородный поселок. После войны построили торфозавод — он и сейчас делает торфобрикет для рижан, посылает колхозам торфяную крошку для компостов и снабжает теплом весь новый промышленный район. А взлет этого района приходится на семилетку. Первого января 1966 года здесь вступил в строй клеевой завод, к открытию XXIII съезда партии он даст первую продукцию — клей в гранулах. Начало года стало и днем рождения завода по переработке пластмасс. Рулоны его полиэтиленовых водопроводных труб уже отправлены в Находку, Казахстан и на Украину. Здесь же набирает мощь главный герой Олайне, будущий поставщик и помощник ученых,— завод химических реактивов и биохимических препаратов.

БУДУТ НОВЫЕ ФИЛЬМЫ

В павильонах Рижской студии идет бурная деятельность: строятся современные и средневековые города и тут же сносятся, чтоб уступить место крестьянскому дому или современной квартире.

Здесь, в студии, можно стать свидетелем грозных событий национально-революционной войны в Испании. Там в интернациональной бригаде сражался латышский писатель Жан Грива. Есть у него новелла «Ноктюрн»: латыш Жорж и француженка Иветта встретились на поле битвы за испанскую революцию и полюбили друг друга. А. Станкевич написал по этой новелле сценарий, и теперь Рижская студия ставит фильм «Ноктюрн». В роли Иветты — польская актриса Пола Ракс, Жоржа играет латыш Гунарс Цилинский.

Снимается на студии цветная музыкальная комедия «Последний жулик»; идут пробы фильма «В огне» по пьесе классика латышской литературы Р. Блауманиса. В сценарном портфеле студии ждут своего часа комедия К. Минца «Семь пятниц», «У обрыва» Янниса Лусиса, «Дыхание одних суток» — кинорассказ о героизме советских людей в Великой Отечественной войне.

ШУМЯТ ВЫСОКИЕ СОСНЫ...

...Как заботится Рига о своих ученых? Город отвел им один из самых красивых уголков — опушку старого лесопарка Шмерли. Здесь жилые дома и институты Академии наук Латвии. За окнами Института электроники эпически шумят высокие сосны. За столами сидят молчаливые, сосредоточенные люди. На столах стопки бумаги с частой скорописью цифр. А все то, что здесь задумано и вычислено, воплощают потом в лабораториях. И тут уж появляются на свет такие творения рук человеческих, которые как-то даже неловко назвать машиной — им по плечу самые трудные задачи: управление промышленными объектами; контроль параметров полупроводниковых приборов; участие в проектировании сложных промышленных объектов.

ДАРЫ «ЛАЙМЫ»

...Лакомкам в Риге опасно ходить по улице Мира: здесь находится популярная фабрика «Лайма», и ароматы, доносящиеся с фабрики, прямо-таки подталкивают заняться практическим исследованием содержимого коробок «Лайма», «Сакта», «Рига», «Регина», «Сигулда»... А выбор нелегок: «Лайма» выпускает около 180 ви-

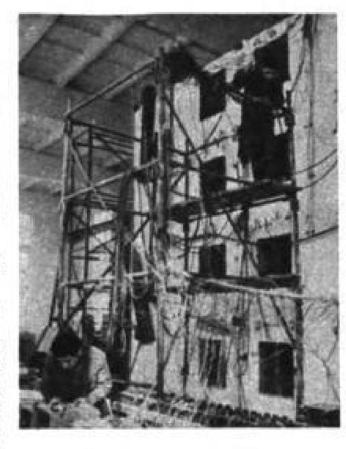
ЭКЗАМЕНУЕТСЯ ДОМ

Землетрясение началось, как и положено этому явлению природы, неожиданно. Только что построенный крупнопанельный дом затрясся от фундамента до крыши. Казалось, еще мгновение — и здание рухнет.

— Стоп! Хватит! — командует старший инженер Хабиб Гусейнов.

И землетрясение сразу же прекращается.

Так в лаборатории Душанбинского института сейсмологии и сейсмостойкого строительства проводились испытания модели крупнопанельного четырехэтажного дома. В потолочных перекрытиях, стенах, фундаменте, в оконных и дверных проемах, в межкомнатных переборках были установлены датчики, соединенные тысячами проводов с чуткими приборами, которые реагируют на любое изменение в поведении здания при землетрясениях.

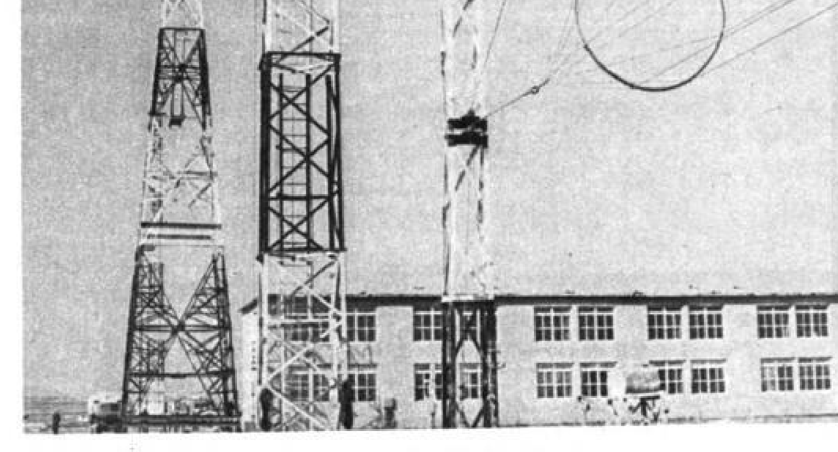

Идет испытание на сейсмостойкость жилого дома.

Район Таджикистана — сейсмически активная зона нашей страны. Промышленные и гражданские сооружения тут должны обладать высокой сейсмостойкостью. И потому любая конструкция зданий, предложенная инженерами и архитекторами, проходит долгое испытание в лабораториях и на полигонах института. Так, модель будущей плотины Нурекской ГЭС несколько раз подвергалась испытаниям на сейсмостойкость.

В планах института — проблемы прогнозов землетрясений, микрорайонирование сейсмических зон.

Капем КАМАЕВ, инженер

Звездный городок — резиденция таджикских астрофизиков.

Добрый вечер, звезды!

...В четыре часа утра на Землю обрушился поток метеоров. Более тысячи в час. Налетел и испарился пришелец из космоса. Но, засеченный радиолокатором, он остался на пленке, заснятый метеорным патрулем. Директор Института астрофизики Академии наук Таджикской ССР Пулат Бабаджанов и сотрудник Одесской астрономической обсерватории Н. Е. Крамер создали установку для мгновенного фотографирования метеоров и метеорных следов.

Таджикские астрофизики постоянно пополняют портфель науки сведениями о метеорах и кометах. Кстати, специальный журнал «Кометы и метеоры» Астрономического совета Академии наук СССР выходит в Душанбе.

Сейчас таджикские астрофизики готовятся к переселению в звездный городок. Правда, они называют его прозаично: загородная наблюдательная база. В новом научном центре будут работать современные установки. Мощный передатчик позволит улавливать метеоры до двадцатой величины. Будет тут и зеркальный телескоп с диаметром 70 сантиметров.

И. СОРОКИНА, литсотрудник газеты «Коммунист Таджикистана»

СКРИПКА НА КРЫШЕ МИРА

В социалистическом обязательстве авиаторов Душанбинского объединенного авиаотряда записано: «Выполнить квартальный план ко дню открытия XXIII съезда Коммунистической партии Советского Союза».

Для летчиков Таджикистан — страна сложнейшая. Девяносто три процента всей площади республики занимают горы, причем большая часть их приходится на заоблачные выси Крыши мира. Палящая жара Шаартузского района, бартангские и хорогские метели, рушанское окно, где самолет, словно в игольное ушко, протискивается меж скал, едва не касаясь их крыльями,— вот обычные трассы душанбинских пилотов.

Душанбе ныне отправляет со своего аэропорта до двух тысяч человек в день и столько же ежедневно принимает. К аэродромам, расположенным на высоте две, три, три тысячи шестьсот метров, воздушные извозчики везут почту, книги, медикаменты, строительный материал. Летят на Крышу мира скрипка и полное собрание сочинений Толстого, рентгеноустановка и радиоприемник, модельные туфли и нейлоновые ткани...

...Мне вспоминаются цифры годового отчета коллектива Душанбинского объединенного авиаотряда. Десятки тысяч летных часов у авиации спецприменения: вылеты санитарных машин, аэрофотосъемка, штурм горных вершин на вертолетах, гляциологические и геологические экспедиции. Восемьсот сорок пять тысяч гектаров земли, обработанных сельскохозяйственной авиацией, тысячи пассажирских рейсов... Таковы будни авиаторов Таджикистана.

Ю. СБИТНЕВ, собкор «Огонька»

РИГА • ДУШАНБЕ • РИГА

Эстафета столиц

Между зимой и летом только стекло.

дов конфет. В цехах здесь будто веют теплые ветры с плантаций тропических стран, поставляющих нам какао и пряности. Конфеты «Лаймы» заказывают многие города Советского Союза. Недавно фабрика получила заказ из Швеции.

И, наверное, нет в Риге семьи, где даже в трескучий мороз или в серый осенний день не улыбались бы людям хотя бы две-три альпийские фиалки или ласковые гвоздики. Цветы на столе — наверное, это мелочь. Но мелочь, которая радует, а это уже много.

* * *

РАЗВЕ МЕЛОЧЬ — ЦВЕТЫ?

...Вагоны, радиоприемники, сложнейшие машины, блузки, чулки, духи и конфеты — все это делается в Риге хорошо, потому что тут привыкли заботиться о человеке, которому все это нужно. А еще доброе отношение города к людям проявляется в обычае дарить им тысячи маленьких атрибутов праздника: ни в одном городе страны, пожалуй, не найдешь столько оранжерей, цветочных магазинов.

...Таковы маленькие наблюдения по горячим следам докладов председателю Рижского горисполкома. Конечно, жизнь города гораздо полнее и шире, обо всем ведь не расскажешь. У столицы Латвии хорошее, рабочее настроение, и герб себе Рига выбрала хороший и точный: открытые ворота, пятиконечную звезду, ключи — деловитости и гостеприимства.

Н. ХРАБРОВА, специальный корреспондент «Огонька»

Камень дружит с людьми

Рабочая комната Ивара Страутманиса, главного художника латвийской столицы, находится в старинном доме, в самом центре средневековой Риги. На окне стоит металлическая поковка — деталь будущего интерьера, а за стеклами окна — город. Если умеешь слушать голос камня, каждая стена здесь — сказание. У Ивара Страутманиса и его друзей, рижских художников, скульпторов и архитекторов, нелегкая задача — сберечь и умножить красоту Риги.

Из кабинета Страутманиса видно многоэтажное новое здание Политехнического института — белый и красный камень, стекло. Политехнический смело ворвался в тесноту старинных фронтонов и шпилей. Но он пришел как друг, и старые стены, потеснившись, приняли его в свою семью. И он тоже принял старину в свои стены. От древних зданий, стоявших когда-то здесь, сохранились скульптурные украшения из белого камня. Теперь их встроили в стены Политехнического.

Неподалеку от Политехнического сохранились остатки средневекового Дома Черноголовых. Тут построят Дом журналистов. Все здесь будет современным, от Черноголовых же он унаследует только фасад.

В нижних этажах зданий старого центра, занятых ныне под склады и подсобные помещения, откроют кафе, магазины, рестораны, украшенные средневековой мебелью.

И самих рижан и приезжих часто огорчает сутолока деревянных домиков на главной магистрали Риги — улице Ленина. Скоро она станет иной: на месте дряхлых застроек появятся многоэтажные здания из стекла. В том, что стекло, скрепленное алюминием и бетоном, вполне созвучно старинным камням Риги, убеждаешься на примере Вокзальной площади, где хмурые пакгаузы, мелкие пристройки уступили место светлым и просторным зданиям нового вокзала и почтамта. Реконструкция площади продолжается: здесь будут выстроены здание «Союзпечати» и Дом бытовых услуг.

Н. ОЗОЛИНЬ

Старинные барельефы в новой стене.

Отсюда пошла ходарская культура.

ХРОНИКА СЕЛА ХОДАРЫ

ОКОНЧАНИЕ

турной жизни чувашского села произошло в том году, когда в Симбирске родился Владимир Ульянов. Собственно говоря, вся история культурной жизни глухого чувашского села берет исток от этой фамилии.

В декабре 1870 года в Ходары приехал Илья Николаевич Ульянов, инспектор народных училищ. Он открыл тут первую школу, которая разместилась вначале в одной из изб, топившихся по-белому. Через три года построили специальное здание, сооружали его по проектам и сметам И. Н. Ульянова.

С 1870 по 1917 год ходарская школа дала первоначальное образование 500 крестьянским детям. К 1911 году грамотных в Ходарах было уже 107 человек, в том числе две женщины. Правда, дальше умения читать да писать шли очень немногие. В средних специальных учебных заведениях до революции училось всего 15 ходарцев, а высшее образование получил лишь один — сын попа.

Если говорить о сравнительно недалеком прошлом Ходар, то стоит взглянуть на село 1933 года, когда здесь обосновалась экспедиция Чувашского научно-исследовательского института языка, литературы, истории и экономики при Совете Министров Чувашской АССР. В то время слова «сельская интеллигенция» уже никого не удивляли. В Ходарах работали 11 учителей, избач, пропагандист, 2 фельдшера и акушерка. В избе-читальне было 1 197 книг.

Нельзя умолчать еще об одном событии более позднего времени: Указом Президиума Верховного Совета Чувашской АССР от 16 января 1941 года Ходарской средней школе в связи с 70-летием и за успехи в воспитании и обучении молодого поколения было присвоено имя Ильи Николаевича Ульянова.

Перечислить ходарцев, ставших учителями, агрономами, инженерами, конструкторами,— задача не из легких: таких очень много. За последние 20 лет сельскую школу окончило почти в два раза больше учащихся, чем за 48 дореволюционных лет.

Это, впрочем, вполне естественно, и мы перелистали несколько страниц летописи культурной жизни чувашского села не столько из желания «посравнить да посмотреть век нынешний и век минувший», сколько для того, чтобы наметить хотя бы в контурах своеобразную диаграмму нашего роста.

Сейчас в одном только ходарском колхозе, носящем имя В. И. Ленина, работает 58 специалистов с высшим и 28 — со средним специальным образованием. С каждым годом прибавляется работы у Лизы Михайловой, сельского почтальона. Это не шутка — разнести 800 экземпляров газет и журналов да еще 150—200 писем ежедневно. Откуда только не пишут в Ходары! Из Москвы и Ленинграда, Магадана и Тбилиси, из Венгрии и Чехословакии. Это, так сказать, к вопросу о культурных связях некогда глухого чувашского села. А книг нынче в Ходарах 32 тысячи томов — в два раза больше, чем во всех библиотеках дореволюционной Чувашии.

Ученые обычно исследуют динамику какого-либо социального процесса для того, чтобы установить тенденцию развития, его перспективы. Для тех же целей составляют диаграммы и статистические таблицы. Мы не сделали ни того, ни другого, потому что даже из беглого перечисления фактов и цифр, приведенных здесь, четко вырисовывается будущее чувашского села Ходары.

В зале тесно. Интеллигенция заседает...

Голландия аплодирует России

Генрих ГУРКОВ,
специальный корреспондент «Огонька»
Фото автора.

Это было в июне 1965 года. Авиационный салон. Парижский аэродром Ле Бурже. Самые совершенные машины, созданные конструкторами многих стран. Сотни журналистов рассказывали в те дни читателям о новинках авиационной техники. И в каждой статье восторженные отзывы о вертолетах, показанных Советским Союзом. «Советские вертолеты не имеют конкуренции»,— писал английский еженедельник «Экономист». «Несмотря на самое большое участие США, на выставке главное внимание концентрировалось вокруг советских экспонатов»,— отмечала «Нью-Йорк таймс». «В области вертолетостроения инженер Миль сумел завоевать пальмовую ветвь»,— подчеркивал журнал «Авиасьон мэгэзин».

И вскоре многие фирмы Европы заявили о своем желании приобрести советские летательные аппараты. Но вначале фирмы хотели увидеть их в действии. И вот недавно из Москвы вылетели в большой перелет по странам Западной Европы два винтокрылых гиганта — «Ми-6» и «Ми-10». «Десятка» будет показана на Утрехтской ярмарке в Голландии, а «шестерка» совершит путешествие, в программу которого входят демонстрационные полеты в голландских городах, перелет через Бельгию во Францию, участие в тушении лесных пожаров возле Марселя и Тулона, полеты с большим грузом в Швейцарских и Австрийских Альпах.

Наш специальный корреспондент Генрих Гурков участвует в этом перелете крупнейшего в мире вертолета «Ми-6» по странам Западной Европы. Сегодня мы публикуем его первый репортаж, переданный из Голландии.

Чиновник, проверяющий паспорта в аэропорту Амстердама, был молод, прыщав и мрачен. Последнее обстоятельство, возможно, объяснялось тем, что сегодня происходила торжественная церемония бракосочетания кронпринцессы Беатрисы с немецким аристократом Клаусом Амсбергом и вся Голландия сидела у телевизоров. А ему, бедняге, приходилось торчать в деревянной будке в аэропорту и задавать иностранцам одни и те же скучные вопросы: «Надолго ли, к кому и зачем прибыли вы в королевство Нидерланды?»

Перелистав странички моего паспорта, чиновник, вероятно, уже в сотый раз за сегодняшний день, уныло произнес традиционную фразу: «С какой целью?..» Я ответил, что собираюсь встретить здесь советские вертолеты и лететь с ними дальше, во Францию.

— Русские вертолеты? — Чиновник мгновенно оживился.— Они что, снова прилетят сюда? Я их видел прошлым летом, когда они возвращались из Парижа. О, это настоящее великолепие!..

Потом он размахнулся и шлепнул в мой паспорт отметку о прибытии. Я шагнул за перегородку и оказался в Амстердаме.

В Голландии до сих пор вспоминают, как в 1958 году здесь приземлился «ТУ-104» — первый в мире пассажирский реактивный самолет. Сколько было разговоров! Кое-кто даже требовал запретить русским летать над Голландией, причем аргумент приводился неотразимый: «Раньше такого не было».

Многого раньше не было. Сегодня регулярные полеты «ТУ» обозначены во всех расписаниях, а слово «Аэрофлот» на одной из дверей в аэропорту Схипхол соседствует с буквами КЛМ — названием голландской авиакомпании. Я видел в Амстердаме такси «Волга» и читал в газетах о наших успехах на весенней ярмарке в Утрехте. Студенческая организация «Юнитас» готовится к проведению «Русской недели» в дни празднования 49-й годовщины Октябрьской революции.

Обо всем этом говорили мы по дороге из Амстердама в Роттердам с директором вертолетной конторы «Авиаэкспорт» В. Андриановым. Он приехал в Нидерланды, чтобы вести переговоры с голландскими фирмами о продаже им советских летательных аппаратов.

Да, такого раньше не было.

...Наша машина подкатила к роттердамскому аэропорту. Сюда придут вертолеты. Несколько дней назад я попрощался с ними в Москве. Машины полетели на Виль-

«Десятка» над Амстердамом. На грузовой платформе — американский бульдозер «кэтэпиллар»

нюс. Потом дальше — на Варшаву, Берлин, Копенгаген. А сейчас они подходят к Роттердаму.

В роттердамском аэропорту их уже ждали. К нам подскочил менеджер и шеф-пилот нидерландской компании «Хенэр» Лео Симмонс. Во время авиационного салона в Париже он пилотировал вертолет «Ми-8», летал на советских планерах.

Я спросил его мнение о советских вертолетах. Г-н Симмонс испустил восторженный клич, а потом принялся загибать пальцы, перечисляя достоинства «Ми-6» и «Ми-8».

Иоса Стофа, представителя крупнейшей нидерландской фирмы «Стоф Бреда» (совпадение фамилий не случайно: Иос — сын владельца фирмы), особенно интересовала возможность применения вертолетов в монтажных работах на большой высоте.

— Строительные проекты становятся все смелее и масштабнее,— говорил он.— Больше, выше! — таков лозунг времени. Мы используем кран высотой в сто метров. Ведем переговоры с немецкой фирмой о строительстве крана высотой в 200 метров. А что дальше? Может быть, вертолеты помогут решить проблему?

Я вспомнил разговор с генеральным конструктором М. Л. Милем накануне вылета из Москвы. Он рассказывал, какие колоссальные возможности дадут мощные вертолеты строителям сибирских электростанций: не нужно будет прокладывать железную дорогу для сооружения линии высоковольтных передач, мачты будут доставляться и ставиться вертолетами. Это даст громадную экономию.

— Да, для вашей огромной страны вертолеты особенно важны,— соглашается директор фирмы «Хенэр» Вильгельм Гримм.— Но и у нас в маленькой Голландии их применение может быть чрезвычайно разнообразным. Строительство мостов, больших нефтехранилищ, прокладка нефте- и газопроводов...

За окном аэровокзала шел на посадку пассажирский вертолет бельгийской компании «Сабена» «С-58» конструкции Сикорского. Он совершает регулярные рейсы между Амстердамом и Брюсселем. На борту 12 пассажиров.

— А сколько может взять «Ми-6»? — спросили Андрианова.

— До ста человек.

Представители фирм стали перешептываться. А потом кто-то сказал:

— Летят!

Это было очень красивое зрелище. Огромные машины легко и как-то удивительно изящно произвели посадку, выруливая к зданию аэровокзала, и члены экипажей тут же оказались в кольце роттердамцев. Вопросы, вопросы, вопросы...

На утро все газеты сообщали о прибытии советских машин, публиковали их фотографии. «Русские гиганты в Роттердаме»,— писала газета «Альгемеен Дагблад». «Эксперты проявляют большой интерес к исполинским геликоптерам, прилетевшим из России»,— заявляла газета «Де Фолкскрант».

Аэродром находится всего в 18 километрах от Роттердама, и сюда началось настоящее паломничество. Люди приезжали, разглядывали советские машины со всех сторон, фотографировали их.

В один из дней на поле появилась четверка молодых ребят в синих костюмах; трое были с гитарами, у одного из кармана пиджака торчали барабанные палочки. Это были местные роттердамские биттлы. Называется их квартет без ложной скромности — «Молнии». Они привезли с собой фотографа, и он долго снимал их на фоне советских вертолетов.

— Это мы для рекламы,— пояснил парень с барабанными палочками, Петер де Гост,— ваши вертолеты сейчас самая большая достопримечательность Роттердама.

...Люди собирались в Схипхоле, чтоб посмотреть демонстрационные полеты. «Мерседесы» привозили сюда директоров фирм. «Ван дер Твист», «Мартинс Эр Чартер», «Аэро Упенбург» — все это имена громкие, хорошо известные в Голландии. Явились в аэропорт и ведущие инженеры и конструкторы с заводов «Фоккер».

«Шестерка» совершила несколько полетов над Амстердамом с пассажирами на борту. А на «десятке» решено было поднять в воздух большой американский бульдозер «кэтэпиллар».

И тут случился курьез. На вертолете уже подготовили грузовую платформу, а бульдозер никак не удавалось завести. И так и этак к нему подступались — не желает заводиться — и все тут.

— Он, наверное, боится русского вертолета,— посмеивались в толпе.

Наконец с упрямцем бульдозером удалось справиться. «Десятка» легко подняла его в воздух и поплыла над университетом Амстердама. «Шестерка» шла рядом, и я получил редкую возможность с одного советского вертолета сфотографировать другой.

Голландский журналист Ян Снеллен, с которым мы вместе летели на «шестерке», сказал мне, что в специфических условиях Голландии — почти половина ее территории лежит ниже уровня моря — вертолеты «Ми-6» могут оказать неоценимую помощь в чрезвычайных случаях.

— В 1953 году у нас было сильное наводнение,— рассказывал Снеллен.— Люди сидели на крышах полузатопленных домов и ждали помощи. Из Амстердама прислали геликоптеры, но они могли брать лишь по нескольку человек... Около двух тысяч человек погибло тогда. А ваш вертолет мог бы вывезти сразу целую деревню... Зимой у нас нередко замерзает залив Ваддензе. Острова Тексел, Влиланд, Терсхеллинг, Амеланд, Схирмонниког оказываются отрезанными. Ваши огромные машины могли бы помочь и в этом случае...

Когда полеты над Амстердамом были окончены, шеф-пилот КЛМ г-н Ван дер Харте долго жал руки нашим летчикам. В одном из полетов он вел «Ми-6», сидя в кресле второго пилота.

— Я потрясен, просто потрясен! — повторял он.

Пилот-эксперт министерства гражданской авиации г-н Фрэнк, который тоже управлял «шестеркой», попросил разрешения пилотировать еще раз.

— Я бы полетел с вами в Роттердам,— сказал он,— только вот осложнение — у меня здесь автомобиль.— И он махнул рукой в сторону «ситроэна», стоявшего возле аэровокзала.

— Это не проблема,— ответили ему.

Открылись задние стенки «шестерки», и «ситроэн» легко въехал туда.

И вертолеты ушли в Роттердам. Через несколько дней машины возьмут курс на Париж — полетят над Голландией, Бельгией, Францией...

Амстердам (по телефону).

МЫ ВИДЕЛИ МАУГЛИ

Владимир БАЙДАКОВ

Рисунки художника Вадима ТРОФИМОВА.

Удивительно много необычного может увидеть и ощутить человек, впервые попавший на далекий тропический остров Цейлон.

Здесь день и ночь делят сутки пополам, температура воздуха круглый год около тридцати градусов тепла, а влажность близка к тому, что мы называем парной баней.

С удивлением смотрит путешественник где-нибудь на дороге из Коломбо в Канди на рабочих слонов, неторопливо грузящих своими хоботами распиленные стволы деревьев в жадно открытые пасти кузовов грузовиков. И уж совсем удивительно выглядит придорожный щит на шоссе у городка Ампарай, расположенного на юго-востоке острова. «Осторожно, дикие слоны!» — написано крупными буквами. Честно говоря, вначале я думал, что это рекламный трюк Цейлонского туристического бюро, но наткнулся однажды именно там, у щита, на стадо диких слонов, вышедших из джунглей на шоссе.

Однако в этом маленьком очерке речь пойдет не о слонах. Мы расскажем об обитателях джунглей — веддах. Их здесь называют дикими, или лесными, людьми. Совершая поездки по острову, я много слышал о них.

Однажды мы с художником Вадимом Вадимовичем Трофимовым были в городе Алутнувара, в центральной части страны. Нам представилась возможность побывать у одного из племен веддов, живущих в густых джунглях, километрах в 40—50 от этого городка. Проехав, насколько это было возможно, на машине, мы затем пробирались сквозь заросли пешком. И вдруг увидели первого ведда. Это был мальчик лет 12—13, лишенный всякой одежды, за исключением кусочка ткани, болтавшегося на шнурке, повязанном вокруг бедер. Мускулистое тело, свисающие до плеч волосы, которых никогда не касался гребень, смелый, открытый взгляд — все это сразу напомнило киплинговского Маугли. Мальчик действительно походил на юного хозяина джунглей.

Для разговора с ним пришлось прибегнуть к сложной системе перевода. Цейлонский друг, сопровождавший нас, знал тот диалект сингальского языка, которым владел наш Маугли. С диалекта — на английский язык, с английского — на русский:

— Сколько тебе лет?

— Не знаю...

Оказалось, что ведды вообще не ведут счет летам...

Маугли охотно принял на себя роль добровольного гида. Он быстро повел нас по еле заметной тропинке в глубь джунглей. Мы увидели в стороне от тропы странный вымерший поселок. Хижины были почти скрыты зарослями. В период тропических ливней начинается буйное, неудержимое наступление растительности, бороться с которым никто не в силах.

Мы вышли из чащи в редколесье и увидели десятка полтора хижин, сооруженных из толстых ветвей кустарника и лиан, обмазанных глиной. Здесь живут эти люди — прямые потомки коренных жителей Цейлона, давших две с половиной тысячи лет назад вместе с индийскими пришельцами начало сингальской нации, представляющей теперь основное население страны.

Юный гид привел нас к хижине, стоящей несколько поодаль от остальных. Здесь мы познакомились с вождем племени Хоромбой. Немолодой бородатый человек задал нам первый вопрос: есть ли у нас джин? Как выяснилось, Хоромбу возили в Канди, показывали европейцам, и те, что называется, приобщили его к цивилизации...

На солнце сушилась свежая шкура убитого леопарда,— видно, совсем недавно была удачная охота. У порогов некоторых хижин торча-

ШИРОКО ИЗВЕСТЕН

Семнадцатилетнего студента Литературно-художественного института имени Брюсова по комсомольской путевке направили на следовательскую работу. Но комсомолец не распрощался с мечтой о литературе. Наоборот, в молодом юристе окончательно созрело желание делиться с читателем тем поистине жизненным материалом, который щедрым потоком нахлынул на него в следовательской камере.

И через пять лет молодой писатель Лев Шейнин опубликовал первый рассказ «Карьера Кирилла Лавриненко», положивший начало «Запискам следователя».

«Искренний гуманизм» — этими двумя словами определил Николай Погодин существо «Записок следователя». Не к сенсации стремится писатель, а к тому, чтобы читатель вместе с ним отличал убежденного врага и заматерелого преступника от запутавшегося человека и жертвы преступной среды.

Наиболее интересные произведения Лев Романович создал за последние шестнадцать лет. Пьесы

«В середине века», «Заморские гости», «Внук короля», «Игра без правил», повести «Специальное задание» и «Помилование», фильмы «Цепная реакция» и «Игра без правил», боевая публицистика на темы международной жизни — все это широко известно читателям и зрителям.

Свое шестидесятилетие Лев Романович встречает в строю активно действующих писателей. Пользуясь следовательской терминологией, скажу: вещественными доказательствами этому служат и пьеса «Истина», и сценарий «Тайна президента», и новые рассказы.

Ц. СОЛОДАРЬ

ПОСЛЕ ВЫСТУПЛЕНИЯ «ОГОНЬКА»

Пять тысяч имен

В 1959 году в журнале «Огонек» было опубликовано письмо Л. Писаренко (Москва) под заголовком «Как вы назовете своего ребенка?» Читатель писал: «Имена должны отражать радость жизни, красоту родной природы, лучшие человеческие чувства и качества людей».

На это письмо откликнулись многие. Некоторые читатели справедливо негодовали против внедрения в советский быт таких диковинных имен, как, например, Дрезина, Идеал, Трактор, Венера, Аргентина, Гипотенуза, Индустриализация, Полюс и даже Белая Ночь.

На страницах журнала выступил доктор филологических наук С. И. Ожегов. Он заявил: «Личное имя живет не только в паспорте... Оно часть нашей живой речи... Пришло время навести в этом деле порядок. Надо издать небольшой словарь личных русских имен». В свою очередь, решил предупредить увлекающихся экзотическими именами и писатель Лев Успенский. «Не забывайте,— напоминал он,— платье шьется на месяцы, имя дается на десятки лет... Имя не Робинзон, оно живет не в одиночестве. Оно сочетается с отчеством, с фамилией». С юмористическим стихотворением выступил поэт Самуил Маршак. Он закончил его словами:

Справочник личных имен народов РСФСР. Под редакцией Н. А. Баскакова, Е. А. Бокарева, Н. А. Белыка, С. И. Ожегова и А. В. Суперанской. Издательство «Советская энциклопедия», Москва, 1965 год.

ли воткнутые в землю копья. Нам объяснили, что это своеобразный замóк: торчит копье — значит, дома никого нет.

Позднее мне удалось познакомиться с крупным цейлонским ученым, поговорить о веддах. Он долго жил среди них. Он рассказал: на всем острове веддов осталось совсем немного, около 800 человек. Пока так и не раскрыта до конца тайна появления их предков на этом острове. К настоящему времени физический тип веддов в чистом виде почти не сохранился вследствие их смешения с людьми других национальностей. Но даже оставшиеся ведды внешне резко отличаются от всех жителей Южной Азии. Они невысокого роста, обычно 150—160 сантиметров, коренасты, с коричневой кожей, часто имеющей светлый оттенок. Лицо взрослого ведда с резко выступающими скулами, глубоко сидящими глазами, жиденькой бородкой, широким носом и низким лбом, над которым поднимается шапка густых вьющихся черных волос, всегда бесстрастно, и лишь в строгом его взгляде чувствуется какая-то настороженность. Антропологи не имеют единодушного мнения относительно их принадлежности к какому-то определенному человеческому типу: одни причисляют их к негро-австралоидному, другие же считают их совершенно самостоятельным человеческим типом, дав ему название веддоида.

Еще совсем недавно ведды вели кочевой образ жизни, добывая себе пропитание охотой с помощью лука и стрел. Они охотились на оленей, обезьян, варанов, чье мясо и сейчас считается деликатесом. Собирают мед диких пчел, корни трав и кустарников, плоды дикорастущих деревьев...

Суровая жизнь, упорная борьба за существование сделали веддов сильными и выносливыми. Кочевники, они раньше никогда не строили хижин или шалашей и жили в пещерах или под деревьями на берегах рек. Жизнь в условиях тропической жары заставила веддов научиться долго сохранять свежее мясо. Они рубили дуплистые деревья, наполняли дупло медом, клали туда куски мяса и замазывали дупло глиной. Такой способ хранения мяса спасал от голода, если охота долго не бывала удачной.

Последние несколько десятков лет ведды все меньше и меньше занимались охотой, и постоянные переходы в поисках пищи сменились оседлым образом жизни в так называемой сухой зоне Цейлона, где редко выпадают осадки.

Ведды живут племенами, и каждое племя состоит из нескольких семей, объединенных родством. Каждое племя имеет свое название, свидетельствующее о его кастовом статуте. Племена делятся на высшие и низшие. Например, племена морана или унапана считаются выше, чем племена намадева или уру.

Самые уважаемые люди — вождь и шаман. Ведды искренне уважают и почитают женщин. В жизни племен ощущается много черт матриархата, в частности родство считается по материнской линии. Благоговение перед женщиной, подчас ее священное почитание в семье, узы настоящего товарищества между мужем и женой типичны для этих племен. Правда, мужчины неистово, ревнивы, но в то же время абсолютно преданы женам.

Брачная церемония довольно проста. Жених идет к своему будущему тестю с подарками: мясо варана, мед и другие вещи, привязанные к луку со спущенной тетивой. Глава дома зовет дочь, благословляет молодых, и они становятся мужем и женой. Молодой муж всегда входит в дом своей жены, и с первых же дней у него устанавливаются отношения тесной дружбы с тестем. Этого требует племенной закон.

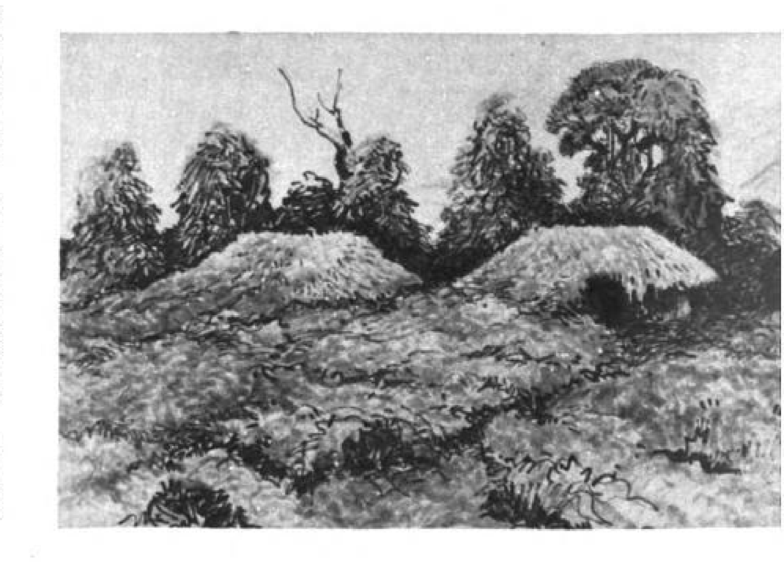
Хижины, в которых живут ведды, лишены мебели. Кровать заменяют несколько шкур, брошенных на земляной пол. В хижине можно увидеть кухонную утварь, состоящую из нескольких глиняных горшков, скудный запас продовольствия, некоторые орудия труда.

У входа, под крышей или на стене, всегда висит узелок с едой, которая предназначается для злого духа. Ведды верят, что дух, подойдя к жилью, съест приготовленную ему пищу и, насытившись, не тронет обитателей хижины. Ведды верят в злых духов, в богов, олицетворяющих силы природы. Но еще сильнее их вера в души умерших старших родственников. Перед уходом на охоту они просят эти души помочь им, защитить их от несчастья. Призывы к душам родственников выражаются в ритуальных танцах, сопровождаемых монотонным пением, хлопаньем в ладоши и постукиванием палок.

В течение тысяч лет ведды жили обособленной жизнью, скрытые густыми зарослями джунглей, хотя нередко общались с жителями близлежащих деревень и городов для того, чтобы продать мясо убитого оленя и собранный в джунглях мед или обменять их на соль, спички, ткани.

Покидая к концу дня племя веддов, мы подумали, что эта обособленная, замкнутая жизнь подходит к концу. В этом нас убеждал рев бульдозеров на строительстве новой шоссейной дороги, прокладываемой в джунглях. Мы видели школу и медицинский пункт вблизи поселения веддов. Делаются попытки освоить земли джунглей.

Пройдут годы — и племена веддов, вероятно, растворятся в общей массе народа Цейлона.

Пусть поймут отец и мать,
Что с прозваньем этим
Век придется вековать
Злополучным детям...

К разработке списков не только русских, но и наиболее употребительных имен других народов РСФСР приступили работники отдела загсов Юридической комиссии Совета Министров РСФСР совместно с Институтом русского языка и Институтом языкознания Академии наук СССР. Были привлечены к этому делу и научно-исследовательские учреждения автономных республик. Работа была долгая и кропотливая, но все же она увенчалась успехом.

Вышел в свет долгожданный «Справочник личных имен народов РСФСР». В нем более пяти тысяч имен: русских, адыгейских, кабардино-черкесских, алтайских, бурятских, дагестанских, хакасских, башкирских, калмыцких, осетинских, татарских, тувинских, якутских и многих других. Составители не только подобрали наиболее красивые мужские и женские имена разных народов, но и дали разъяснения, как имена возникли, как образуются отчества, как склоняются личные имена в русском языке, каков порядок регистрации рождения детей.

П. ЧУМАК

•

В № 23 журнала за прошлый год был опубликован фельетон Ал. Зарова и Ан. Алексеева «Ликование в стане тунеядцев», ставивший вопрос о правомерности прекращения судебных дел на жителей Одессы Л. Бассина, В. Борошневу, Ю. Городиского и Е. Русановского, которые привлекались к ответственности по Указу Президиума Верховного Совета УССР от 12 июня 1961 года.

Прокуратура СССР, занимавшаяся расследованием этого вопроса, сообщила редакции, что при проверке материалов в отношении упомянутых лиц работниками милиции Жовтневого района города Одессы был допущен ряд ошибок, которые привели к необоснованному направлению дел в суд. Дела в отношении Л. Бассина, В. Борошневой, Ю. Городиского и Е. Русановского прекращены.

ОБАЯНИЕ ЦЫГАНСКОГО РОМАНСА

Если вы интересуетесь старинным русским романсом, напевным и страстным, если вам нравятся старые шатровые цыганские песни, о которых так много упоминаний в классической русской литературе и которые сейчас напрасно забываются, то познакомьтесь же с ними! Почувствовать всю их прелесть вам помогут молодые артисты театра «Ромэн» — Рада и Николай Волшаниновы.

Это талантливые люди. Недавно они были гостями «Огонька» и буквально покорили слушателей тонким исполнением, темпераментом, задушевностью.

Репертуар Волшаниновых обширен, а программа строга, даже изысканна. Особенно любят Волшаниновы народные — шуточные и грустные — цыганские песни, цыганскую классику, романсы на слова Пушкина, Апухтина, А. К. Толстого, Блока, хотя столь же внимательно и очень доброжелательно относятся и к современной цыганской музыке и к песням, обработанным советскими поэтами и композиторами. Наверное, можно напомнить о музыке Бугачевского и Дементера и о песне «Кони-звери» М. Блантера, о романсе-вальсе «Чтобы ты не страдала...» на слова М. Светлова.

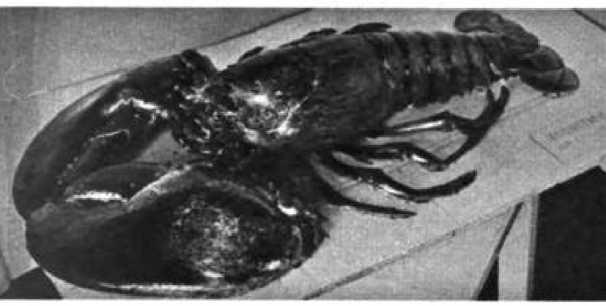
— Больше всего мне нравятся настоящие романсы, старинные, — говорит Рада. — Мы бываем во многих городах и стараемся выкапывать старинные цыганские песни. Записываем их у старых людей и у актеров в театре, в частности от С. И. Андреевой.

Нужно добавить, что Николай Волшанинов — отличный гитарист, что оба заняты почти во всех спектаклях театра «Ромэн». И если вам случится посмотреть «Цыганку Азу», «Сломанный кнут», «Цыганскую легенду», «Цыгана», вы сразу узнаете их.

Г. СМЕТАНИНА

забавные мелочи

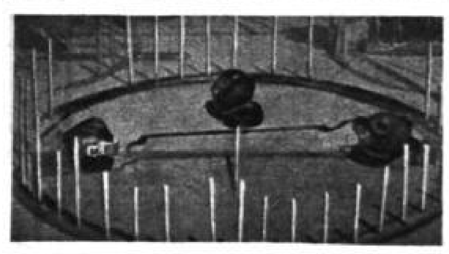
ОМАР-ВЕЛИКАН

У скалистых берегов Черного моря можно встретить европейского омара. Более крупные омары живут в Атлантическом океане.

А этот превзошел размером всех своих сородичей. Его длина почти 80 сантиметров. Необычного омара поймали в Атлантическом океане рыбаки советского промыслового судна.

О. Румянцева

●

ОЗЕРО В КВАРТИРЕ

На строительной выставке в Стокгольме демонстрировалась комната, которая целиком превращается в ванну.

●

НА МАНЕЖЕ — УЛИТКИ

Электромеханик Гвидо де Марио, живущий в Милане, создал маленький цирк, в котором выступают улитки. Этих моллюсков в труппе двадцать. Они возят по арене миниатюрные колясочки, ползают по проволоке, перетягивают друг друга за ниточку.

●

ПО СТОПАМ ДЕДА

Популярный немецкий клоун Чарли Ривель на 79-м году жизни ушел на пенсию, но его фамилия вскоре вновь появилась на афишах. Профессию Чарли Ривеля успешно осваивает его семилетний внук Грегори, которому дед подарил свои семимильные башмаки.

— Поворачивай! Внизу снег уже растаял!

КРОССВОРД

По горизонтали:

6. Частица, имеющая массу электрона и положительный заряд. 7. Один из Курильских островов. 9. Советский режиссер. 12. Цветок. 13. Изречение. 14. Подача мяча в теннисе. 16. Река в Красноярском крае. 17. Союзная республика. 19. Животное, обитающее в тропиках. 20. Рыба семейства карповых. 22. Персонаж романа Ф. М. Достоевского «Идиот». 23. Цифровые данные, расположенные по графам. 25. Непромокаемая ткань. 27. Устройство для автоматического выбрасывания летчика из самолета. 28. Русский изобретатель XIX века. 29. Устное народное творчество.

По вертикали:

1. Совокупность частей слов. 2. Советский литературовед. 3. Материал для мозаики. 4. Наука о растениях. 5. Сатирический журнал, издававшийся Н. И. Новиковым. 8. Кровеносный сосуд. 10. Автор оперы «Сорочинская ярмарка». 11. Разновидность мотоцикла. 14. Разменная монета некоторых стран. 15. Хищная птица. 18. Русский писатель. 19. Термин в боксе. 21. Роман Ф. Купера. 24. Озеро в Прикаспийской низменности. 25. Актер, снимавшийся в фильме «Путевка в жизнь». 26. Ягода.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 11

По горизонтали:

3. Мастихин. 6. Микротом. 8. «Охотник». 9. Оренбург. 14. Тычина. 15. Силуэт. 17. Иловля. 18. Арлекин. 19. Милуоки. 22. Фигаро. 23. Тренер. 24. Индиго. 25. Валторна. 28. Базальт. 29. Образцов. 30. Волейбол.

По вертикали:

1. Картер. 2. Мисхор. 4. Пирамида. 5. Виатлон. 7. Монблан. 10. Мышление. 11. Масленок. 12. Виология. 13. Фламинго. 15. Сократ. 16. Теллур. 19. Миндоро. 20. Индуктор. 21. Запятая. 26. Альбом. 27. Нартов.

Торговля навынос.

На первой странице обложки: Делегат XXIII съезда КПСС Антонина Александровна Кузнецова — машинист салфеточного станка Сокольского целлюлозно-бумажного комбината в Вологодской области.

Фото Б. Кузьмина.

На последней странице обложки: Каток растаял...

Фото А. Становова.

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.

Редакционная коллегия: И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Б. В. ИВАНОВ (заместитель главного редактора), Н. Н. КРУЖКОВ, Л. М. ЛЕРОВ, В. Д. НИКОЛАЕВ (ответственный секретарь), И. Ф. СТАДНЮК (заместитель главного редактора), Л. Л. СТЕПАНОВ, Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: Москва, А-15, Бумажный проезд, 14.

Рукописи не возвращаются. Оформление Л. ШУМАНА.

Телефоны отделов редакции: Секретариата — Д 3-38-61; Отделы: Внутренней жизни — Д 3-37-61; Международный — Д 3-38-63; Искусств — Д 0-46-98; Литературы — Д 3-31-10; Информации — Д 3-32-45; Библиографии — Д 3-38-26; Науки и техники — Д 0-14-70; Юмора — Д 3-32-13; Спорта — Д 3-32-67; Фото — Д 3-39-04; Оформления — Д 3-38-36; Писем — Д 3-36-28; Литературных приложений — Д 3-30-39.

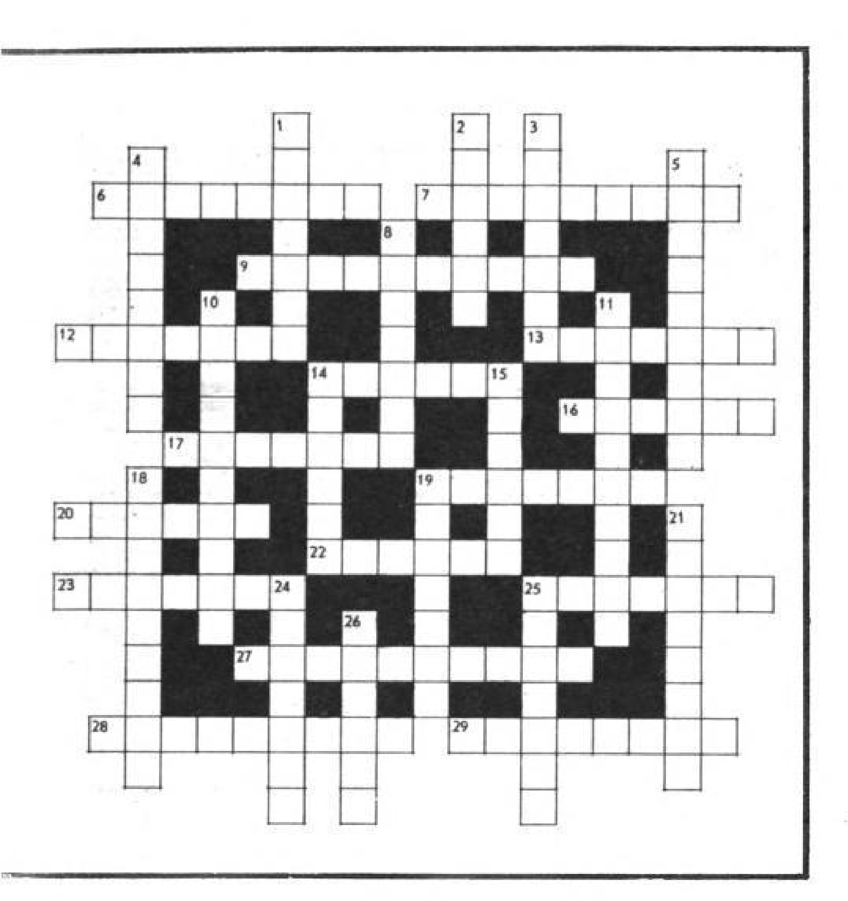
А 10553. Подписано к печати 16/III 1966 г.
Формат бум. 70 × 108¹/₁₆. Печ. л. 5,0. Усл. печ. л. 7.
Тираж 2 000 000. Изд. № 246. Заказ № 615.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. Москва, А-47, ул. «Правды», 24.

— Пусть теперь сосед помоется...

Рисунки В. Тамаева.

— Папа, как звонить при пожаре?

Рисунки О. Корнева и Н. Станиловского.

— Посмотри, Федя, какой-то несчастный зайчишка — и тот меняет шубу два раза в год.

Рисунок Ю. Черепанова.

Без слов.

Рисунок В. Коршкова.

— ...и стакан кефира.

Рисунок А. Алешичева.

Без слов.

Рисунок Р. Свирина.

— Ты зачем учишь попугая говорить плохие слова?
— Что вы, дядя! Я только учу его, какие слова не надо говорить.

Рисунок В. Севрюгова.

Девушка спешит на свидание.

Рисунок Ю. Черепанова.

Цена номера 30 коп.
Индекс 70663